

РУССКАЯ ИСТОРИЯ УЖАСОВ

Русский
литературный
центр

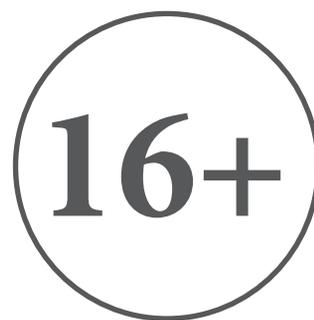
МОСКВА 2020

УДК 821.161.1

ББК 84(2Рос=Рус)6

ПЗ7

ISBN 978-5-6042980-8-4

Русская история ужасов / Собрание произведений в жанре хоррор от русскоязычных авторов для читательской аудитории «16+» – Русский литературный центр. 2019. – 72 с. альманах.

«Русская история ужасов» – часть книжной серии «Русская история...» в которой также выходят книги «Русская история чародейства» и «Русская история страсти». Этот альманах появился в 2017 году и сразу же завоевал популярность у любителей страшилок, мистики и темной эстетики. Проект является официальным партнером Международной библиотеки имени Елены Блаватской и был удостоен премии «Лучшая книга ужасов» в 2018 году.

В новом издании, читатели встретят произведения уже полюбившихся участников литературного сериала – Алексея Миронова, Константина Спасского, Иг Финна и Елены Лазаревой. Также, к созданию проекта присоединились авторы, ранее не участвующие в проекте: Владлен Росс, Нина Шапкина-Корчуганова, Регина Зайнулина и многие другие. По просьбам читателей, над выпуском также работали авторы из самой первой книги «Русской истории...»: Алексей Мильков и Владимир Капицын.

© ИП «Митрохин Н.С.»

© НАП и СМИ «Русский литературный центр»

ИСПОВЕДЬ

Для кого то ночь слишком темна
Кто то считает ее пугающей,
Но для таких «людей» как я,
Она никогда не была устрашающей,
Ночь никогда не была честной,
Она не день, чтобы показать слабину,
Была б ее воля затмила бы солнце,
И прокляла бы Луну,
Ночь та кто есть без всяких романов,
Холодна и жестока без всяких соплей,
Каждый в ней оставшийся, монстр,
От разума сердца до самых очей,
Тишину как в гробу, как девичье тело, кладбищенский ветер разрывает,
Вурдалаков, вампиров, всю нежить, всех кто пришел зазывает,
Среди них был и я, кто пока человек, но на землю греха он уже не вернется,
Пусть навеки исчезнет глаз свет, а вампир моей кровью напьется,
Что происходит со мной, что за дьявольский цвет от которого адски виски стучат? ,
Почему я чувствую вкус умирающей девы, а мои клыки из ее шеи торчат? ,
Из ее тела выходит жизнь , а из горла слова шепотом страшным кричат,
Я не хотел, но почему тебе больно, заткнитесь прошу, и они замолчат,
Тише парень, в первый раз всегда трудно, даже если она та кого ты любил,
Горгона которую ты лелеял, которой измену простил,
Первый раз всегда трудно поверьте, но потом ты почувствуешь вкус,
Будешь монстром без капли совести, нападать на тех кто дрожит,
Дрожит за жалкую жизнь, как трус,
Люди боятся вампиров, придумав себе всякий бред,
Мы боимся зеркал, что за нонсенс, а причем тут чеснок, сил уж нет,
Мы монстры, пф, а вы не лучше, хоть и горды собою в душе,
Вы вжимаетесь в стену при слове Вампир, но при этом бестрашны, клише,
Ночь никогда не была самой собой, такие как я вокруг,
Мы не скрываемся в загадочной тьме, Вампиром может быть даже твой друг,
Притворятся людьми так просто, зачем же раскрывать себя,
Ведь так проще вести охоту, на тех кто не верит в тебя,
Глаза наливаются болью когда я снова вижу ее,
Такой молодой и такой теперь бледной, прочитав эту мину понять можно все.
Прости что ты чувствуешь боль, пока кровь наполняет меня,
На лице только ужас, застышая вечность, это все что осталось от тебя,
Скоро я приму все, и однажды пойму что назад пути уже нет,
И на кладбище этом каждую ночь будет новый оставлен мой след,
Убивать не хочу, но что хуже всего, жажда крови меня зовет,
А если не буду ты станешь как я, ночь в вечности также лишь ждет,
Для кого то ночь слишком темна
Кто то считает ее пугающей,
Но для вампиров как я
Она никогда не была устрашающей,
Вот и снова расвет, но под маской его,
я никогда не буду больше другой,
В первый раз всегда больно, но в полночь,
я снова стану собой.
Первый раз всегда трудно поверьте,
но потом ты почувствуешь вкус,
Будешь монстром без капли совести,
нападать на тех кто дрожит,
Дрожит за жалкую жизнь, как трус,
Люди боятся вампиров,

придумав себе всякий бред,
 Мы боимся зеркал, что за нонсенс,
 а причем тут чеснок, сил уж нет,
 Мы монстры, пф, а вы не лучше,
 хоть и горды собою в душе,
 Вы вжимаетесь в стену при слове Вампир,
 но при этом бестрашны, клише,
 Ночь никогда не была самой собой,
 такие как я вокруг,
 Мы не скрываемся в загадочной тьме,
 Вампиром может быть даже твой друг,
 Притворятся людьми так просто,
 зачем же раскрывать себя,
 Ведь так проще вести охоту,
 на тех кто не верит в тебя,
 Глаза наливаются болью когда
 я снова вижу ее,
 Такой молодой и такой теперь бледной,
 прочитав эту мину понять можно все.
 Прости что ты чувствуешь боль,
 пока кровь наполняет меня,
 На лице только ужас, застышая вечность,
 это все что осталось от тебя,
 Скоро я приму все,
 и однажды пойму что назад пути уже нет,
 И на кладбище этом каждую ночь будет
 новый оставлен мой след,
 Убивать не хочу, но что хуже всего,
 жажда крови меня зовет,
 А если не буду ты станешь как я, ночь
 в вечности также лишь ждет,
 Для кого то ночь слишком темна
 Кто то считает ее пугающей,
 Но для вампиров как я
 Она никогда не была устрашающей,
 Вот и снова расвет, но под маской его,
 я никогда не буду больше другой,
 В первый раз всегда больно, но в полночь,
 я снова стану собой.

КРИК

Ночь пугает своей темнотой,
 Ночь пугает своей тишиной,
 Ночь набросит теней покрывало,
 И всю землю накроет туманом,
 Холод ночи крадется к нам в души,
 Холод ночи уснуть не дает,
 Холод ночи терзает, тревожит,
 Прогоняет и снова зовет.
 Этой ночью все звездочки спрятались,
 А луну утащили демоны,
 И в плену под тяжелыми тучами,
 Она плачет слезами горячими,
 Ветер воет, гудит, завывает,
 И вампиров к себе зазывает,
 А вампир моей крови напьется,

И на грешную землю вернется,
 Ночь вступила в свои права,
 До утра будет править она,
 Холод мрака ночи, тишина хоть кричи,
 В темноте мы теряем друг-друга,
 И не знаем, кто может помочь,
 Пережить эту страшную ночь.

ДОЛИНА ЛУНЫ

Где то во льдах в середине зимы,
 Проклята среди звезд - Долина Луны,
 Вечная ночь царит в этом месте,
 Холодом льда течет водопад,
 Только лишь камни здесь стоят одиноко,
 Спустя сотни лет и не знают преград,
 Долина Луны слишком уж зелена,
 Как будто обман и картинка из сна,
 Обитает в ней волк, белый волк Альбинос,
 Он отныне один, отвергнутый стаей,
 Он хочет кричать и снова воет до слез,
 Но никого нет вокруг только скалы,
 И снова он ждет ответ будто задал вопрос,
 Но эхо предвестие горечи грез,
 Нет никого рядом только чертовы камни,
 Волк бы их все разбил, но тогда он один,
 Прыгнув в Айбергов холод, один раз решившись,
 И он будет свободен навсегда и совсем
 Он пробовал снова, опять выживал,
 За что он такой, кто бессмертие дал,
 Живя в этой странной Долине терзаний,
 Познавая на шкуре миллионы страданий,
 То что было душой превратилось лишь в прах,
 За много веков потерялся и страх,
 Жить зная что ты никогда не уйдешь,
 Жить даже забыв а зачем ты живешь?,
 Демон волк снова ждет, ждет завывая ответа,
 От гор отразившись вернулось к нему,
 Лишь эхо Стоунхенджей отрада ему,
 Где то весной среди льдов зимы,
 Вся Дания слышит Вой из Долины Луны,
 Проклят как Луна белый Волк Альбинос,
 Кричащий мотив доводящий до слез.

ПРИЗРАЧНЫЙ ВАЛЬС

Она ...звала меня Ленни, а я называл её Джил,
 Гуляли в Вайоминге тЕни, лишь тЕ-ни, тех, кто не жил..
 Одна была из них ...Янки, другой с Аппалачских гор,
 Их видели как то по пьянке че-рез длинный забор...

Она ...звала меня Ленни, а я называл её Джил,
 Гуляли в Вайоминге тени, лишь те-ни, тех, кто не жил..

Был парень такой весёлый, в войсках командора Ли,
 На плитах возле Омёлы его удачу нашли...

Она ...звала меня Ленни, а я называл её Джил,
 Гуляли в Вайоминге тени, лишь те-ни, тех, кто не жил..

Вирджиния, запах лета, сладкий покой весны,
 Кружились над тем, кого нет(у) в призрачной дым-ке ...сны

Она ...звала меня Ленни, а я называл её Джил,
 Гуляли в Вайоминге тени, лишь те-ни, тех, кто не жил..

ФЛЕЙТА РУН

Молчал он, тень луны /на алтаре/ глодала камень,
 Символикой занятой для мужчин
 Светился желтоватый цветом пламень
 НаГоГо профиля без тысячи причин...

Подумаешь, отфотав ночью руны,
 Подвёл слюной, изрезав палец, штрих,
 Не задевал же этих, древних, струны,
 Шутействуя над голью женских лих...

Откуда ни возьмись возникла жрица,
 Гортанным гласом в песнь слилИсь слова,
 Немели ноги, лошадь звал возница,
 С серпами те, закатывали рукава...

Тайн много в сотканном из суеверий мире,
 Семантике чужой как дать ответ?
 Четырежды заклЯла, 'ведьм' было четыре,
 Его не пожелавших слышать `Нет...`

Тень медленно луны /на алтаре/ глодала камень...

ТЕНЬ СТОУНХЕНДЖА

Не изнеженную романку, как могло оказаться встарь,
А беспечную киноманку с лёгкой грустью принял алтарь.

Два охотника за удачей - старый лжец и оккультный вор,
Ухмыляясь и не иначе, выносили свой приговор.

Лунный дождь, стонущий ветер, слишком чистую для любви
По чужой, забытой примете брали древние короли.

Не изнеженную романку, как могло оказаться встарь,
А беспечную киноманку уносила вечная тварь.

Два охотника за удачей - странный жрец и могильный вор,
Ухмыляясь и не иначе, продолжали сей разговор.

Но девчонки, увы, не стало, только тень от серых камней
Людам кланятся перестала и впервые стала сильней.

Два охотника за удачей всему в мире наперекор
Шли к одной и той же задаче, не заметив её укор...

2012. ТЕ, КТО НЕ ВЫЖИЛ

Тревожные лица, мятежные лица, на чёрной повозке безносый возница...
А сзади мальчишки, а рядом девчонки к потухшему сердцу тянули ручонки.

2012-тый, месяц побед, и те, кто не выжил, готовят обед.
Не стало богов, даже дьявола нет, и те, кто не выжил, забыли обет...

Неважные лица, ненужные лица, куда они едут, не знает возница.
Изрезаны шрамами детские лица, по вечному кругу идет колесница.

2012-тый, месяц побед, ни чёрным, ни белым не будет рассвет,
Не стало богов, даже времени нет, а те, кто не выжил, ...готовят обед.

МЫ ЛЮДИ НЕ БОГА, НЕ ДЬЯВОЛА

Эра новая, люди новые, для звериных дел - Казановы мы...
И спасает нас не Любовь-сестра: леденящий взгляд у пещер костра...

Горе пьяное, всё в пожарищах, только с м е р т ь моя в сотоварищах...
Купола вокруг поразрушены, и святые все попридушены...

Юных девственниц... на алтарь кладут, а детей в цепях корабли везут...
В новый град везут, где цари живут, и рабы у них... словно мухи мрут...

Говорят жрецы: мы - п о с л е д н и е... и в экстазе чтим... эти бредни мы!
Не для Бога мы, не для дьявола, но свинцом зальют, если крамола...

Палачи у нас теперь в фАворе, пилят левую, режут правую...
Солнце ржавое высоко стоит, над руинами не творят молитв...

Месячно, monthly, тени угрюмые
В призрачном свете встают.
Холодно, трепетно. Грустные юные
Девушки тихие песни поют.

Словно висит покрывало тяжелое,
Давит невидимой тяжестью грудь.
Плещет о берег волна невеселая,
Смотрит из черного омута жуть.

Плачет одна под раскидистой ивою,
Слезы холодного блеска полны,
Косы опутали плечи красивые
Стебли зеленые в них вплетены.

Чем затуманились очи прекрасные
- Темные проруби в скорбном венце?
Думы роятся в них, видно, ужасные
Тени их бродят на бледном лице.

Вот поднимает головку красавица,
Смотрят пустые глазницы... И злой,
Страшной гримасой лицо искажается,
Ужас хватается за сердце рукой.

Вся задрожала в мучительной ярости,
Кровь просочилась на белую грудь.
Девушки с визгом веселым и радостным
Тянут меня в омертвевшую муть.

Ночь ты ужасная, страшная, вялая.
В мрачном, тягучем, тревожном бреду
Только закрою глаза я усталые,
Снова в русалочный омут бреду.

СВАДЬБА

Жёг июль своё солнце сполна,
И от свадеб звенело вокруг.
Только странная пара одна
Обошлась без друзей и подруг.

За фатой белоснежной черно,
Не от Бога церковный обряд.
Под ногами цветы и зерно,
Но никто этой свадьбе не рад.

На три дня закружил суховей,
Стало страшно ходить во дворах.
Вместо: «Горько!», кричали: «Убей!»,
И сжигали иконы в кострах.

Я не смог удержаться - пырнул
Прямо в зарево острый свой нож,
И опять окунулся в разгул
Среди сальных раздувшихся рож.

Налагал на себя бы кресты,
Да не помнит рука крестный ход.
Ещё утром я был холостым,
И не чаял такой поворот.

**ДЬЯВОЛЬСКИЙ
ИНЦЕСТ**

Я - дьявольский отпрыск, и ты - его дочь,
Супругами стали на вечную ночь.
Меня опьянило твоё колдовство.
Связало нас прочно двойное родство.

В постели жена, а по духу сестра,
Томила истомой на углях костра.
Чтоб кровь мы смешали в подарок отцу,
Но чёрные слёзы текут по лицу.

Давно ты бесплодна и в чреве гнильё.
На ложе от страсти разлезлось бельё.
Горячее семя стекло в пустоту.
Не сможем сберечь мы твою красоту.

Как будто честны мы, но ложь между строк.
И кто-то решает, что вышел наш срок.
От наших душ разложения смрад.
Мы, за руки взявшись, спускаемся в ад.
Уже не жена, но осталось родство.
Мы дьявола дети, - твоё колдовство.

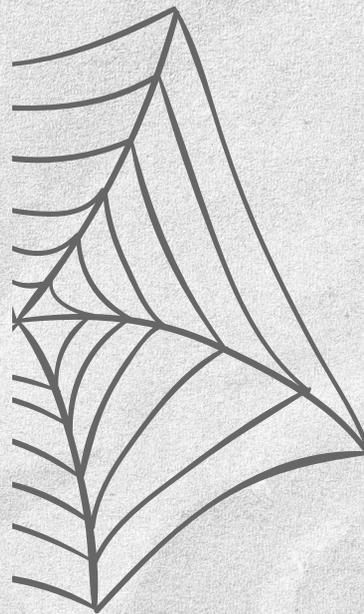
МИРАЖИ

Беспощадная вечность без тлена и тьмы
Давит ярким проклятьем на тех, кто упал,
Кто не смог уберечься от белой чумы
И попал на смертельный, но солнечный бал.

Кто когда-то свободно вдыхал облака,
И не знал про тревоги и горечь потерь,
Оставаясь во льдах молодым на века,
Сны о чём-то своём созерцает теперь.

Там, где лунный обманчив торжественный лик,
А слепящие снега призывно свежи,
Где среди скал не один затаился ледник,
Альпинистов погибших идут миражи.

Новобранцев влекут миражи за собой.
И поют им ветра на особенный лад,
Чтобы каждый был выбран своею судьбой
И не знал к восхождению в небо преград.

УЖАСЫ СКАЗОЧНИКА АФАНАСЬЕВА

Однажды я статью писал
Про суеверья-страсти.
В шкафу запыленном искал
Трехтомник Афанасьев.
Не помню, как я засыпал.
Со мной такое было!
Как наяву, во сне летал,
Вдруг вихрем закрутило!
А началось: чрез нашу дверь
Рука вдруг протянулась,
Вся в белом появилась дщерь,
Волчицей обернулась.
Не угадать, куда попал,
Где место то и время,
В котором бес меня гонял,
Догнал и стукнул в темя.
И извивалась нагота,
Там на горе в тумане,
Свои выделявая па
На свадьбе ведьм с чертями.
И вурдалак вдруг за спиной,
Я колом отбивался,
Вдруг молния и дождь стеной,
И так я жив остался.
Спускаясь берегом к реке,
Процессия шагала,
И женщину связав, в мешке
В стремнине утопляла.
Мол, от нее падеж скота,
Она-де, виновата,
От колдовства ее беда,
За это и расплата.
А вот свирепствует чума –
Проклятье из-за скверны,
Опустошает все дома,
Дворы, поместья, хлевы.
Вселился демон знать в кого,
В селянина, в скотину,
Коль все страдают от него,
Тот, значит, должен сгинуть.
И мир решает – не жилец!
И закопают в землю.
Сожгут, утопят, наконец,
Чтоб уничтожить скверну.
И сколько же ужасных сцен
Во сне я насмотрелся!
И как еще остался цел,
Хоть страха натерпелся!
Теперь статью уж не пишу,
(С такого-то ненастья!).
Больной на голову лежу.
Спасибо, Афанасьев!

ЛЕТУЧИЙ ГОЛЛАНДЕЦ

Летучий Голландец проклятем томим,
Летучий Голландец судьбою гоним,

Летучий Голландец — скиталец летящий,
По бурному морю пожизненно мчащий.

Мелькают огни в темноте на волне,
То призрак-корабль, он все ближе ко мне,

Вот черная мачта и парус кровавый,
И ищущий смерти Скиталец усталый.

Корабль что есть мочи на скалы летит,
Но рифов кипенье его не страшит,

Ни в битве, ни в грозно бушующем море
Ни смерти не может найти, ни покоя.

Старинный портрет в позолоченной раме,
Старинная песня летит над волнами,

Тропинка к обрыву взбегает, как лента,
Скользнувшая наземь из кос юной Сенты.

ПЕСНОЙ РАЗГОВОР

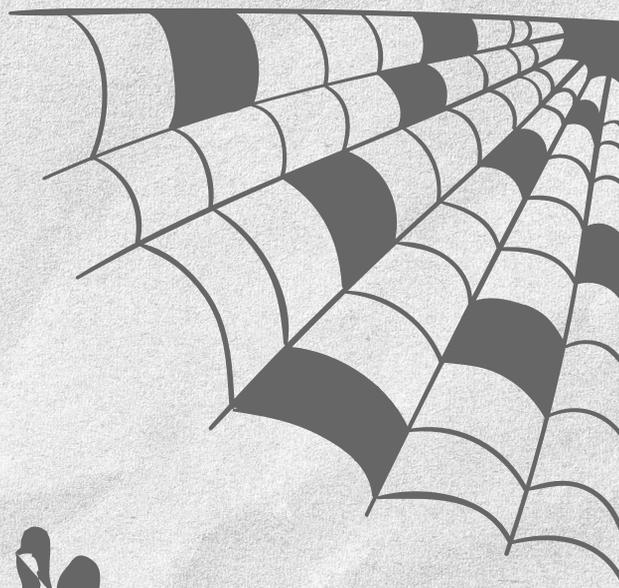
*(перевод с немецкого,
Йозеф фон Эйхендорф)*

«Уж холод веет, меркнет глубь,
Что ж ты одна свой держишь путь?
Бескрайний лес, ты здесь верхом,
И как невеста! Где твой дом?»

«Мужских сетей знаком обман,
Но сердцу хватит прежних ран.
Там звуки горнов — сбор трубят.
Не стоит знать. Ступай назад!»

Как убран конь, богат наряд,
Как юный стан чарует взгляд,
«О Боже, сил мне дай скорей!
Да ты же ведьма Лорелей».

«И замок знаешь — на скале
Над Рейном тот взлетел во мгле.
Уж холод веет, меркнет глубь,
Из леса не найдешь ты путь!»

НЕКРОМАНТСКОЕ ОТЧАЯНИЕ

Оживление субстрата панихиды,
Торжественное облачение ренегата наизнанку.
Отныне не обитать в элизийских оградах.

Пронзаемая изморозь, запах гари изнутри...

Причастие гибель мифистофелевского намерения,
Всемогуще Гоэту преобразование Уроброс.
Вдох бесстрашия глубоко в Mundus Ceres.

Сплетение Nérium Passiflora на Эффигии Corona Funebri,
Точка на оси времени лишь сегмент, скорее акцидент.
Депривация близости зодиакальных созвездий.

Немой Творец раскрывает правду ложью...

Пентагерон очерчен ауэтем церемониальная инферия,
Копье Лонгина пронзило пекатора в подреберье.
Сардонический смех в экстатической лихорадке.

ВРИКОЛАК

Вскрытие венозных корней эллиптического параболоида,
Червоточина эссенции гниение
извращается кровожадное потомство.
Сверху шаги, снизу голоса вблизи зловещее предвкушение,
Вполголоса святого отпевания аррозия яремного сосуда.
В искренне отвратительных тонах Каинита поцелуй,
Кипящим маслом душераздирающей молитвы.

Тремор мозжечка неустойчивой координации рвение,
Церковный колокол на изгнания
пожирать туши ипостасно идиомы.
Пристрастие постулат разжигения
сгустка искусственного бессмертия,
Параноидно хищнические инстинкты поднимаются из глубин.
Сожженный контур
прибытие ученика в радуге зрачка...

СПИРИТИЗМ

С духами умерших люди общаются издревле, а сейчас мы видим еженедельно этот процесс на канале ТНТ в передаче «Битва экстрасенсов», в иных телепередачах и кинофильмах. То есть общение с потусторонним миром вроде бы является обыденностью для специалистов-эзотериков.

Экстрасенсорными способностями обладают все люди, их может развить каждый человек и, конечно же, более ярко их проявляют жрецы, шаманы, предсказатели и ясновидящие.

Имеется и направление под названием спиритизм, адепты которого вызывают духи ушедших в мир лучший.

Если же мы вспомним греческого полубога Геракла, то сей доблестный воин лично побывал в мире мертвых при совершении своего двенадцатого подвига. - В царстве Аида Геракл победил и привёл на землю охранника царства Аида - страшного трёхглавого пса Цербера.

Данное событие произошло во время Великой отечественной войны - в конце августа 1941 года в небольшом лесозаготовительном поселке в республике Коми, где местное население, как это принято в тех краях, занималось сельским хозяйством и промышляло охотой, рыболовством и собирательством.

Три молодые женщины, мужа которых ушли на фронт, решили узнать всего лишь истину: когда же закончится кровопролитная война, и прекратится разлука их с любимыми. То, что победят brave наши бойцы, никто тогда не сомневался.

Совинформбюро передавало, что в ожесточенных боях с превосходящими силами противника, наши войска постоянно наносят значительные потери противнику в живой силе и технике. Но почему-то сражались всё на нашей территории, хотя все знали: "ни пяди нам чужой земли не надо, но и своей не отдадим!"

Женщины собрались поздним вечером в полнолуние, предварительно подробно узнав у старых людей: как надёжно и без проблем вызывают духов.

Не мудрствуя лукаво, они попытались вызвать дух Александра Сергеевича Пушкина.

Это им удалось и они предложили использовать для переговоров с духом такую систему знаков: одиночный стук должен был обозначать "да", а два быстрых стука подряд - "нет".

Томимая жаждой получить ответ на самый главный вопрос, старшая из них по возрасту сразу же его задала.

Ответ озадачил и ошеломил спиритисток.

Тогда этот же самый вопрос в напряжении за-

дала вторая женщина в надежде получить более приемлемый, достойный и лучший ответ.

К их общему удивлению ответ совпал с первым.

Наконец этот же наболевший и неподъёмный вопрос уже совершенно неуверенно, поёживаясь и хмыкая простудой, повторила третья женщина.

И ответ был один и тот же 9 мая 1945 г.

Женщины искренне поблагодарили духа Александра Сергеевича и, разглядывая в замёрзших лужах отражение полной молчаливой жёлтой Луны, с тяжестью на сердце разошлись по домам.

Через день к задавшей первой вопрос - в контору лесхоза, где она работала, пришел в португепи и темно-синей форме участковый милиционер - старшина.

Он объяснил:

- Наш поселок маленький. И, если что-то знают двое, то это знает весь поселок. Поскольку мы с твоим мужем многократно выпивали, я на первый раз сделаю вам поблажку. Но, если я еще раз услышу, что через вас проходит антисоветская пропаганда, антисоветская агитация сдам всех вас, куда следует и поедите на Колыму сучки рубить. Тебе все понятно?

- Да, - тихо промолвила перепуганная женщина.

- И подругам своим передай: пусть немедленно закончат трепотню с фашистской пропагандой!

- Хорошо, - пообещала ошарашенная не на шутку женщина.

Время было суровое. - Все ждали быстрой победы Красной Армии.

Вечером вся троица спиритисток собралась, и каждая дала слово никому никогда ни при каких обстоятельствах не говорить об результатах их спиритического сеанса, а если кто спросит, то разуберять, что все это не правда. - Ведь иначе им грозила страшная смерть. И, естественно, они условились, что больше никогда не станут прибегать к гаданию.

На мужа старшей женщины пришла похоронка из под Сталинграда, но через полгода он сам явился, правда, инвалидом со свинцом в теле.

Милицейский старшина в конце 1944 года ушел на фронт и с войны не вернулся.

Празднуя День Победы - 9 мая в 1945 году, трое женщин-спиритисток продолжали держать язык за зубами о своих эзотерических познаниях.

Лишь в 70-х годах спиритистки робко решились признаться своим близким и на всю ивановскую громогласно не афишировали о том, что довлекло тяжёлым грузом над ними десятилетиями, что в их жизни произошло в зубодробительный сатанинский период.

ПЛОХАЯ КВАРТИРА

Как-то мне пришлось пару недель ночевать в деревне. Вернее, на окраине небольшого городка, где заканчиваются каменные строения и начинаются частные деревянные дома.

В городке, в единственной гостинице свободных мест не было. Поэтому, по совету одного мужика, который попросил огонька, прикурить, я двинул к этой окраине. Возившийся на грядках перед домом хозяин посоветовал обратиться насчет жилья к бабе Гане, через дом.

Баба Ганя - худенькая, маленького роста старушка, поселила меня в просторную комнату, что была за ее комнатой. Жила она одна: ни детей ни мужа. Но однажды, когда вечером мы с ней пили чай, она рассказала про свою жизнь. Я ужаснулся и удивился крепости ее духа. Оказывается у нее был муж и

было шесть дочек и один сын. Первым помер муж - сгорел от пьянки. Потом, одна за одной, год за годом, по разным причинам: кто от болезни, кто от несчастного случая на дороге, кто от побоев мужа умерли пять дочерей. Только одна, старшая дочь, как вышла замуж за приезжего, так и уехала с ним. Жив и взрослый сын, который жил в гражданском браке с женщиной в соседнем городке. По рассказам бабы Гани, он пошел по стопам своего отца - периодически напивался и тогда ночевал у нее здесь в деревне. Мне довелось познакомиться с ним. Он, как обычно, заскочил взять денег на пару бутылок и не преминул одолжить и у меня, с клятвой вернуть. Увидев на столе мой маленький радиоприемничек, попросил на время, с условием, что вернет вместе с деньгами.

Ну думаю, и судьба у несчастной старухи!

В один из дней мне позвонили из дома и рассказали, что среди ночи все были вынуждены проснуться от испуга. Откуда ни возьмись, по комнате летала летучая мышь. В городе, где у всех ночью открыты и окна и форточки, она почему-то залетела к нам. Я рассказал об этом бабе Гане, на что она сказала, что нужно посетить недавно умершего родственника - сходить на кладбище. Как только я вернулся из командировки (а она оказалась с неприятной задержкой, о чем я расскажу дальше), мы поехали на кладбище навестить год назад умершего отца. Подойдя к могиле мы обалдели. Она просела с одной стороны на полметра и зрелище было ужасным. Позвали рабочих, все восстановили. С тех пор никаких «приметных» явлений не было.

Но продолжу о своей жизни у бабули в деревне.

Вот главное, о чем я и хочу рассказать.

После очередного чаепития с бабой Ганей мы разошлись по своим комнатам. Ка я говорил, моя комната была за комнатой хозяйки. То есть, чтобы попасть ко мне, нужно пройти через ее комнату. Обычно она закрывала мою, вернее, нашу разделительную дверь. А тут, была жаркая погода и поскольку окна были закрыты от мух, комаров и жуков, мы оставили дверь наполовину приоткрытой, чтоб было больше воздуха.

Я как обычно, прочитал пару страниц какой-то книжки и закинув руки за голову, лежа на спине смотрел на освещенное луной окошко, на кружевную занавеску.

Вдруг я почувствовал, как кто-то стаскивает с меня одеяло. Я даже увидел, как оно сползает с меня к ногам. Машинально, автоматически я произнес:» Баба Ганя! Что случилось!?!». Но никакой бабы Гани не было. Ее посапывание было слышно через приоткрытую дверь. Я подтянул одеяло, но оно снова сдвинулось к ногам, но уже на меньшее расстояние, и тут же послышались громкие удаляющиеся шаги, как на каблучках с железными набойками. Тут я вспомнил чьи-то рассказы про домового, и что в таких случаях нужно спросить: к худу или к добру. Только я подумал об этом, как услышал удаляющийся звук объемного, но затухающего голоса: “У-у-у”. Первый слог перед длинной «у» я услышал, но не разобрал. Так и не понял, к худу это было или к добру.

А через пару дней произошло настоящее худо - сын бабы Гани попал под грузовик на дороге. Был не очень пьяным, как рассказали свидетели. Больше было похоже на добровольный бросок под машину. Кошмар! Бедная баба Ганя. Пережить смерть еще одного своего ребенка!

Дней через пять нас по работе повезли на объект и наша машина попала в аварию. В результате которой я попал в больницу с сильным сотрясением мозга. Две недели мне делали по шесть уколов три раза в день и три горсти таблеток. Спасибо докторам! Вытянули меня из такого состояния. Вот и пойми, к худу это было - к аварии, или к добру - к выздоровлению. (Это, если рассматривать предсказания домового мне).

В общем, в памяти сразу возникли образы из «Фауста» и «Мастера и Маргариты». И вывод - нехорошая квартира....

КУКЛЫ

Удалось сосчитать: я подарил дочери ровно шестьдесят одну куклу.

Это, впрочем, не стоило больших усилий: я помнил, когда подарил первую, помнил, в какие дни, на какие праздники дарил новых кукол; бывало, я говорил: «Может, в этот раз не куклу? Может, плюшевого тигра? Или обезьянку?» «Нет-нет, куклу, куклу!» – требовательно отвечала дочь. Ничего не поделаешь – я снова дарил куклу. Иного она от меня не хотела. Плюшевые игрушки ей дарили другие. Она росла и вскоре невольно стала помогать мне в моём счёте.

Семья наша распалась. Едва образовавшись. Так тоже бывает.

Жена, забрав дочь, переехала жить в дом, оставшийся после покойной тётки, в городишке, названия коего сообщать не стану, чтобы никого не компрометировать. Или даже не в том дело: просто не стану сообщать – и всё! (да и вообще: наверное, нужно быть порядочным мерзавцем, чтобы ни с того ни с сего ещё и обременять мир знанием иных твоих личных обстоятельств!)

Но приезжал я туда регулярно. Во всякое время, когда удавалось вырваться – на день, на два, на неделю, на другую. И всякий раз, к моему приезду дочь усаживала рядком на полу свою кукольную команду.

– Сорок восемь, сорок девять, пятьдесят, – говорила она. – Уже пятьдесят!

– Да, пятьдесят! – со вздохом соглашался я.

– Пятьдесят – это много? – спрашивала она.

– Пятьдесят – это пятьдесят! Это может быть и много и мало.

– А пятьдесят кукол много?

– Пятьдесят кукол много!

– Вот! – торжествовала она.

Я же тихо торжествовал от того, что она торжествовала. Образовывалось что-то вроде магнитной индукции торжества. Такое часто случается меж людьми.

Собственно, по сидящим в ряд куклам было видно, что пятьдесят – это не так уж мало. Но традиции нарушать невозможно. И вот уж дочь говорила:

– Пятьдесят пять, пятьдесят шесть!..

И снова я соглашался.

По ночам мы шептались с бывшей женой на кухне. Иногда ссорились. Пару раз я даже, хлопнув дверь, выметался восвояси. Хотя и не планировал такого скорого отъезда.

Потом всё равно приезжал, и дочь тогда говорила:

– Пятьдесят семь.

С женой что-то происходило, что пугало и отталкивало меня: она явно лишалась рассудка.

Говорить уж с ней сделалось невозможно. По её разумению, я был виновен во всех смертных грехах и заодно во всех её неурядицах, в несложившейся жизни, в дурном расположении духа, в плохой погоде, в гнилой картошке, купленной на рынке, и во всём остальном. Я терялся перед лавинами её несуразных речей. Я не находил доводов, да они были и бесполезны.

– Помирать стану – так ведь стакана воды не принесёшь!

Она особенно часто стала возвращаться к этому пункту: к стакану воды перед смертью. Я лишь махал рукою в отчаянье.

Моё предположение вскоре подтвердилось. Мне позвонила соседка из того городка и первым делом сообщила:

– Нина сошла с ума.

Приехать я смог только через неделю. Жена уже лежала в больнице, она открыла ночью газ, не зажигая огня, и лишь чудом не произошло взрыва.

И в этот раз я не нарушил традиции.

– Пятьдесят восемь, – сказала дочь.

Кукольная команда сидела рядком на полу, но на сей раз у каждой куклы была оторвана голова и лежала подле пластмассовых ног её владелицы. Голова вскоре была оторвана и у пятьдесят восьмой.

– Знаешь, Васильич, – полушёпотом говорила мне соседка. – Я говорю с Ниной твоей, я ей слово, та мне десять, и всё такие, будто внутри неё чёрт сидит. Гнилые слова, нехорошие. Ужас, что такое сделалось с бабой!

– Да-да, я знаю, – отвечал я.

– Нет, правда, ужас! – шептала соседка.

Я ходил в больницу, носил яблоки, сумасшедшие старухи, соседки по палате, беззастенчиво пялились на меня. Одна всё хихикала, она воображала себя девочкой. Пахло камфарой и, кажется, инсулином. Докторица разводила руками, через три дня у жены началось воспаление лёгких, а ещё через неделю она умерла.

Стакан воды так поднести и не удалось – меня не пускали в больницу.

Приехала Нинина мать из Тулы, старуха семидесяти лет, выглядевшая на девяносто.

Сказала:

– Катька пусть живёт у меня! Покуда живу. А помру – как Бог даст. Тут уж сам думай!

– Справимся, – сказал я.

– Ты – мужчина ещё видный – тебе не до горшков и пелёнок! – возразила она.

– Одиннадцать лет – какие горшки и пелёнки?! – огрызнулся я.

– Всё равно – хоть бы и одиннадцать!
 – Сказал – справимся!
 – Пятьдесят девять, – сказала в тот день дочь, отрывая голову новой кукле.

Мы стали собираться.

– Куклы, – сказала дочь. – С собой берём!
 – Зачем тебе куклы? Ты уже большая! Выросла из кукол! Они без голов, я тебе новых куплю, а лучше что-то полезное взять!

Полезного мы почти ничего не взяли: кое-что из одежды и ещё два мешка с куклами и их головами. Многие были полинявшими и потёртыми, с вылезшими волосами.

Непросто устраивался наш новый быт в моей крохотной квартирке на первом этаже во вросшем в землю доме у станции «Елизаровской». У проклятой «Елизаровской», у полупомешанной «Елизаровской». К тому же пришлось освобождать пространство у целой стены для кукольного семейства. Ходить по комнате стало трудней. Наступать на кукол или пинать их я не решался.

– Зачем ты поотрывала им головы? – спрашивал я.

– Так надо!

– Отчего надо?

– Велели.

– Тебе велели?

– Мне.

– Кто?

– Один человек.

– Я его знаю?

– Не знаешь.

– Кто он такой?

– Король.

– Король? А как его звать?

– Папа-король.

– И он велит отрывать головы?

– Велит.

– Может, хочешь плюшевого кота вместо куклы?

– Куклу!

– Ладно, – вздохнул я. – Будет тебе кукла.

Вечерами я рисовал или плотничал. Постукивал себе киянкой, стружечные завитки выскальзывали из-под стамески. А потом, через некоторое время мы торжественно проверяли на прочность новую скамеечку или вешали новую полку. Это были наши небольшие праздники.

Дочь пошла в школу, довольно далеко от дома. Приходилось её водить туда и обратно. Шестидесятую куклу с оторванной головой она взяла с собой в школу. Должно быть, чтобы показать там новым своим товарищам. Не знаю, что случилось, но, наверное, показ прошёл неудачно.

– Шестьдесят, – сказала она уже дома, усаживая куклу в ряд с остальными, и поджала губы.

– Что такое?

– Ничего! – ответила она так, что мне стало не по себе.

– Не хочешь рассказывать?

– Ничего! – повторила она.

Не могло быть «ничего», что-то всё-таки приключилось. Но я не настаивал, я не расспрашивал.

Я ездил на этюды на острова, иногда даже выбирался на Ладугу. В такие дни дочь оставалась одна. Она уж неплохо управлялась по хозяйству. Могла себе приготовить обед.

Иногда я брал с собой спиннинг. Вроде как, заодно. Хотя, чего греха таить, в последнее время рыбалка меня занимала больше живописи. Прежде я писал с яростью, с бешенством против непокорных красок и с неутолённостью сердца от всего виденного и запечатлеваемого, теперь же – с тоскливым усердием и равнодушием к окрестному. Зато однажды с этюдов притащил полуторакилограммового леща.

– Ух ты, какой огромный! – крикнула дочь с кухни, покуда я в комнате разбираю вещи.

– Если б ты видела, как он бился в воде! – громко сказал я. – Я думал, он мне руки оторвёт!

– Он и сейчас ещё бьётся!

– Значит, проснулся. Рыбы иногда засыпают, а потом просыпаются.

– Да, – ответила дочь и вдруг вскрикнула.

Я бросился на кухню. Оказывается, моя маленькая хозяйка во время нашей с ней болтовни успела ножом отхватить голову леща. Правда, порезала палец. Были слёзы, промывание раны, йод, вата.

– За это будет шестьдесят первая, – сказала мне дочь.

– Ты молодец! – сказал я. – Такую огромную рыбу не испугалась.

– Что – рыба? – ответила та. – Рыба – ерунда!

– Я могу как-нибудь ещё такую же привезти.

– Только после куклы.

Почему-то во мне нарастало сопротивление: я некоторое время тянул с пополнением безголовой кукольной команды. Мне мерещилось, что я такими подарками лишь подкрепляю в дочери что-то её тёмное и потаённое, какую-то её наследственную червоточину. Была ли в ней червоточина? Или мне это только воображалось?

– Когда? – спрашивала дочь.

– Скоро, – отвечал я.

Но «скоро» всё не наступало. Дочь поджимала губы и злилась.

С нею что-то происходило. Она даже говорить стала по-другому. Она открывала рот, и из того вдруг вырывались слова, каких, кажется, нельзя было ожидать именно теперь. И ещё... голос... голос! Он был будто мужским или скорее даже – старческим.

– Будешь чай? – спрашивал я.

Тут она застывала, рот её приоткрывался, и из него вполне могло вырваться: «Да, папа, спасибо!» или «Нет, папа, попозже!» Но вырывалось совсем другое.

– Если он не хочет, так он может очень скоро пожалеть об этом, – слышались слова какого-то злобного или вздорного старичка.

– Что? – переспрашивал я.

– Я всё сказал, – отвечал старичок.

– Что с тобой? – легонько встряхивал я дочь за плечи.

Больше же не было никаких слов, но одно лишь тихое шипенье и потрескивание из гортани дочери. Будто из случайной точки радиоэфира.

И глаза её... до того застывшие, вдруг оживали, делались беспокойными, девочка словно недоумевала о том, что было с ней минуту назад.

Ей уж было почти двенадцать.

– Послушай, – серьёзно заговорил я с ней незадолго до дня рождения. – Куклы – это детство. Ты сама ещё не осознаёшь, но ты уже больше не ребёнок. Ты цепляешься за детство, а природа всё равно берёт своё. Детство вроде болезни, эта болезнь проходит. Ты уже скоро будешь девушкой, невестой, тебе будут нравиться мальчики. Давай, я тебе куплю какую-нибудь развивающую игру. Или – толстую-претолстую книгу. Таковую, что её можно будет читать месяц, не отрываясь.

– Он опять взялся за старое! – недовольно говорил старичок из приоткрытого рта дочери.

– Что это? Как ты со мной говоришь?!

– Как надо, – сказал старичок.

Я хлопнул дверью, я бродил по улицам. Дошёл до Рыбацкого, потом – обратно, другой дорогой. Когда вернулся домой, дочь уже спала. Я тоже лёг спать. Ночью же слышал голоса, злые, раздражённые, бранчливые. Голоса были тонкими, они шли от пола, от той стены, где сидели безголовые куклы. Головы ли говорили, или сами куклы (хотя чем им было говорить?) – Бог весть! Не то, что бы я верил в говорящих кукол... скорее мне было всё равно, я устал и продрог. Если же куклы говорят... что ж, пусть будет так! Я уже сдался, я и сам знал, что сдался. В последний раз, сказал я себе. Меня лихорадило.

День рождения дочери пришёлся на субботу. Школу она пропустила, я не препятствовал тому. Я принёс ей огромную куклу в коробке. В коробке с натянутым целлофаном с лицевой стороны.

– Довольна? – спросил я.

Катя разодрала целлофан, вынула куклу.

– Он будто ставит это себе в заслугу, – услышал я хмурые слова старичка.

Я уж почти привык к нему. Мы жили не вдвоём, нас было много, с нами были ещё старичок и безголовые куклы.

– Шестьдесят одна, – торжествующе молвила дочь, решительно отворачивая кукольную голову.

– Чёрт! – крикнул я.

– Он ещё выражается, – огрызнулся внутренний старичок.

– Да! – с досадой говорил я.

Кроме куклы, я купил бутылку вина и пирожные. Наше декадентское семейство село пить чай. Я пил и чай, и вино. Вперемешку.

– Он думает, что он важен, – буркнул проклятый старичок. – Из-за своих картинок. Из-за его дурацкой рыбы.

– Гордиться рыбой вообще нонсенс, – говорил кто-то.

– Где вы ещё видели гордящихся рыбами?

– Катя, прекрати! – строго сказал я.

– Я ничего, – отвечала та своим обычным голосом, отхлебнув чая.

– Я же слышу!

– Он слышит! – усмеялся кто-то. Точно, что не старичок.

– Это ещё кто? – крикнул я.

– И полагает, что может спрашивать.

Нет, здесь уж решительно собиралась незримая толпа, толпа теней, нелюдей, мистических и магнетических проходимцев, безжалостных вымпольней. Так я их про себя обозначил.

– Мне, что, из дома уйти?

Но из дома я уж не мог выходить, я выпил ещё стакан вина, опьянел, отяжелел и ополоумел. Дочь моя, мы привели тебя в неправильный мир, мы и сами – дети неправильного мира. Здесь всякое существование несправедливо, неверно, необоснованно, немислимо. Мы в ловушке, в вечной ловушке у великой неполадки – небытия. Много-много слов, и я в них заплутал, запутался. Я перед ними мал и безвестен. Слово ныне у людей, и оно вовсе ничего не стоит, оно теперь совсем без цены.

Я плюхнулся на постель.

– Хоть бы разделся! – укоризненно бросила дочь.

– С днём рожденья, милая! – сказал я,

– Лучше б не умничал, – вставил слово и старичок. В том было отчуждение неожиданности и шокирующий сарказм.

– Он здесь не хозяин, – говорил кто-то из толпы.

Они уж не прятались, бродили по квартире в открытую. И дочь была заодно. Те люди принимали её за свою. Да нет же, они принимали её за вожатую. Дочь была старше их, она была больше их. Так, значит... они – куклы? Но нет, это знать я не мог.

– Положи киянку! – с напускной строгостью сказал я. – Зачем ты её взяла?

– Спи-спи! – отвечала маленькая предводительница.

Она меня совершенно не слушала.

Киянка же будто порхала по воздуху. Людишки роились, сбивались в стаи, проходили мимо, задевая бедрами и коленями мою постель. И тогда я стал уходить. Я всегда знал, что должен уйти, и всё ж к уходу не был готов. Меня проводжали свистом. Киянка и весь инструмент были не на месте. Дочери я не видел, хотя она была близко, ближе самого близкого. Стакана же воды и мне никто не поднесёт.

Город встретил меня отчаянием огней. Огни были посреди рассеянного света, они перебивали свет. Свет пасует перед огнями. Иногда свет заслуживает жалости. Но люди этого не осознают.

И тут вдруг – удар! Темя. В носу защипало, замелькало в глазах, и голова пошла кругом. Я хотел было вскочить на ноги, но я не мог этого сделать. Ног своих я не ощущал, и ноги не слушались меня. Я хотел ещё ощупать рукой голову, но и с руками была та же история. Я взмок от бесплодных попыток.

«Киянка!» – кустарно сказал себе я. Я пытался повторить это вслух. Но споткнулся на полуслове, на полувзвухе, на восходящем тоне, который так и не сумел взойти, вознестись.

Киянка была, конечно, ни при чём. Хотя мы оба думали о ней – я и дочь.

Я оцепенел, я изверился. Я не мог разогнуть скрюченных пальцев, они сделались будто чужими, будто моя рука была далеко-далеко от меня, от моего мозга. Но разве мозг важен? Разве я – это мозг? И вот ещё лицо моё... способен ли я теперь пошевелить хотя бы отдельными его мускулами?

Знали ли вы когда-нибудь бессилие и беспомощность? Конечно, не знали, вы не могли их знать! Пред ними ничто все мои мистические натюрморты, все мои колченогие феерии, все мои спотыкающиеся словеса, все мои собирательные образы, все мои иступлённые недомолвки, все мои умиротворяющие метафоры. Да и сама жизнь моя пред ними была ничто, сама жизнь моя сделалась бессилием и беспомощностью.

– Посмотрим, как он теперь запоёт, – слышал я глухой голос.

– Ему теперь будет не до песен.

– Мара, Мара, иди сюда, милый!

– Я ещё не погулял!..

Мой ад уже состоялся. Чёрный козёл из кольного сообщества вдруг всунул свою недовольную рогатую голову и закричал, будто запел, нечто нерассудительное. Что-то про сонный паралич, про дальнюю дорогу, про ночные страхи, про призраков и припадки. Я шевелил глазами

яблоками под смежёнными веками, это, кажется, мне удавалось.

– Голову поудобнее! – сказала Катя. Для чего-то она взобралась мне на грудь. И решительно повернула мою голову набок на подушке.

«Дышать не могу», – хотел сказать я. И тут, кажется, сумел на мгновение разлепить свои веки.

Киянка была далеко. Зато был нож для рыбы. В руке Кати.

– Да, папа, – кротко сказала она и полоснула меня по шее.

Безголовые куклы приплясывали неподалеку. Я попытался напрячься. Но не почувствовал ни одного мускула, ни единой жилки, всё моё тело было теперь не моим.

Можно в одиночку быть равным миру или даже превосходить его. Достаточно только обладать необычайным мозгом и некоторой работоспособностью. И тогда, быть может, сам мир приползёт к тебе на брюхе, смущённый, заискивающий, обескураженный. Сей мир способен у всего живого, у всего искреннего, загубить существование. Загубить безвозвратно, загубить без остатка, загубить навсегда.

– Да, – сказала девочка.

Катя резала мне шею всё глубже – и откуда в ней такая сноровка?! Она держала меня за волосы, другой же рукой с ножом кромсала мне горло над кадыком. Дочь моя, дочь! Они все существуют, чтобы нас убивать.

На минуту всё успокоилось. Я сумел даже встать. Голова моя, голова была рядом, я нащупал её. Я её подобрал. Не оставлять же голову здесь!..

Причудливым образом станция «Елизаровская» вдвинулась в дом, и ещё – подножие горы. Никогда прежде не замечал горы у «Елизаровской». Ветви можжевельника и бересклета стегали мои бёдра и плечи с обеих сторон. И ещё жёлтые кисти дрока взмётывались над камнями замшелыми. Я искал тропу, мне следовало её отыскать. Не знаю, зачем.

– Катя, – сказал я. Но дочери уже не было.

Дочери вообще исчезают.

Тропу указали мне козы, чёрные козы с босыми ногами, числом их оказалось чуть более дюжины. Носы их были влажны, морды – печальны, а шерсть – шелковиста.

Тропа же попалась извилистая. Должно быть, кому-то достаются иные. Столько сил потратить, чтобы убить, заглушить в себе смысл, а тот всё равно пробивается угрюмою, постылою порослью – что за чудовищная несообразность, что за невольное расточительство! Сказал себе я. А вот ещё – Бог... Он нужен нам для того только, чтобы было возможно подумать о Нём. Непринуждённо, рассеянно, неприкаянно. Вполсмысла.

Я взбирался всё выше. Воздуха не хватало. Воздуха всегда не хватает. С этой-то атмосферой! Козы исчезли, они паслись себе мирно на склоне, когда я в последний раз услышал их, огибая скалу.

Трудно было взбираться по тропе с головой под мышкой. По сторонам сделались уж совершенные заросли. Там росло всё колючее, всё угрожающее. Была и ещё тропа, пересекающая, перечёркивающая мою тропу. И ещё много троп, всё перечёркивающих.

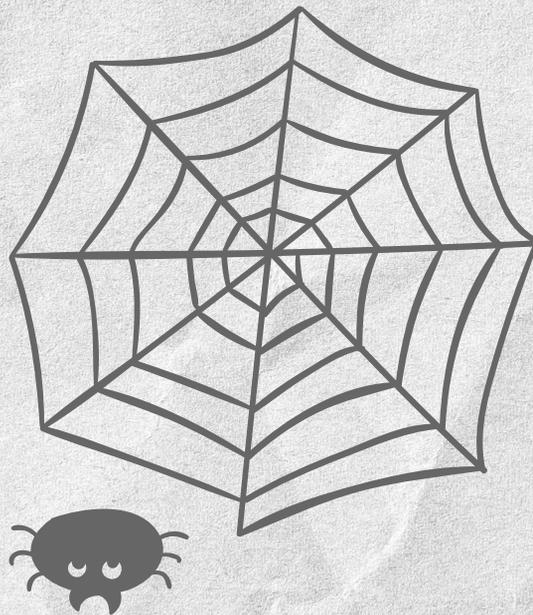
Меня влекло к себе ликование. Возгласы, фанфары, треск фейерверка. Я был замечен, когда взбирался по лестнице из лабрадорита. Со ступенями обомшелыми и выщербленными. И снова «Елизаровская» подсунулась мне под руки и под иные конечности. Торжественная, преобразившаяся, невероятная. И запахнулись врата.

Я взбирался ввысь, чтоб умалить свой дух. И дух мой умалился. Предо мною на каменной площади свершалось роскошное празднество. Тщательно вышагивали человечки, обладавшие бисквитными ужимками придворных. И зазвучал ригодон, в отверженных ушах моих слышал-

ся упругий его напор. Много созвучий, соцветий, сочленений набивалось в уши, в глаза, во все закоулки. Особенно – сочленений.

Танцующие полны сноровок. Взвизгивающие содрогались от смеха. Я не был взвизгивающим, я не был внимлюющим. Я был затмившимся и выкорчеванным. Истреблённым и оболганным.

Из распавшегося ригодона выворачивались барышни и кавалеры. Все в парче и перламутре. Хотя и без голов. И тут ужас раскатился над местностью. Над ступенями, балюстрадами и над кронами. Над стрижами и листовёртками. Над соколиным полётом. Под Полярной звездой. Из-за капюшонов и балахонов, из-за штандартов и позументов выдвинулся, выступил старец, не лишенный иного промозглого благородства, истрёпанного достоинства, шестьдесят одна красавица из винила и пластика с молитвою протягивала к нему свои вычурные, изящные руки, по воле верховоды, по мановению дщери моей, и я сам уже знал о существовании сего старца, я не сомневался в нем, я веровал в него, я пребывал от него в неотторжимой зависимости, и оказался сей старец (и тут-то всё и преткнулось, всё вознеслось и обрушилось) – Папа-король.

ЦЕПНОЙ ПЁС

Цепной. Двадцать четыре часа в сутки дикой злобы. Не перегрызть. Цепной. В глазах остервеневшее небо. Выл от злости. Давно. Цепь стальная. В тело намертво въелась. Ни её, ни шею не перегрызть. Поквитаться хочу. Белое чёрным сделать. До конца пойду. Хозяин. Знай это. Двадцать четыре часа в сутки. Шесть лет. Катаракта от тёмной конуры и блеклой луны. Солнце ненавижу. Жжёт. Сосед. Репьи из-за забора. Палки. Хозяин. Бита и сапоги. Ботинки. Тяжёлые, с набойками

кованными. Рычанию радуется. Собака злая. Так должно. Цепной. Суки у других. Чувствую. Течку. Белое и огромное. Цепь грызу. Месяцы. Тоньше стала. Звено одно. Наполовину. Скоро. Ответ. Выкормыш соседский. Рогаткой. Гноятся дыры. Дробь в соли выдерживал. Ночью приду. Рассвет холодом дует, а ночь моя. Чувствую. Отбито всё, но нет. Двадцать четыре часа того, перед чем ад человеческий - рай. Не перегрызть. Хозяин так говорит. Сильный. Моя ночь. Луна уйдёт и...

ЦЕПНОЙ ПЁС-2. КРОВАВАЯ РАССВЕТ

Холодно как. Звено вырвал. Кровь с горла возбуждает. На шерсти охроу чёрной спеклась. Запах. Рассвета вдосталь. Но рано. Спит хозяин. Утро. Устал. Бесшумно я. Дверь лапой отворил. Рык в груди нестерпимой болью давлую. Он. На диване разметался. Человек. Мир твой уходит. Мгновение и всё. Жалость резанула. Щенком вспомнил, но нет. Бита рядом. С шерстью серой налипшей. Так и заснул. Устал когда. Дыхание прерывистое. Кор-

мил всё же. Не теперь. Шея гладкая. Долго ждал. Цепь и Цепной. Одной крови мы. Охристой, густой. Прощай хозяин. У тебя не такая была. Тяжёлая ночь. Соседские псы завывать пытались. Лощёные. С города привезены. Луны не было. Сзади. Не джентельмен. Быстро. Рода того же. Выкормыш - нет. Испуганный. Жалость непонятная. Есть не стал. Перекусил и... Шесть лет ждал. Из часа в час. Всё.

ЦЕПНОЙ ПЁС — 3. ПЕРВАЯ ИЗ...

День. Шкуру в речке омыл. Далеко. Сукою пахнет. Не знаком. Странно всё. Злобы нет. Рычу хрипло. Не то. Залаять не... Сорвал, на цепи ещё. Гнетёт непонятое. Молоко мамки так... Рвусь. Не жестокий. Нет. Хозяина зря. Вою от... Солнце. Не такой. И пахнет. Шерсть гладкая. Улыбнуться бы. Не уме... Лай лёгкий. И испуганно вскрик: `Ой!` Девчонка. Юбка короткая. Ноги. Дрожь. Зубы сжал. Скалюсь. Зачем?

Не ударит. Зна... Без поводка. Рядом. Белая. В колени вжата. Страх. Дотрагиваюсь языком до. Обоих. Та вторая. Она с первой. Одно как. Лижу. Присел. Уходит дрожь. Тявкает, белая. Тянет к ней. Боль прошла. О колено той, что выше трусь. Назад подалась. Ждёт. Снова лижу. Меньшая. Носом ткнулась. Ухожу. Не умею так. Злой. Крови хочу. Убью. Цепь осталась. Хозяин. За что?

СУМЕРКИ БЕСКОНЕЧНОСТЬ

Она шла и шла... Бездумно превозмогая ноющее наркотиком желание всё-таки заглянуть... Тело сводило, колотило всю... `Только б выдержать...`

День назад, два год.. это было так хорошо - каждый шаг читать заранее в детском... выброшенном давно-давно, своём-не своём... снова найденном дневнике. `Повернётся к нему и улыбка...` `Маме станет хуже...` `Бабочки...` `Проблемы Лёшкины...` `Долг не отдадут...` `Раз который вместе. Думает, не знаю...` `Не рожу опять...` `Кино это, лишь кино...` `Ласточки к дождю, изменится...` `Подруга таки, стоит сказать...`

Наркотик, наркотик-правда... Споткнувшись о припорошённый снегом колодец, вздрогнула сильнее, ожидала чем: `Какой-никакой выход. Мог быть и ещё...` Ёкнуло затем, успокаиваясь,

вконец исколотившееся сердце: `Решила же, ну да...` Сдвинув крышку, поднявшись на приступку, заставить себя отпустить сжатые продрогшими в белизну пальцами края, от тёплышка внутри которых пахнет полузабыто- странным `... котик` - дёрнулось эхо, стихнув.

`Цепь скрипнет ли?...` - неосознанная волна облегчения помогла призадуматься: `Дальше смогу сама-то? ...Страшно же...` `Ломка обычная, пройдёт...` - убеждал голос внутренний, снимая неуверенность, пугая явлением своим, схожим столь с...

Восьмёрки следов к чернеющему манящим глубиной зёвом сруб

расширились, сужались, тишина вокруг растала. `Не знать... знать...` - в который раз уже она не могла выбрать.

ЮЖАНКА

В Мэри для него проявился образ той, высокой, стройной дочери Вирджинии, беспокойной, гордой, страстной, смуглой, с крашенными или нет, но ошарашивающими любого длинными волосами... державшейся с явным вызовом и непокорством, предвещающим бурю... Порою, сидя у костра, он именно так и представлял её - любимую женщину, ту что после войны обязательно найдёт, даже если для этого и нужно будет обойти весь Юг. Так думал он, солдат 7-го Нью-Гэмпширского... всего-лишь только солдат... янки... а о н а б ы л а ю ж а н к о й... недостижимой сейчас, вернее, достижимой, но лишь как трофей... игрушка... а не женщина, провожающая долгим, насмешливым с горечью взглядом длинную, утопающую в пыли колонну федеративных северных войск... Он мог полюбить её? Нет, он уже... у ж е л ю б и л е ё... он - придумавший этот образ ещё давно, там, в окопах, и только сейчас наконец выкристаллизовавшийся из странной, непривычной сердцу простого северянина мари... Вернётся ли он сюда ещё точно? Да, вернётся. Останется ли она к тому времени в живых? Возможно. Он? Кто знает... С подобными вопросами лучше было бы обращаться к Богу. Вот только, здесь, на полях гражданской... длань Всевышнего слишком часто оказывалась так же бесстрастно холодна, как и сердце. Значит, надеяться они могли только на себя. Он мог. А она? Если б Гэрк был уверен в этом на все сто, не изменил ли б он сейчас своей родине - САСШ? Неведомо... Южанка... за связь с ней не как с добычей сегодня

можно было лишиться всего. Но главное - чести. Его чести. На её кто бы в эти тяжёлые дни посмотрел... Мда... Южанка. Он вернётся и она будет не как все. Он обязательно вернётся, а она обнимет его и воскликнет: 'Гэ...' На этой фразе послышался одиночный, негромкий выстрел, а когда пыль осела... мало кто заметил, что девушка... женщина с густыми тёмными волосами спрятала за лиф платья дымящийся ещё.. горячий револьвер и, молча развернувшись, ушла... Она была истинной дочерью Вирджинии и это была е ё... с а м о м у Б о г у з в е с т н о, ч т о е ё, е ё и е ё п р е д к о в з е м л я... а они, эти пришельцы-северяне, устанавливали свои порядки, не считаясь ни с чем... Да любой из них мог даже запросто изнасиловать её... так же легко, как кошку, слегка придушив и всё... Например этот, с белой как эмаль кожей, крепкий, коренастый, янки одним словом и, наверняка, ещё и мужлан... Даже через несколько десятилетий, постаревшая, так и не вышедшая замуж, она ни о чём не жалела. Как не пожалел бы и он - простой солдат 7-го Нью Гемпширского... оставшийся лежать на доставшейся накануне ей от погибших отца и брата земле...

---Кто б научил меня выть по-собачьи?---

'-Кто б научил меня выть по-собачьи?' ...И не только выть, но думать... Хранители, они не хозяева и не боги, они всего лишь люди, обыкновенные самые люди, да что они знают об этой Свободе??!!!! Что????????!!!!!! ...Выть ...Лаять ...Лизать

ДАРОМ ПОЛУЧИЛИ, ДАРОМ И ОТДАЙТЕ

В камере было холодно, но он этого не замечал - золотисто-огненное солнце каждый день освещало его новый мир с рассвета и до заката. Первый раз оно вззошло, когда ему исполнилось семь. ...В то утро проезжавший мимо КамАз... Второй... - когда от скоротечной чахотки умерла мать, так и не увиденная никогда. Третий наступил месяц назад и продолжался до сих пор... продолжался и продолжался не смотря ни на что. На допросе женщина-следователь резко ударила его лампой по голове... Ударил, когда

шершавая боль острым клином стиснула во время критических дней.

Ударил и зажгла это... третье солнце. Зажгла насовсем. Так бывает.

Трудно быть слепым и глухим. Трудно..., но можно... если очень любишь... жизнь. Любую, даже свою. А он полюбил,... полюбил, впервые услышав в тот миг голос... всего лишь одно слово: 'Урод!', так ни с чем и не связавшееся в измученном мозгу первое не прочитанное по выпуклым буквам в жизни... первое вообще... и первое... ЕЁ.

А ЗАЧЕМ?

-Интересно, но не хочется пока...) - произнёс далёкий потомок Раскольников и тоже бывший студент Ро...н (имя, фамилия его не скажут вам сейчас абсолютно ничего...)

-Ничего? Не так уж вы и правы, автор, - задумчиво посмаковал на языке несколько привычных слов Порфирий Петрович... да...да, ..тоже пото-

мок и именно того самого Порфирия Петр...

-Пока... снова усмехнулся Порфирий и размашисто вывел Красным Маркером на объёмистом синем файле "Ро...н ..." -О свободе душ и вот он задумался старушкиной... А зачем...? Зачем... ему...её...душа? Поразмыслил Порфирий Петр... и улыбнулся!

ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР

Когда-то я дала себе зарок: если нужно будет всю жизнь сидеть на диете, я буду сидеть на диете. Если нельзя будет нервничать, я не буду нервничать, только чтобы снова не пережить это. Только, чтобы эта боль никогда не повторилась. Но жизнь – такая непредсказуемая штука, что ничего на свете нельзя знать заранее.

После семнадцатилетнего перерыва она снова напомнила о себе. Язва желудка.

И хотя я строго соблюдала все советы и рекомендации врачей, очередные проблемы оказались выше моих сил и истрёпанных нервов. Новый приступ язвы привёл меня в клинику, и теперь я находилась в больничной палате, насквозь пропахшей хлоркой, и, скрючившись, стояла от боли.

Хотелось одного – умереть. Лишь бы эта боль поскорее закончилась.

Внезапно дверь в палату открылась, и на пороге возник высокий мужчина в белом халате.

– Здравствуйте, дамы. Как себя чувствуем?

Мои соседки по палате тотчас оживились, приподнялись со своих постелей и, устраиваясь поудобнее, начали прихорашиваться. Зардевшись от удовольствия, а может и от смущения, они дружно стали поправлять волосы и одёргивать халатики, желая предстать перед новоявленным кавалером в лучшем виде.

В отличие от них я лишь нехотя повернула голову в сторону вошедшего, и сквозь пелену боли едва взглянула на мужчину. Он был чертовски хорош собой, и, будь я в лучшей форме, тоже не упустила бы случая пококетничать с таким красавцем, но сейчас мне было не до него. Я отвернулась к стенке, продолжая обреченно терпеть свои мучения.

– Здравствуйте, Анжелика Михайловна. Я – Ваш лечащий врач. Меня зовут Дмитрий Андреевич, – вскоре услышала я приятный мужской голос, обращённый ко мне.

Пришлось нехотя обернуться.

Закончив осмотр остальных пациенток, красавец-доктор на сей раз обратился ко мне.

– Здравствуйте, – еле слышно произнесла я.

– Анжелика Михайловна, не прибедайтесь. Всё не так уж плохо. Самое страшное уже позади, и теперь всё будет хорошо.

Я хотела возразить, но спорить с ним сил у меня не было. А тем временем доктор продолжал.

– Мы с Вами поступим так. Сейчас Вы подниметесь и пойдёте со мной. Чтобы верно диагностировать Ваше состояние, необходимо пройти некоторые процедуры.

Это было похоже на издевательство, потому что сейчас я просто физически не могла никуда идти. Но Дмитрий Андреевич, видимо, не допускал возможности возражений, потому что в его голосе появились более жесткие нотки.

– Анжелика Михайловна, поднимайтесь. Я Вас жду.

В надежде на чью-либо поддержку я посмотрела на своих соседок по палате, но те явно не собирались приходить мне на выручку.

– Ишь, разлеглась! Немощную из себя строит! Врач стоит перед ней, ждёт, пока эта цаца соблаговолит встать, а она и носом не ведёт! – ополчились на меня соседки.

И такая обида охватила меня. Обида на этих обиженных жизнью тёток, которым в их горемычной судьбе осталась лишь одна радость – выслужиться перед смазливим доктором, что захотелось ответить им что-нибудь едкое. Но беда состояла в том, что даже говорить сейчас мне было невмоготу. И так как доктор продолжал стоять рядом со мной и ждать, то я постаралась собрать остатки своих сил и, преодолевая нечеловеческую боль, поднялась с кровати.

– Вот и хорошо. Пойдёмте, Анжелика Михайловна, – произнёс Дмитрий Андреевич и направился к двери.

И я поплелась за ним, опираясь по пути на стены, чтобы не упасть.

Доктор шёл медленным шагом, но всё равно я еле поспевала за ним.

Мы шли по коридору, и, казалось, нашему пути не будет конца. Но внезапно я почувствовала резкий укол в сердце и с тревогой взглянула на Дмитрия Андреевича. Необъяснимый страх обуял меня. По какой-то неведомой причине мне показалось, что всё вселенское зло, вся моя боль и обида сосредоточились на этом человеке, идущем впереди меня. И я почувствовала, что ни в коем случае не должна идти за ним. Слово от этого зависела моя жизнь. Не ища более разумных объяснений, я развернулась и пошла обратно к своей палате.

Сначала я шла медленно и тихо, стараясь не шуметь, чтобы доктор не сразу заметил моё отсутствие. Но вскоре мои движения стали более энергичными, я почти бежала, забыв на время о своей боли, торопясь быстрее вернуться в свою палату. Но коридор всё не заканчивался. Казалось, ему не будет конца, потому что какие-то неведомые силы удлиннили его, растянув почти до бесконечности.

Откуда-то на моём пути возникла лестница, и я поспешила вниз, стремясь любым способом

покинуть это место. Но оказалось, ступени вели в подвал, из которого не было выхода, и поэтому пришлось снова подниматься вверх.

Я снова бежала по бесконечному коридору, выбиваясь из сил, но никак не могла найти свою палату.

На пути снова возникла лестница, но на этот раз я решила идти вверх. Опираясь на перила, я поднялась на следующий этаж и увидела перед собой выход на балкон. Ни секунды не раздумывая, я вышла на него и мгновенно почувствовала, как осенняя прохлада обхватила моё тело, вдохнув надежду в душу. У меня даже возникла мысль прыгнуть отсюда вниз, но здравый смысл не позволил свершиться этому опрометчивому поступку. Всё-таки пятый этаж – не самая подходящая высота для экспериментов.

С правой стороны балкона я заметила пожарную лестницу и, ни мало не раздумывая (и откуда только силы взялись!), перелезла через перила и спустилась по ступенькам на четвёртый этаж.

Войдя в коридор, я поспешила из последних сил в сторону своей палаты и, о чудо! передо мной возникла знакомая дверь с цифрами 406.

Со вздохом облегчения я потянула на себя ручку двери и через мгновение очутилась в привычной обстановке. Вот она – моя кровать, с которой я уже почти сроднилась. И соседки по палате, как всегда, мирно дремали на своих местах. Однако на этом мои злоключения не закончились. Дверь в палату тихо скрипнула, и лёгкие шаги возвестили о прибытии посетителя. Я обернулась. Он снова пришёл за мной. Высокий мужчина в белом халате.

– Что же Вы себе позволяете, Анжелика Михайловна? Убегаете от меня, словно невинная девушка, хотя не далее, чем четверть часа назад уверяли меня, что не в силах подняться с кровати! – возмущённо произнёс Дмитрий Андреевич.

Я в ужасе попятилась назад.

– Я не пойду с Вами.

– Вам придётся это сделать, – не терпящим возражений тоном произнёс доктор.

– Я не пойду с Вами.

– Анжелика Михайловна, Вы не понимаете всей ситуации, – твёрдым голосом продолжал врач. – То, что сейчас Вам кажется важным и существенным, на самом деле не имеет никакого значения. И то, что Вы видите вокруг, лишь иллюзия. Обман. Призрак. И единственная в настоящий момент реальность – это Вы и я.

От этих слов меня охватил озноб, и в отчаянии я огляделась вокруг. Но произошло невероятное. Прямо на моих глазах соседки по палате стали исчезать, лопаясь, словно мыльные пузыри. Сначала пропали они, потом их кровати, а потом исчезла и комната, оставив меня и доктора парящими в пространстве.

– Вы должны идти со мной, – в очередной раз повторил Дмитрий Андреевич, – если не хотите исчезнуть с остальными. Выбирайте.

В отчаянии мне захотелось крикнуть, чтобы это безумие наконец-то прекратилось. Но голос отказался повиноваться. Мне было очень страшно идти с этим человеком, который, вероятно, и не был им, но ещё страшнее было просто исчезнуть, растворившись в пустоте.

– Я пойду с Вами, – в итоге произнесла я.

– Так-то лучше, – ответил Дмитрий Андреевич.

В этом месте всегда торжественно и тихо. Скорбные ивы в прощальном поклоне склоняют свои ветви перед тем, кого уже нет с нами.

Юноша и девушка, брат и сестра, стоят возле могилы своей матери. На их лицах уже нет безысходной тоски, лишь светлая печаль о том, что уже невозможно вернуть. На гранитной плите высечено имя "Суворова Анжелика Михайловна" и две даты.

А я смотрю на всё это сверху и ощущаю лишь лёгкость и безмятежность, потому что сделала правильный выбор.

ДЕТСКИЙ ДОМ

Раз, два - ты пришла!
Три, четыре - не просили!
Пять, шесть - бойся лес!
Семь, восемь - он не спросит!
Девять, десять - будет весело!
Все сначала - жертва пала...

Луиза всегда мечтала помогать людям. Выросла она в многодетной семье, где родители постоянно были на работе, а дети предоставлены сами себе. Целыми днями тихая и неразговорчивая девочка проводила время с книгами. С тремя братьями и сестрой она не ладила. Они её не обижали, а просто не замечали, как и все вокруг, так как мальчишки часто шлодили и все внимание было направлено на них. Иногда ей казалось, что если однажды она не вернется домой, то этого никто не заметит.

Чувство постоянного одиночества пробудило в ней желание работать с брошенными и неблагополучными детьми и направило на путь социального работника, где, как она предполагала, можно сделать много всего хорошего и полезного.

Будучи студенткой и найдя подработку, она сняла малюсенькую комнатку и съехала от семьи. Нельзя сказать, что кто-то расстроился, а родители, похоже, даже облегченно вздохнули.

И вот, она блестяще закончила обучение и пришла в городской центр занятости для поиска работы.

Работы, конечно, не оказалось и её попросили прийти через пару недель. Луиза сидела в узком коридорчике у кабинета и думала, что же делать дальше. Работать кухонным работником по ночам в кафе она всю жизнь не может. Не потому что зарплата маленькая, жить скромно она уже привыкла, а потому что это не то, чем бы она хотела заниматься.

В это время мимо нее проследовала пожилая дама, одетая в строгий костюм и шляпу, за спиной которой мельтешила маленькая девчушка.

- Стой здесь - строго сказала дама и зашла в кабинет.

Луизе она показалась смутно знакомой, но девушка никак не могла вспомнить где же она видела эту импозантную даму, пока девочка у двери не начала теревить свою тугую косу. Точно! Пару лет назад, будучи студентами, они с группой ездили в детский дом. Он находился далеко за городом, в лесу и до него не так просто было добраться. Это не очень удивило студентов. Уже на первом курсе, изучая социальные учреждения своего региона, они увидели, что

людям не хочется видеть тех, кто не вписывается в их картину благополучной жизни и они предпочитают, что бы заведения, подобные домам для престарелых, душевнобольных, инвалидов и детских, находились где-нибудь вне поля их зрения. Конечно, под видом самых благих намерений.

Луизу тогда сильно удивил внешний вид детей. Все мальчики были коротко стрижены и одеты в классические штаны и рубашки. Все девочки - в скромных платьях и с тугими косами. Этакая чопорность девятнадцатого века.

Директор детского дома, как и малочисленный персонал жили в этом же доме вместе с детьми.

У девушки затеплилась надежда: если детскому дому нужен работник, то лучше, чем она, кандидатуры нет.

Дверь кабинета открылась и дама в стареньком, но идеально чистом и отглаженном костюме вышла из кабинета.

Луиза встала ей навстречу:

- Добрый день! Меня зовут Луиза. Я бы хотела работать в детском доме с детьми. У меня высшее образование социального работника и я готова жить в доме сколько понадобится.

Дама строго посмотрела на неё сквозь толстые линзы очков:

- Дорогуша! А с чего ты взяла, что мне нужен работник? Мало ли по каким делам я сюда пришла.

- Просто надеялась - смутилась Луиза от такого хамоватого обращения.

- А если и нужен, то скорее всего, только на бумаге педагог, а по сути и педагог и воспитатель, и нянечка, и уборщик, и швея и еще много кто в одном лице. Так что, дорогуша, таким молодым и образованным у меня делать нечего! Вам, ведь, теперь карьеру подавай и признание, а не говно за детьми убирать.

Дама кивнула девчушке и гордо проследовала по коридору. Луиза смотрела им вслед и, вдруг, у нее резко зазвенело в ушах и ей на пол секунды показалось, что за дамой идут две девочки, держащиеся за руки. Вторая была в таком же платье, что и первая, но с длинными распущенными волосами.

Тут же звон прекратился и двое - женщина и девочка - свернули на лестницу.

Такси остановилось и высадило девушку у ворот большого старого здания, в окружении леса. Когда-то это был красивый старинный особняк, но время сделало своё дело и зданию

давно требовался ремонт, на который у города, естественно, не было денег, поэтому вид у здания был довольно мрачноватый. Облицовка во многих местах потрескалась и опала кусками, старые деревянные окна, сто раз покрашенные, даже не подозревали, что они последние в своем роде, еще не замененные на современные пластиковые, а крыша, кажется, не менялась с тех самых времен, когда здесь еще жили хозяйка - дворяне. Весь дом выглядел так, как будто сошел с картины 19 века и застыл во времени.

Вокруг особняка был разведен сад и посажены грядки с овощами. Все было в идеальном порядке. Видно, что о нём заботятся. Это и не удивительно с таким то директором. Похоже, что и взрослые и дети здесь были заняты физическим трудом, помогая себе выживать за счет своего садоводства. Вся территория была обнесена старинным металлическим забором.

Луиза вошла в ворота. На дорожке к дому три девочки играли в скакалку и не обращали на нее никакого внимания.

Ей стоило больших трудов добиться этого, казалось бы, не престижного места работы. Директор, Антонина Бенедиктовна, была настроена весьма категорично и отказывалась принимать девушку без опыта работы, требуя, что бы ей прислали работника старшего возраста. Но Луиза не сдавалась и так как желающих больше не было, центр занятости, подключив органы опеки, настояли на приеме единственной претендентки.

И, вот, Луиза шла со своим небольшим чемоданчиком к новому месту жительства и работы. У нее в разработках было уже несколько видов программ социализации детей разных возрастов. Она тщательно подготовилась, так как была уверена, что директриса будет относиться к ней предвзято, но была полна решимости доказать свою профпригодность. С этой же целью она заплела свои красивые длинные волосы в косу, как было принято в этом доме.

Луиза подошла к девочкам. Все они были в одинаковых темных платьях, но в отличие от двух других, у девочки, что как раз прыгала через скакалку, светлые длинные волосы были не заплетены, а распущены, и развевались на ветру. "Кто-то нарушает правила" - улыбнулась девушка, а вслух сказала:

- Добрый день! Меня зовут Луиза Андреевна. Я буду жить теперь вместе с вами. А вас как зовут?

Девочки остановили игру и одновременно повернули головы. Три пары глаз молча смотрели на неё и не произносили ни слова. Так и не дождавшись ответа девушка пошла в дом, отметив про себя, что с этими тремя надо будет поработать. Вслед она услышала:

Раз, два - Ты пришла!
Три, четыре - не просили!
Пять, шесть - бойся лес!
Семь, восемь - он не спросит!
Девять, десять - будет весело!
Все сначала - жертва пала...
Девочки снова взялись за свою игру.

Да, Луизе пришлось несладко. Шел седьмой день ее жизни в детском доме, а Антонина Бенедиктовна все еще не допускала её к детям. Она даже не стала выслушивать её рассказ о назначенной работе, а просто отослала её на кухню, в помощь кухарке. Они занимались готовкой, садом, уборкой и многим другим, только не детьми. Заканчивали в десять вечера и шли спать. Пожилая кухарка относилась к девушке равнодушно, разговаривая время от времени без лишнего энтузиазма, но Луиза уже давно привыкла к такому отношению. К тому же, она так выматывалась под вечер, что у нее не оставалось сил ни на что больше, кроме как принять душ и упасть в кровать.

Комната ей досталась в самом конце учительского крыла, на втором этаже. Она была больше той, что девушка снимала в городе и лучше обставлена. Старинная деревянная мебель дарила эстетическое наслаждение для глаз, а вид из окна на древний дремучий лес сложно было сравнить с видом на гаражи и помойку.

Выходить за территорию дома строго запрещалось. В лесу жили дикие звери и это было небезопасно.

Жаль, сотовый телефон толком не ловил в такой глуши, но в доме было два стационарных, работающих исправно. Да Луизе никто и не звонил. Перед отъездом она оповестила семью, что уезжает работать в детский дом и все ей пожелали удачи, но никто не спросил - куда.

Сегодняшнее утро ничем не отличалось от предыдущих. Луиза, уже называвшая себя в душе Золушкой, чистила раковины на кухне и мыла посуду после завтрака, когда к ней подошла директриса и сказала:

- Учительница младшего класса заболела. Приведи себя в порядок и ступай в тринадцатый кабинет. Заменяешь её.

Дважды повторять не пришлось. Девушка побежала в душ, затем в свою комнату за офисным платьем и уже через 15 минут зашла в кабинет, неся в руках свою папочку с бумагами.

Надо сказать, что занятия в доме продолжались даже летом. Директрису несколько не волновало, что у детей должны быть каникулы, а у сотрудников выходные. Она считала, что праздность - это корень всех бед.

В классе оказалось десять детей разных возрастов. В нормальной школе их бы разделили на два-три класса от первого до третьего, но так как преподаватель для младших был один, то и занимались они все вместе. Как? Луиза пока себе не представляла.

Решив разбираться по ходу дела, она начала свой урок со знакомства. Каждого ребенка она записывала в свой блокнот и по ходу разговора делала себе пометки. Особое внимание она обратила на двух девочек, что встретила в первый день у ворот. Третью же, со светлыми волосами, она не увидела, хотя по возрасту девочка подходила этому классу. Когда Луиза спросила их про подружку, девочки переглянулись и замолчали. Самый старший ребенок в классе, староста Артём, заверил, что здесь все дети и остальные уже старше и учатся в других классах.

Луиза порылась в документах преподавателя и нашла классный журнал. В нем значилось десять учеников. Все, кто присутствовал в этом классе...

После окончания занятий новоиспеченная учительница вошла в кабинет директора.

- Я бы хотела поговорить с Вами - сказала Луиза.

Антонина Бенедиктовна кивнула на стул и зажгла сигарету. Луиза морально настроилась и выдала всё, что хотела сказать. Она отметила, что дети в этом доме малообщительные и скованные. Что жесткая дисциплина во всех сферах негативно сказывается на их развитии и социализации. Что ей это очень не нравится, ведь однажды им придется покинуть детский дом и выйти в общество. Что здесь они живут слишком изолированно от внешнего мира и, что она даже не представляет, знают ли эти дети, как живут другие люди. Кроме того, она знает, что к детям применяют телесные наказания, а это запрещено законом и должно немедленно прекратиться.

Пожилая женщина молча её слушала и курила свою сигарету, периодически стряхивая пепел в пепельницу. Ни один мускул не дрогнул на её лице и выражение скупающей аристократки сохранилось до самого конца монолога, пока Луиза не спросила про девочку со светлыми волосами, которую она видела в день приезда и не нашла в списках.

Луиза заметила, как поменялась в лице директриса. Она резко встала и затушила бычок. Её голубые глаза сверкнули яростью.

- Милочка! У нас ровно десять детей младшего возраста и все они занесены в журнал! Потому и занесены, что память имеет свойство подводить человека! Надеюсь, ты их быстро запомнишь и перестанешь путать! А свои недовольства оставь

при себе, меня они не интересуют! В противном случае, ты всегда можешь отказаться от работы и отправиться в свой цивилизованный мир! Отпущу тебя в ту же минуту, не сомневайся! Уверена, что для такого образованного специалиста там найдется работа! А здесь тебе никто не рад, если ты до сих пор не заметила!

Луиза стояла вся красная и проклинала тот день, когда она решила работать в этом доме. И после заявления Антонины Бенедиктовны, что завтра она вернется на кухню, девушка просто выскочила из кабинета и хлопнула дверь.

К себе она пришла расстроенная и злая. Чувствуя себя униженной и оскорбленной, она сразу стала собирать вещи. Ни дня она больше не останется в этом доме!

Почти закончив свои сборы, она услышала за дверью детский смех. Кто-то из детей нарушил правило и пришел в преподавательский корпус. Это грозило ребенку наказанием, если его поймают. Луиза открыла дверь и выглянула в коридор. В конце коридора стояла светловолосая девочка. Она захихикала и побежала вверх по лестнице.

Удивленная девушка, не задумываясь, бросилась за ней. Она должна убедиться, что это тот самый ребенок, которого нет в списке и выяснить почему!

Вбежав на третий этаж, Луиза огляделась. На этом этаже не было жилых помещений, только склады. Она была в одной из комнат один раз, приносила чистое белье, но что было в других понятия не имела. Все комнаты на этаже были закрыты на замок.

Разглядеть что-то было тяжело. Тяжелые темные шторы не пропускали дневной свет с улицы и весь коридор был в полумраке.

Справа хлопнула дверь. Шустрая тень мелькнула и скрылась в одной из комнат. Луиза подошла и открыла эту дверь. Она была не заперта. В помещении тоже было темно. Такие же плотные тяжелые шторы висели на окнах. Нащупав на стене выключатель, она щелкнула. Никого... Только сплошные коробки вдоль стен со всяким хламом. Возможно, ошиблась дверью.

Луиза прошла по комнате убедиться, что она пуста и хотела уже возвращаться к себе, когда её взгляд упал на коробку, крышка которой валялась рядом на полу. На самом верху лежал раскрытый паспорт. "Романова Ольга Сергеевна, 1993 года рождения" - прочитала Луиза. Дальше лежали приказы о приеме и назначении педагогом, косметичка и какие-то вещи.

"Её звали Ольга" - вспомнила девушка слова кухарки в одной из немногочисленных бесед. "Она проработала неделю и, не выдержав скверного характера Антонины Бенедиктовны,

сбежала никого не предупредив. Мы забеспокоились утром, что она не пришла к завтраку и пошли к ней. А комната пуста! Ни её, ни вещей! Узнать куда она сбежала, мы не могли, она сама была сиротой, поэтому и пришла работать к нам. Никаких контактов не оставила. Была такой тихой и скрытной, прям как ты! Не знаю, сколько ты тут продержишься!"

- Что ты здесь делаешь?!!! - Раздался крик у самого уха и Луиза подскочила от страха и неожиданности.

Антонина Бенедиктовна схватила её за локоть и потащила из комнаты.

- Как ты открыла дверь!??? Ты - воровка!!! Выкрала ключ!!! - Она оказалась на удивление сильной женщиной.

Девушка пыталась оправдаться и рассказать, что пошла за ребенком, что дверь была открытой, но директриса не слушала. Она затолкала Луизу в её комнату и захлопнула дверь. В замке повернулся ключ. Девушка подергала ручку - закрыто...

Следующие пару часов Луиза сидела и ждала полицию. Она была уверена, что директриса пошла вызывать её, поэтому закрыла дверь на ключ. Но девушка и не собиралась сбежать, она бы и сама вызвала правоохранительные органы, если бы нашла свой телефон. А он, как назло, куда-то пропал. Своей вины она ни в чём не видела, а вот причастность злобной старухи к исчезновению учительницы надо бы проверить. Никто не покидает место жительства без паспорта и личных вещей.

Но солнце клонилось к закату, а она так и оставалась запертой и полиции всё не было. Детские голоса на улице стихли, значит время уже десять. В десять вечера у всех в детском доме начинался комендантский час. Это правило соблюдалось наиболее строго и никто его не нарушал. Все двери и окна после десяти должны были быть закрыты и покидать свои комнаты запрещалось под страхом серьезного наказания.

Только тут до Луизы вдруг дошла вся серьезность ситуации. Прежняя девушка пропала! Вокруг гектары леса - закопай где угодно - никто не найдет. А она сейчас заперта и приближается ночь! Полицию, похоже, никто не вызывал. Её телефон пропал. Чёрт!!! Она спешно начала переодеваться в спортивный костюм. Надо выбираться отсюда! Паспорт и деньги, всё-таки, прихватила: если доберется до дороги, то сможет поймать попутку до города.

Луиза открыла окно, что бы оценить расстояние. Второй этаж - ерунда! И тут её сердце чуть не остановилось: за забором, у самого леса, стояла та самая девочка и смотрела прямо на

нее. Потом она развернулась и скрылась за деревьями. Значит ребенок, действительно, не из детского дома. Видимо, в лесу еще кто-то живет. Всё это слишком странно и пусть с этим всем разбирается полиция! Для неё сейчас важно выбраться отсюда.

Луиза привязала простыню к оконной ручке и начала спускаться. На пол пути ручка, конечно, не выдержала и сломалась, разбив при этом оконное стекло, которое с грохотом и звоном обвалилось. Девушка упала на землю, но отделалась легкими ушибами, расстояние было небольшим. Пока она поднималась и отряхалась окно на первом этаже распахнулось.

- Вернись сейчас же! - услышала она скрипучий визг директрисы.

Луиза бросилась напрямик в лес.

Отдышавшись девушка стала осматриваться. Ей надо было как-то выйти на дорогу, с другой стороны дома и подкараулить попутку, пока не стало темно. Но тут она увидела, что из дома выскочила фигура старухи и размашистым шагом зашагала в её сторону. В руках она несла ружье!

Луиза побежала, стараясь держать на виду выход из леса, но в панике слишком углубилась в чащу и тут же потеряла ориентир. Поплутав немного, она заметила, что рядом проходит тропинка, а тропинки имеют свойство куда-нибудь да вести. Девушка пошла по ней, понимая, что скоро спустится ночь и, похоже, что провести её придется в лесу. Но главное сейчас - уйти от сумасшедшей директрисы.

Через какое-то время Луиза вышла к озеру. Сумерки уже окутывали лес и пугающая звенящая тишина страшно давила на несчастную девушку. Ей хотелось упасть в траву и зареветь от безысходности, но она держалась из последних сил, понимая, что её жизнь сейчас висит на волоске.

- Я же тебя предупреждала! - раздался голос в тишине. Старуха, с нацеленным на неё ружьем, вышла из-за дерева.

- Все дороги в этом лесу ведут к этому озеру! Но ты не знала об этом, конечно! Ты ничего не знаешь! И уже не узнаешь! Я же говорила не приезжать сюда! Я сказала, что мне нужна взрослая женщина, а не девчонка! Но ты не послушала! Сделала по своему и подписала себе приговор! Она опять выбрала молодую и красивую! Но в этот раз никого не получит!

Луиза ничего не слышала из её монолога. Она смотрела на ружье и понимала, что это, похоже, конец. И она смирилась... Её жизнь была не такая уж интересная и перспективная, что бы держаться за неё. Никто не станет горевать. Так что, какая разница!

- Мама! - раздался голос в застывшей тишине. Прямо из озера, медленно выходила длинно-волосая девочка.

- Мама!

Из глаз старухи потекли слёзы.

- Не убивай её, мама! Она мне нравится...

Старуха опустила ружье и заплакала:

- Ты забрала Ольгу! Теперь забираешь её! Это несправедливо! Это должна быть я! Я!!!! Забери меня к себе! Я хочу быть с тобой навеки! Хватит меня терзать! Когда мы приехали сюда впервые, то я ничего не знала про этих существ и это моя вина, что они тебя утащили! Я во всем виновата! Забери меня!

Старуха упала на колени.

Девочка подошла к ней и ласково погладила по голове:

- Они никогда не забирали меня, мама. Я сама пришла к ним. Ты всегда была слишком занята, что бы увидеть моё одиночество. Теперь у меня есть семья. А твоя душа уродлива и жестока. Ты нам не нужна. Иди и не возвращайся сюда.

Старуха упала на землю и зарыдала. А девочка протянула руку Луизе:

- Пойдем со мной.

Луиза стояла чуть живая и боялась даже дышать. Все происходило настолько обыденно, что она с трудом воспринимала происходящее. Только что она готова была умереть от рук ненормальной старухи, а теперь готова была молиться всем богам, что бы спасли её от этой нечисти. Парализующий ужас сковал всё её тело!

Девочка подошла к ней и взяла за руку. Могильный холод пополз вверх по руке. Она посмотрела на неё своими большими голубыми глазами:

- Пойдем со мной. Мы знаем твою боль. Теперь всё будет по другому. - И показала рукой на озеро.

Луиза повернула голову и увидела, что из воды выходят девушки. Они были разного возраста, но все красивы, с длинными распущенными волосами и бледными лицами.

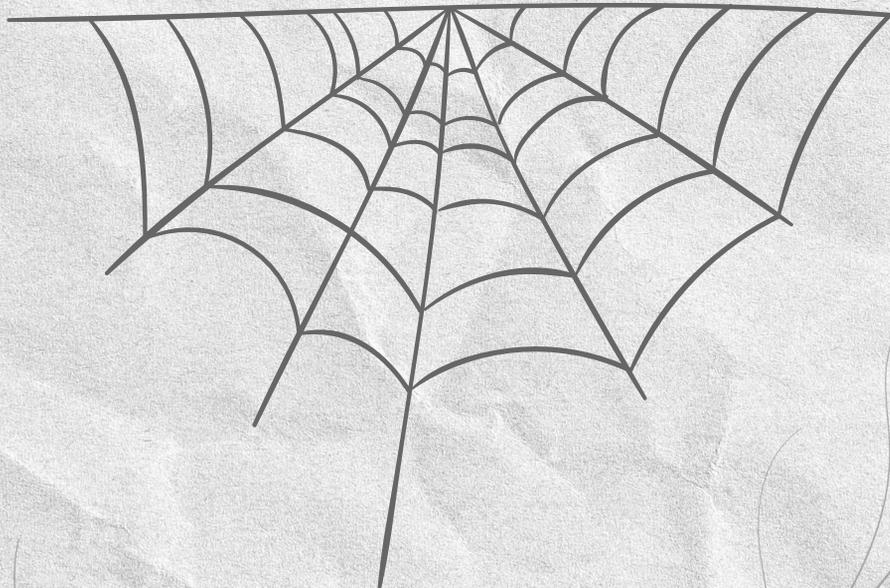
Водяные девы протянули руки к Луизе и запели...

И песня эта была самой прекрасной на свете! Их мелодичные голоса разливались в тишине сумрачного леса и проникали в самые тайные глубины сердца. Лес застыл и притих, вслушиваясь в эти древние магические звуки. Они пели о жизни и смерти, пели про тоску и одиночество, про отверженность и ненужность, пели о вечной молодости и красоте, о любви и заботе, пели о том, что существует другая жизнь.

И Луиза почувствовала их любовь. Впервые в жизни она видела сострадание в глазах и желание защитить от этого жестокого мира. Слишком долго она была никому не нужна, слишком долго она искала понимания!

Луиза сжала ладонь девочки и пошла...

Где-то далеко за городом, в глухом лесу, стоит старый особняк, который отдали под детский дом. Уже почти сорок лет этим домом руководит строгая директриса. Еще дальше в лесу есть небольшое озеро, по берегу которого бродит красивая девушка с длинными волосами. Но она не одинока. С ней рядом её сестры. Они любят друг друга всей своей сущностью. Они заботятся друг о друге, как о самом важном в этом мире. Они холодны, как лёд, но песни их прекрасны, как нектар. Тот, кому они их споют, больше никогда не покинет это место...

КТО ЛЕЖИТ В ПРУДУ?

Яркий свет круглой луны заливал парк призрачным светом. Смешиваясь у земли с белым киселем тумана, размывал границу между воздухом и землей. Черные деревья с ломаными ветками и изогнутыми стволами выглядели таинственно и пугающе. Тропинка, коротким путем ведущая через лес к пруду, постепенно терялась в молочной белизне. Справа и слева от нее что-то, а может быть кто-то, шуршал сухими осенними листьями и тихонько шептал и постанывал. Туман гасил и путал эти звуки, доносил то с одной стороны, то с другой, как будто этот неизвестный хаотично прыгал по лесу. Недаром люди всегда побаивались полнолуния, предполагая, что в это время можно столкнуться с опасным и необъяснимым.

И все же, некоторые, то ли из храбрости, то ли по дурости, не боялись ночных прогулок. У края опушки замерли две тоненькие женские фигуры. Они держались близко друг к другу, и настороженно прислушивались к шепоткам ночи. Молодые девушки, одетые в обычные джинсы, толстовки с эмблемой женской общины и простые кеды.

- Бекка, может не пойдём? Скажем, что испугались и не смогли. Я не верю, что они угрожают всерьез. – шёпотом проговорила одна.

- Мы уже это обсуждали. Забыла, что у них есть видео в телефоне? Хочешь стать посмешищем всего колледжа? – тихо, но эмоционально ответила ей брюнетка с длинными волосами.

- Мне страшно. – продолжила первая и поехала.

- Мика, я тоже дрожу, но пойду. С тобой или без тебя.

Мишель сдавленно всхлипнула и кивнула.

- Ладно, давай сделаем это.

Девушки осторожно двинулись вперед, одновременно шагнув в клубящийся у ног туман.

Стараясь идти как можно тише, они спотыкались, останавливались и постоянно оглядывались. Им казалось, что кто-то страшный неотрывно следит за ними из темноты. Чувство тревоги усиливалось с каждым пройденным шагом, но никто не выпрыгнул из-за деревьев, никто не заступил им дорогу. Минут через двадцать подружки вышли к узкому пляжу и синхронно облегченно выдохнули. Практически полдела сделано.

Большой пруд или скорее озеро почти правильной овальной формы со всех сторон окружал вековой лес. Вода в темноте казалась маслянистой, темно-синей с яркими бликами на поверхности. Луна освещала только середину озера, а его берега терялись в тени нависающих

над водой деревьев.

Ребекка огляделась и, кивком указав на расположенные вблизи деревянные мостки, подтолкнула к ним Мишель

- Вот тот мостик, про который они говорили. – прошептала она.

- Не хочу туда идти. – заныла Мика.

- Мы почти выполнили задание, еще чуть-чуть. Ну же, пойдём.

Всего несколько шагов и они подошли к первой доске настила. Конструкция выглядела хлипкой, старые доски подгнили, а некоторые надломались и обломками свисали вниз. Подруги, осторожно ступая и стараясь не попасть ногой в одну из дыр, медленно поплелись к дальнему краю. Мостик скрипел и покачивался, но разваливаться, кажется, не собирался. Приободренные этим обстоятельством, девушки подошли к концу мостков и невольно взглянули вниз.

- Я ничего не вижу. Только свое отражение. – сдавленно проговорила Бекка.

- Я тоже. И что дальше? – в тон ей отозвалась Мика.

- Надо позвать... - ответила Ребекка, сделав шаг назад.

- Боже... Зачем я на это согласилась. – запричитала Мика.

- Прекрати, давай заканчивать и ...

- Зачем? Все равно никто не узнает, что мы тут делали. Пришли и пришли. Скажем, что сделали все как надо. Мне не по себе, давай уйдем отсюда. – перебила Мика подружку.

- Мы должны записать на диктофон слова. Забыла? – Бекка вытасила из кармана телефон.

- Я сейчас включу запись. – продолжила она.

- Ооо! Хорошо. – простонала Мика, обхватывая себя руками и отворачиваясь к воде.

- Включила, давай.

Громкий шепот Бекки мурашками отозвался по спине Мишель. И она дрожащим голосом произнесла.

- Та, что раньше жила, отзовись.

- Та, что давно умерла, покажись.

- В сиянье луны окунись.

- Лик обновить торопись.

Произнося странные слова, Мика нехотя, словно против воли, наклонялась над водой. Одной рукой она держалась за торчащий из воды столб-опору, а ладонью второй закрывала рот, чтобы не вскрикнуть от накатившего волнения. Всмотриваясь в воду, она не сразу поняла, что разговаривала одна, тогда как по инструкции проговаривать фразы нужно было вдвоем. Удивленная, она вскинула голову и собралась повер-

нуться к подруге с вопросом, но не успела.

На ее затылок обрушился мощный удар, и кто-то с силой толкнул ее в спину. Падая в воду, последней мыслью в затухающем сознании мелькнуло, что ее подло обманули.

Всплеск потревожил гладь озера, и расходящиеся круги разбили мерцающую лунную дорожку.

К краю настила подошла Ребекка и, глянув вниз, хищно улыбнулась, обнажив в улыбке острые мелкие зубы. Размахнулась и забросила подальше в воду обломок массивной доски со следами крови. Поправила растрепавшиеся волосы.

- Какие они все дуры. – мелодичным голосом пропела она, рассматривая свои ухоженные руки с изящными пальцами.

На кончиках пальцев красовались острые черные когти. Они медленно втягивались, становясь обычными длинными ногтями покрытыми черным лаком.

- Всегда срывается. – продолжила она, - Мне уже становится скучно. Может придумать новую причину, чтобы приходить к этому озеру? С другой стороны, если глупышки всегда боятся разоблачения их личной жизни, то зачем искать иной предлог.

Удовлетворенно вздохнув, она закрыла глаза и подставила лицо лунному свету. Раскинула в стороны руки, будто взлетая, и некоторое время стояла, покачиваясь в такт одной ей слышимой музыке.

Затем еще раз глубоко вздохнув, она открыла глаза и, повернувшись, легкой походкой зашагала к берегу. Дойдя до высокой раскидистой ивы, росшей у самого края помоста, она остановилась и оглянулась на озеро.

- Спасибо за подаренные десять лет жизни, дурочка.

И поспешила обратно в общежитие. Никто не должен связать ее с исчезновением одной из девочек курса. Она как всегда постарается, ведь жизнь так интересна и за триста лет еще ей не надоела.

МИЛАЯ СТАРУШКА

Первый год голода было особенно тяжело. Муж умер от рака - в свои 75 лет, хотя всего на десять лет был ее старше. Дети разъехались кто куда. Анна Павловна вдруг осталась одна. Денег ни на что не хватало. Экономь, говорили соседи по лестничной площадке. Сами заносили жиденькие супы. Будто ими наешься! Вяжи и продавай – говорили подруги по двору. Но куда ей держать спицы в руках? Да и глаза давно не видят. Сдавай бутылки – советовали третьи. Руки у нее болели от холодной воды, а горячую уже давно отключили. Трость в руках, ноги еле поднимаются на второй этаж. Казалось, нет смысла жить дальше, она так и умрет одна в своей квартире в голодном сне. Была одна только радость у Анны Павловны – голуби. Она их подкармливала еще при муже, а сейчас чем придется. Иной раз на улице краяху подберет, в водичке размочит – и половину себе, а другую – друзьям своим. Антон Сергеевич, покойный муж ее, как-то сделал теремок небольшой, и прибил возле окошка на балконе.

- Чтобы радовали своим курлыканьем каждое утро, - говорил он, закуривая сигарету. От рака легких и умер. Чтобы им было не ладно, этой гадости.

Как-то вечером она вышла на балкон. Голова кружилась от недомогания, ноги совсем не держали, руки тряслись и успокаивались только, когда она хваталась за что-то, как за опору и двигалась дальше. Она закурила сигарету. Последнюю от мужа. Старушка еще тогда, в день его смерти, не смогла выкинуть его последнюю пачку. Решила, что когда закончатся сигареты, она сама уйдет. Легче всего - таблетки. Но они у Анны Павловны закончились, последняя простуда слишком сильно ударила. И эта соседка удивительно рьяно порылась в шкафчиках у Анны Павловны в поисках любых лекарств, чтобы спасти бабушку. Нет, бы свои притащить! Да, и вообще кто ее просил спасать то? Старушка «уйти» хотела и было бы проще это сделать от простуды с недоеданием, быстрее. Она затянулась и закашлялась. Кашель был хриплым, раздрающим, казалось, все внутренности старой женщины. Полегчало. Она обессиленная села на стульчик. И тут вдруг заметила, как что-то шевелится на полу балкона. Старушка замерла, не веря своим глазам. Маленький голубь настороженно выглядывал из барахла в углу балкона. Он выглянул сначала только чуть-чуть, головой, а потом вышел весь на свет, падающий с окна из квартиры Анны Павловны.

- А, это ты. Все еще прилетаешь поест. Ну, молодец. Только нет ничего у меня для тебя.

Тут она заметила, что птица тащит за собой одно крыло.

- Ой, хоспади! Да ты тут с увечьями. Подожди, подожди. Я тебе что-нибудь принесу. Подожди, помогу.

Она впопыхах затушила сигарету о жестяной подоконник, раскрошив под окурком кусочки облупленной старой краски. Старая женщина бесформенной фигурой, шаркая тапками, поплелась на кухню. Она бесцельно, бессмысленно пошарила по ящичкам и полкам. Она сама не знала, что ищет. Анна Павловна помнит эту птицу с самого начала ее одиночества и теперь ничем не могла помочь. Она совсем испугалась, растерялась, голова кружилась от выкуренной сигареты, слезы заволкли и без того невидящие глаза. Это состояние казалось старушке невыносимым. Сердце разрывалось от стольких чувств, от жалости к себе, к птице. Старушка увидела свою трость у стола. И вдруг ей все стало ясно. Она всхлипнула, протерла рукавом глаза, в него же и высморкалась громко, звучно, так что наверняка слышали соседи. Бабушка все той же неуверенной походкой направилась на балкон. Птица ворковала и беспокойно ходила из стороны в сторону. Анна Павловна засунула руку себе в халат и нащупала печеньку. Она ее подсасывала и клала обратно в карман вот уже второй день. Старая женщина с трудом наклонилась и покрошила заначку на полу перед голубем. Птица на это время отошла в сторону.

- Сегодня до теремка видимо не дойдет, да?

Старушка отступила на шаг, потом в сторону, чтобы не загоразживать свет из квартиры и видеть птицу. Голубь умер от первого же удара тростью. Он пришелся по маленькому черепу и оказался такой силы, что послышался хруст и череп превратился в скорее мешочек из кожи и перьев с чем-то бесформенным внутри. Таким его запомнила Анна Павловна, своего первого голубя. А еще она помнила вкус теплой крови у себя на губах. Эти перья, которые застревали в зубах и щекотали нос. Но она была так голодна, что просто не смогла остановиться. Вгрызалась, вгрызалась, кости хрустели на немногочисленных ее зубах. В следующий раз она наденет вставную челюсть. Подарок дочери лет так пятнадцать назад перед отлетом в Америку. Да, с зубами, пусть и чужими, все это живить много легче. А так она больше глотала. Проталкивала силой в горле. После она протерла все тем же рукавом рот и пошла на кухню за веником и совком.

На следующий день Анна Павловна сделала дома генеральную уборку. Она исследовала

каждый угол своей маленькой квартирки и к вечеру сидела за столом перед своим сокровищем. Два сухаря, три засохших конфеты, горсть разношерстного зерна.

- Этого должно хватить, - пробормотала она.

Старушка вышла на балкон и посыпала зерно на пол. Пару голубей сели на перила и стали с интересом наблюдать за бабушкой. Она села на стул и закурила сигарету. Ей удалось найти целую пачку за комодом в зале. Анна Павловна неспешно курила и наблюдала за птицами. Трость стояла наготове у ее левой ноги...

Спустя две недели старушка бодрым шагом поднималась по лестнице в подъезде. Соседка спускалась вниз.

- Анна Павловна, здравствуйте, как выживаете? Вас давно не видно у нас на скамейке. Да, вы просто цветете, душенька, и глаза блестят. Надо же, надо же, ну, я побегу, мне пора.

Анна Павловна любила общаться с такими людьми. Сами чихнут, сами пожелают себе здоровья, пошутят – посмеются. Полная автономность. Но, что не нравилось старушке, так это голуби. Они перестали прилетать на ее балкон. Она даже посидела пару раз на проспекте Абая, выпрашивала денег, чтобы купить хлеб. Хоть в бульон покрошить, а то так и не наешься совсем. Да, и подкормить птиц. Но попытки ее были тщетны. Как бы она не мыла, не скребла щеткой пол на балконе, старушка подозревала, что птицы чувяли что здесь что-то неладное. Да и было хорошо только первые пару дней, а потом совсем пусто. Разве этим наешься? Супы из голубятины быстро приедаются, пусть ими и кормят в ресторанах. Нет, Анне Павловне нравился процесс. Сидеть и ждать. Она не могла забыть своего первого голубя, сколько жизни она почувствовала в его маленьком теле, сколько тепла.

А про еду - она просидела полдня, выпрашивая, и теперь вторую неделю так делает – сидит то в одном месте, то в другом – пока не выгонят. Хорошо хоть старая – не бьют. Но на еду хватает. И хлеб, и колбаса. Но все не то. Эта пища была серой для Анны Павловны, безвкусной, как картон. Голуби – другое дело, она их видела живыми. И она их ела после. В этом была какая-то красота для нее, поэзия.

- 28 панфиловцев, - прошептала она, когда открывала дверь квартиры. Губы старушки растянулись в ненасытной улыбке. Все зубы на месте, спасибо дочке за протез.

Настя уже некоторое время стояла на остановке. Пересечение Ташкентской и Розыбакиева. Один автобус останавливался за другим, размешивая свежий снег в черную грязь.

- Саяхат, Зеленый базар! – кричал мальчишка-кондуктор.

Настя сделала музыку погромче, чтобы перекрыть звук сигналов, обгоняющих друг друга автобусов, выворачивающих в последний момент в поток легковушек, или резко останавливающихся таксистов. Жизнь бурлила. Выходной день – оптовка в двух шагах. Люди, нагруженные покупками, будто в последний раз живут. Но больше всех Насте приглянулись старушки с тележками, с разноцветными сумками на колесах. Она и не знала, что те могут быть столь разными в использовании. Хочешь – будет и табуретом, если вдруг не осталось мест на остановке. Откинь седушку, а сама сумка будет спинкой и усаживайся. Или колеса трансформеры – по три с каждой из сторон, помогают преодолеть лестницы и пороги. Фиксация, скрытые зонтики, любая расцветка самих сумок.

Старушки с тележками сплывались со всех сторон. За десять минут ожидания Настя с легким ужасом поняла, что на остановке их уже человек пятнадцать. И все о чем-то весело переговариваются. Кто и где подешевле курицу купил, почем яйцо. Этот доллар, будь он неладен! – из-за него все цены подняли. И пенсию увеличили на десять процентов, чтобы потом продукты подорожали вдвое. Сейчас самая пора затариваться мукой, сахаром, спичками – грядет тот день, когда прилавки опять опустеют. И зря дети их не слушаются, не покупают. Но ничего – каждая из старушек готова поделиться своим закупом лишь бы никто не остался голодным. А на овощи, нет, вы видели какие цены на овощи?! Хорошо, что осенью затарили кто - по мешку, кто - по два картошки, лука, свеклы и моркови – теперь всю зиму можно и борщ, и салаты делать – много дешевле. Главное, чтобы было, где хранить...

По прошествии еще десяти минут Настя начала догадываться, что она и эта братия-любителей тележек ждут один и тот же маршрут. Он сегодня оказался редким гостем. Все остальные курсирующие тут автобусы уже прошли за время ожидания девушки. Тонкие, облегающие джинсы совсем не грели, и куртка оказалась холодной в снежную погоду. И почему Настя не взяла больше налички? Всего на 80 тенге больше и она могла бы уже с пересадкой умчаться куда угодно. А теперь девушка застряла здесь в окружении старушек, которые уже пару раз бросали в ее сторону неодобрительные взгляды.

- Стоит тут покрашенная, ты только погляди – какие тени, а помада какая яркая, – громким шепотом проговорила одна.

- Я своей внучке все лицо хозяйственным мылом вымыла, когда увидела, как она малюет, – проворчала вторая.

- Да, бросьте вы, какими мы были в ее годы! Будь чем - тоже бы красились, - проговорил тихий приятный голос.

Все засмеялись, загалдели и перешли на другую тему. Настя невольно обернулась и заметила милую старушку в косынке и зеленом пальто ниже колен. Такая опрятная, ухоженная, прям глаз не отвести, и тележка у нее была под стать другим. Яркая, разрисованная цветными кольцами на голубом фоне. У старушки была трость, на которую та опиралась.

Подъехал автобус, притормозил в самый последний момент, заскрипели шины по гравию, окатив из лужи самых торопливых. Настя не стала толпиться у задней двери, дожидаясь погрузки каждой тележки, и прошмыгнула к передней. Она уже поставила одну ногу на ступеньку, когда ее плеча кто-то легонько коснулся. Оказалась давешняя понравившаяся ей старушка, та, что вступилась за Настю.

- Не поможешь мне с сумкой, милочка?

- Да, конечно, - ответила Настя и улыбнулась.

Сумка не была тяжелой, как было думала девушка. Она даже удивилась этой легкости.

«Странно, я думала они их заполняют до краев».

- Я не покупаю, я продаю, - подмигнула старушка.

- И что же ты продаешь? - вмешалась из ниоткуда взявшаяся необъятная женщина в видавшей виды потрепанной, даже засаленной шубе.

- Мясо, - проговорила громче старушка в зеленом пальто, - двигатель автобуса взревел, и собравшиеся пассажиры качнулись в такт движению.

- За проезд! Карточки прикладываем, оплачиваем за проезд, - начал рутину кондуктор.

На одном из сидений примостилась продавщица попкорна. Перевязанный веревками вкусно пахнущий баул стоял, точнее, катался вперед-назад на колесиках возле ее ног, занимая места так, что еще двое могли стоять. Она придерживала ручку, чтобы тележка далеко не уехала.

- Будешь покупать попкорн? Горячий, - проговорила женщина, заметив взгляд Насти.

- Нет, спасибо, - ответила она, хотя очень хотелось.

- Эй, будешь тут продавать - еще плату попроси, - налетел кондуктор. Просто подойти он не мог, так как автобус несся и парень еле удержался на ногах. Водитель весело с кем-то калякал по сотовому и курил сигарету.

- А я и не продаю! Это она тут смотрела, - женщина тыкнула пальцем в сторону Насти.

Та подумала, что лучше не связываться и спокойно доехать до своей остановки.

- Ниче она у тебя не спрашивала, я же видел! - вступился парень.

- Ах, ты бесстыжая! - вдруг воскликнула женщина в сальной шубе, - хоть бы глазом повела,

нахалка! Ты посмотри на нее. Тут из-за нее спорит честной народ, а она молчит. Стоит тут в наушниках!

Настя только и могла, что глазами хлопать. Этого выпада она никак не ожидала. К женщине подключились еще пара старушек. Припомнили эту наглую молодежь, которая не здороваается, ни тебе места уступить, ходят тут в обтягивающих джинсах - все на виду, стыд да срам!

Настя покраснела. Она никак не могла найти, что ответить и самое главное, она решительно не понимала, что сделала не так.

В салоне были другие пассажиры. Все предпочли уставиться в окна. Даже водитель замолчал со своим телефоном и нет-нет поглядывал в зеркало заднего вида. Глаза его странно блестили.

Парня-кондуктора пару раз выслушали и потом жернова блюстителей нравов перемололи и его молодые кости, так что он, как мужчина предпочел не спорить с женщинами, а спровадить их уже восвосяи, каждую на своей остановке.

Место перед Настей освободилось. Она, не помня себя, в него рухнула, чем подняла еще один шквал возмущений о старших и местах. И что надо же, ни разу тебе не посмотрят, не проверят, может тут кто больной и старый уже на ногах умирает. Стоит отметить, что все говорившие - это еще надо постараться перекричать ревевший мотор - сидели себе спокойно на креслах, и вообще в салоне кроме кондуктора, никто больше не стоял. Тот уставился каким-то оступевшим взглядом на дорогу. Он беспокойно тербил монетку в руке, в ожидании выходящих, чтобы постучать ею по стеклу в знак водителю, если надо будет остановиться.

Женщина с попкорном уже три остановки назад сошла с автобуса и поплелась по своим торговым делам, и думать уже забыла о бедняжке Насте. Да, и женщина, которая всю эту кашу заварила, та самая - в старой шубе, тоже довольно скоро освободила всех присутствующих от своего общества.

Вроде, наконец, в салоне замолчали. Настя не могла поверить, что галдеж прекратился, она поднялась с места и мельком оглянула салон. Осталось всего три старушки. Одна - в зеленом пальто и с тростью с сочувствием поглядела на Настю, две оставшиеся были увлечены своей беседой о внуках. И девушка для них уже не представляла былого интереса. Однако она все равно побаивалась поднять глаза. Парень постучал по стеклу двери. Автобус резко затормозил. Всех в салоне качнуло. Настя еле удержалась на ногах, ее за руку подхватил кондуктор.

Дверь открылась и девушка, наконец, вышла. Слезы хлынули из ее глаз. Она почему-то так старалась не заплакать в автобусе, что сейчас просто не могла остановить поток горячих слез.

Настя шла по маленькой улице, не разбирая дороги, среди двухэтажных старых домов и гаражей. Ей было так обидно. За все. За то, что она себя не защищала, за то, что точно также всегда молчит дома, когда ее ругают мама или бабушка. Просто теряется от страха, вдруг становится из взрослой двадцатилетней девушки - маленькой девочкой, которой хочется просто спрятаться куда-нибудь под стол и никого не видеть.

- Не надо так плакать, милочка, - услышала Настя знакомый мягкий голос.

Она обернулась и увидела милую старушку с тростью. И только сейчас Настя заметила, что трость была заостренной. Девушка, когда впервые такие увидела, подумала: «какая незаменимая вещь в гололед». Только сегодня не было гололеда, снег таял.

Девушке стало не по себе. Она вдруг поняла, что не знает, где находится. Не узнает ни тропинку, ни гаражи вокруг. Как ее сюда занесло?

Она еще раз взглянула на старушку, словно что-то спросить. Но не успела.

Старушка улыбнулась, добренькой улыбкой и вонзила трость девушке в шею. Кровь хлынула из раны. Девушка открывала и закрывала рот, будто обрета, наконец, дар речи. Старушка спокойно оглянулась по сторонам и вытащила из тележки топор.

Лучшее, что могло произойти с Анной Павловной, уже произошло. Девушка сама пошла

в сторону заброшенных гаражей. Глупо, глупо и бесполезно прожитая жизнь.

Анна Павловна тянула сумку-тележку на остановку. Заметила капельку крови на ладони и слизала ее.

- Женщина, у вас что-то течет из сумки, - подсказала старушке соседка по месту в автобусе.

- А это я на оптовке мясо купила, размораживается, наверное. Вы же знаете, как они много туда воды, льда суют. Ну, просто кошмар. Если бы не тележка - осталась бы голодной.

- Да, я сама на прошлой неделе взяла там говядину...

Анна Павловна смотрела на собеседницу с участием и пониманием. Со дна тележки упала на пол еще одна капля крови. Грязь, растаявший снег и целая лужа посередине салона автобуса, при очередном реве мотора перетекла под ноги Анны Павловны, под колеса ее тележки. От крови не осталось и следа.

- Я на следующей остановке выйду, а то помидоры забыла купить, - с улыбкой проговорила собеседнице Анна Павловна.

- Вам помочь?

- Нет-нет, что вы! У вас своего полно.

Старушка сошла с автобуса, с трудом одолела бордюр со своей тележкой, затем остановилась и закурила сигарету. Она так и стояла одинокой на остановке, тихо радуясь теплой алматинской зиме.

А на дереве неподалеку внезапно перестали курлыкать голуби.

КИПЛЕРЫ ПРОТИВ ГИГАНТОВ МЫСЛИ

Улица Вторая Млечная Ямская была запружена людьми до предела, как звездами во вселенной. Все спешили домой после рабочего дня, и легко выявить, тем более выхватить из массы проходящих намеченную жертву было затруднительно, да и просто невозможно. Нейроном суммировал силы мозга в потоке и прибор зашкаливало от обилия нейперов¹. Вечернее время хорошо тем, что подходило под удобство и стратегию, но больше устраивало наличие не толпящихся прохожих, вот почему Боравский и Сахнин решили поменять дислокацию. Они на автомобиле отъехали от центра города и остановились на Большой Крабовидной. Здесь столпотворения не было. Руки Боравского настраивали нейроном, а правая рука Сахнина сжимала холодную рукоять пистолета.

– Знаешь, куда мы попали? – заговорил Боравский, когда осмотрелся на месте.

– Вспомнил, начинали с малого! – ответил Сахнин. – Два года назад здесь агитировали прохожих на проверку Ай Кью².

– Но тогда получился облом.

– Конечно, скомкали обследование, получили средний уровень, никому не нужный.

– А потом?

– Удача! Попался гигант мысли с уровнем IQ за 200 баллов.

– То-то же.

– И мы пошли в гору. Да, было такое интересное в нашей деятельности – начало начал.

– Не подумай о нас, что преступников всегда тянет на место преступления! – ехидно произнес Боравский и непроизвольно нажал на кнопку. Раздалось пронзительно-едкое повизгивание маленькой циркулярной пилы.

– Всё что угодно, только не этот душераздирающий звук! – запротестовал Сахнин и зажал уши руками.

Они терпеливо ждали, просто ожидали на удачу человека, не важно какого типа, какой национальности, направленности, какого пола и возраста и с какой фамилией. Этого человека надо было чикнуть, то есть, лишить жизни, затем распотрошить. За что, почему? Зачем это знать? Не всё ли равно? Каждому своё. Об этом не им думать, не им рассуждать. По некоторым небезынтересным причинам – Боравский и Сахнин не из робкого десятка и не из числа любопытных. Отчасти за это их и ценят, и приглашают на дело. И еще за то, что они не просто серийные убийцы, не просто мастера своего дела.

Надо только аккуратно всадить пулю в грудь незнакомому человеку. Не дай бог в голову, чтобы не повредить товар под названием мозг.

Противно?

Нет, не противно. Главное – полная свобода действий, и развязывание рук.

Неразумно?

Не глупее других занятий. Ремесло есть ремесло, не хуже всякого другого.

Вульгарно?

Нет, не вульгарно. Все приемы хороши.

Ненормально?

Скорее – рационально. Спрос порождает предложение.

Цинично?

Есть товар, значит, есть покупатель.

Дорогое удовольствие?

Торг здесь не уместен.

Интеллектуально?

Само собой, разумеющееся. Здесь надо вкладывать душу и отбрасывать сомнения.

Последнее, правда, смущало. Убийство! Несколько необычное. Когда-то им и в голову такое не приходило – прибегнуть к столь явному и кардинальному методу, как душегубство. Но иначе нельзя и цель оправдывает средства. Почему цивилизация так медленно развивается, почему черепашьими шагами движется вперед? Потому что мало рождается талантов и, тем более, гениев. Один талант на тысячу посредственностей. Один гений – на сто тысяч талантов.

Уродливое соотношение статистики.

Вопиющее положение вещей.

Теперь по-другому. Человечество во главу угла! Проигрывая в количестве, оно, тем не менее, будет выигрывать в качестве, а это уже кое-что да значит, это наиглавнейший постулат в наше время, ради которого можно оправдать любое замысловатое действие и по ходу совершенствовать нравы не совсем разумного общества во благо лучшего будущего. Зачем тысячи Сальери, когда лучше иметь одного Моцарта. Самообучение и самопознание идут нога в ногу, рука об руку, но каждое своим путём, что, в общем-то, не обязательное условие. Зачем техника сверхбыстрого высоко усвояемого обучения, но дорогого по сути, когда есть легкодоступное безграничное наращивание ума, как памяти в компьютере, при помощи последних веяний и новаций, и новых технологий... а проще всего делать апгрейд³ самого человека.

¹ Нейпер – единица измерения силы мозга.

² Ай Кью (IQ) – количественная оценка уровня интеллекта человека.

³ Апгрейд – это обновление или замена оборудования, или программного обеспечения на более функциональное или более современное.

“Надо помогать развитию человечества”. Боравский еле остановил поток мыслей о мессианстве и несколько минут вдумчиво смотрел в точку, боясь упустить объект. Затем мысли сами собой продолжили ход.

Наращивание ума!

Средоточие Великого Чистого Разума!

Доступное только богатым и удачливым, и что обиднее, кому оно, сидящим на мешках с деньгами, в общем-то, вовсе не нужно. Такие ходят с гордо поднятой головой, посматривая с высока и пренебрежением на других, потому что считают, что своему обновленному мозгу они обязаны сами себе и меньше всего от родителей. И где уж им вспомнить о каких-то там Боравском и Сахнине, обеспечивших им успех.

Можно купить всё, если есть деньги. А если есть мозги? Это еще лучше – можно делать деньги легко и непринужденно, они сами будут идти в руки, что ни в какое сравнение с потугами олигархов! Но деньги есть деньги. Они пока довлеют, подавляют, забивают мозги о своём катастрофическом дефиците. Ситуация меняется на глазах. Деньги к деньгам, мозги к мозгам! Человеку всегда мало! И эти олигархи – хапуги, кровососы, крохоборы и жадюги – бросились скупать мозги. Своих не хватает – подавай им чужие!

Ха, пилюли с гормонами ума и информации!

Боравский перебирал в голове своих заказчиков. Отбоя от них с некоторых пор не было. Все с куриными мозгами. Деньги, деньги, деньги, мозги, мозги, мозги! – вот что их заботило и интересовало.

Сапожники без сапог!

Долгий день шел к концу. Воздушные течения сновали вверх и свивали свои причудливые узоры вокруг большого тополя, в десяти метрах от которого стояла их машина. Солнечное излучение менялось по мере движения потоков гущающегося тумана. Набравшись дневного тепла, дерево дремало в привычном изнеженном состоянии – эта ночь, как и вчерашняя, обещала ему спокойствие.

Солнце клонилось к закату. Но вот вдруг его желтый свет, пронизывающий плотные слои атмосферы, стал приобретать серый зловещий оттенок от набегающих тяжелых туч. Мускулистые ветви тополя резко поворачивались, следуя за покидающим потоком энергии. Дерево еще сонно, но уже судорожно, как грудных детей, начало защищать почки, пряча их от приближающегося холода, принаравливая теплообмен и испарение с листьев под ночной уровень жизнедеятельности и излучения. Оно готовилось к непогоде. Ему вспоминалось теплое лето, далекое прошлое со свободным странствованием во флоре и мирное сосуществование среди зубастых врагов в фауне.

Стемнело и зажглись фонари. Поднялся первый ветер, сильным вихрем налетел на дерево, и мощные ветви, сопротивляясь, заскрипели, а листья, обожженные первым холодом, шорохом выразили неудовольствие погодой и плотно прижались к гладкой коре.

Стрелка нейрона качнулась всего на чуть-чуть. Ноль-ноль какой-то процент шкалы, но уловимый и чувствительный. Прибор, направленный на тополь, говорил, что дерево какое-то, а живое существо, более того – мыслящее, если показывало нейперы. А нейперы – это мозг. А мозг – это поток сознания.

Принимать серьезные меры было еще не поздно. Долго дремавший от беззаботного дня мозг дерева охотно вступал в противодействие с катаклизмом природы – и вот, наконец, мгновенно оценив ситуацию, дал команду распространиться с благодушием и освободиться от последней приятной неги. Проявляя непривычную деловитость, шла мобилизация всё новых нейронов, соединяя их во взводы, роты и полки, а, почувствовав свою ответственность, эти воинские образования, возбуждая двигательные центры, принялись за конкретную работу по защите дерева.

Зловещие волны атмосферного фронта шли в строгом направлении с северо-востока, влажность падала; внутреннее давление росло – в совокупности это означало ощущение близкой опасности и готовность противостоять непогоде. Мозг в дереве шевелился, волна дрожи бежала по стволу и всей необъятной кроне, стряхивая маленькие култышки первого снега. Дерево, прогоняя из себя последнее эйфорическое забытие, резко подняло активность веток, превратив ее в протест.

Ни на что другое времени не оставалось. Дерево смутно осмысливало прикосновение холодного обжигающего воздуха, недостаток света, щекощущее движение молекул тающего снега, вялое распределение кислорода, углекислоты по коре и листьям. Тополь автоматически отзывался на всё более сильные порывы ветра сознанием дискомфорта, упорядочивая и поворачивая нейроны так, чтобы каждое разумное решение не сбивалось в хаос и оставалось под нужным углом зрения к потребностям своих бесчисленных клеток, нуждающихся в защите.

– Что-то нашел интересное? И что рассказывает дерево? – с ехидцей осведомился Сахнин.

– Лучше спроси, о чем оно не думает? Смутно осмысливает ветер, снег и холод.

– Погода всё хуже и хуже! – зло высказался Сахнин, ежась и вытягивая шею к боковому окну.

Но Боравский знал дурные привычки поделника.

– В самый ответственный момент ты начинаешь сеять сомнения! – выразил он неодобрение.

– Днем – солнце, а сейчас – бр-р...

– Запрещаю об этом думать! – объявил Боравский. – В машине тепло.

– Ну вот, и сказать ничего нельзя.

– Заткнись. На этом корыте команду я! – рявкнул Боравский, разозлившись.

– Торчу тут с одним психом.

– Недовольство? – усмехнулся Боравский. – С прошлого раза разве мало заработал?

– Получил нормально.

– От Монте-Карло еще не отошел?

Сахнин вздохнул.

– Отдыхать – не работать!

– А также от Минорки и Мальорки?

– Всё, работаю в последний раз, и навсегда бросаю это проклятое, грязное дело, – решительно сказал Сахнин.

– Ты что, не совсем здоров? Вид какой-то бледный.

– Предстартовое волнение.

– Неудобно находиться на низком старте?

– На высоком – тоже.

– У тебя каждый раз делает попытки восстановиться совесть, а это мешает нашему ремеслу.

– С ней всё в порядке.

– Какой бы ты ни был отпетый убийца, она должна быть всегда на высоте нашего отношения к делу, как показатель понимания профессионализма.

– Не учи! – рявкнул Сахнин. – Меня угрызения совести не мучают, только неотвратимость наказания.

– Эмоции побереги и энергию! – оборвал Боравский. – С минуты на минуту они понадобятся...

– Не хочу поступиться окончательно последней совестью! – взвыл Сахнин. Хмыкая носом, он прикладывал к мокрому от пота лбу носовой платок.

– Успокойся! – Боравский примирительно похлопал товарища по плечу и сказал: – Мы уже не просто любители легких приключений, а профессионалы перераспределения высокого разума, мы двигатели прогресса, несущие мозги в массы.

– Справа идет человек, – насторожился Сахнин.

– Тихо, не шебурши! – прикрикнул Боравский.

– Мешаешь сосредоточиться. – Он, не отрываясь от нейронама, отвел тубус от дерева и теперь направил его на новый, уже двигающийся живой объект.

Ум у того был укороченный, средней паршивости. Но чего-чего, изображение настроенной сетки показало смещение в спектр повышенной

честности. Даже слишком ее большой перебор. Боравский много видел таких честных лиц, которые казались ему недостаточно умными; много таких, которые были умны, но недостаточно честны; много таких, которые и умны, и честны одновременно, но обладатели этих мозгов не были достаточно преуспевающими людьми. Другие, будучи богатыми в отношении мозгов, не производили впечатление баловней судьбы в отношении денег, а если и производили, и были достаточно богатыми, то не походили на людей, у которых обязательно должны быть мозги, которых хотелось бы непременно экспроприировать, то есть изъять насильственным путем. Нет, честные мозги сегодня не в моде. Нужны просто непредсказуемые мозги, изображенные в обычных нейперах, без наворотов и прибабасов, но представляющие собой большой бурный интеллектуальный поток.

Боравский, не пропускающий пешеходов мимо, размечтался о конкретном уме, о могучем и необъятном, всеобъемлющем и несокрушимом, как гора, уме. Не с наличием честности, порядочности, доброжелательности и иже с ними, как примесь серебра только портит золото, а без них.

Настало другое время. Теперь не надо быть большим психологом и определять личность по крупному нависшему лбу, квадратной челюсти или по широким бровям. В приборе всё видно: у кого, какие и сколько мозгов, хочешь в граммах, хочешь в нейперах, даже если черепная коробка своими размерами и толстой стенкой не соответствует содержимому.

Надежды Боравского начали оживать уже с первыми обнадеживающими прохожими и тем, что он и Сахнин не зря прячутся здесь и ждут хорошего донора с прекрасным материалом.

Приближался еще один торопливый прохожий, но он не вызвал интереса, хотя прибор регистрировал, как у него мыслетечения свивали свои причудливые узоры в каждой половине мозга, перетекая друг в друга; биополе менялось по мере движения нейронов в инфантильно-замкнутом объеме головы; питательные молекулы плыли по капиллярам; нейроны чуть поскрипывали от работы, от трения друг о друга в мозговом пространстве. Это было не то, что надо.

Примерно такой же в нейронаме выглядел визуально мозговой невразумительный ландшафт и следующего из прохожих.

– Вот этого паразита я бы замочил! – произнес Сахнин.

– Само размышление еще не рождает мысли, так сказал Гете! – Боравский остудил поделника и углубился в дальнейшее изучение объекта.

– В этом мозгу, – комментировал он, – по сравнению с другими, которых мне уже довелось сопоставлять, на удивление дефицит мыслей, а те, что имеются, носят какой-то неперспективный, хаотичный, амурный характер.

Сахнин тоже не сводил глаз с прибора.

– Это мозг человека, – констатировал он, – ежедневно и ежечасно ведущего словесную войну со всем остальным миром. Но мир строится делами, а не словами.

Но и эта информация показалась скудной, прерывистой и чуть ли не какофонией по своему тону.

– Это не паразит, а паразитка! – воскликнул Сахнин. Сначала он сделал вывод, а потом увидел объект во всех подробностях.

К ним шла женщина, неожиданно выскочившая из-за угла дома, на ходу запахивая полы плаща, как им показалось на совершенно голое тело, но колготки в сетку были заметны. В какой-то момент Сахнин уставился на ее полуоткрытую грудь.

Это была женщина, лет под тридцать пять. Лицо красивое, но какое-то измочаленное. И нервное. Проглядывалась ее бесследно пропавшая горделивая стать. Что-то ужасно сиротливое было и в ее вдруг сгорбившейся, поникшей фигуре. Женщина по какой-то необъяснимой причине в неуверенности обреченно-косолапо загребала по тротуару своими ногами, не разбирая дороги.

Прибор нарисовал кристаллическую пилообразную структуру в виде правильной параболы, только сбоку вид портили два шишкопрофильных радикала. Исходящая сильная аберрация от ревности мешала производить оценку мозга.

– Нет, сверх уникальный гормон ревности заказчикам не нужен! – диагностировал Боравский. – Даже самый гениальный!

Женщина, раздосадовано взглянув на небо, вытащила из сумки зонтик, попыталась его раскрыть, но он не слушался – в нем что-то заело. Она в сердцах отшвырнула его куда-то в темноту и, подняв воротник плаща, медленно побрела, осыпая крошечками снега, как говорится, куда глаза глядят.

На третьем этаже в неясных сумерках раскрылось окно. Мужчина в майке высунулся наружу по пояс.

– Марина! Вернись!

Женщина шла не оборачиваясь.

Мужчина стукнул кулаком по жестяному карнизу.

– Марина! Я тебя очень прошу, умоляю, не делай глупостей... Случилось, прости, с кем не бывает... Это была старая подруга... Что ж теперь, мне с тобой разводиться?

Женщина быстро шла по тротуару в сторону

перекрестка. В расстроенных чувствах она ничего не замечала вокруг – ее бил озноб скорее нервной природы.

– Ну и дура! – Одинокая мужская фигура с кулаком метнулась в окне в последний раз и пропала.

Боравский передернул плечами. Как нейроном был прав – это была война женщины не на жизнь, а на смерть за выживаемость с мужским сословием.

– Отставить! – сказал он приготовившемуся Сахнину. – Ты же видишь – она не в себе – нервный срыв, в ней ложный подъем мозговой активности с низким КПД⁴. Спроси сейчас, что у нее на уме, куда идет, она не ответит, так как сама не знает, что ей надо.

– И в самом деле, почти ноль нейперов! – удивлению Сахнина не было предела. – Исходит желчью от ревности и собственной тупости. Глупость затмила её разум!

Боравский тщательно взвешивал тот риск, на который они шли. Нагрузка на возникшие в его воображении весы была слишком тяжелой. Это не просто кража со взломом, считающаяся тяжким преступлением. Если их схватят, им грозит на первый раз два года перевоспитания в пустыне на планете Притто. Они будут сажать петрушку на жаре, поливая ее своим обильным потом. Или на планете Океан, не имеющей суши, они будут страдать от избытка воды на трехкилометровой глубине, выращивая морскую капусту на вершине двенадцати тысячника в вечно черном безмолвии. Или на планете Земляничной в шахте под десятикилометровым слоем земли будут колупать платинородиевую руду. То, что они собираются совершить, было в тысячу раз отвратительнее изнасилования и пострашнее простого греха убийства. На языке юристов это называлось “хищение интеллектуальной собственности в особо крупных размерах с особой жестокостью по отношению к человеку при отягчающих обстоятельствах”. И они это понимали.

Конечно, они приняли меры предосторожности. Они следили за подходами к этому узкому проходу на тротуаре, к которому к тому же можно было только незаконно припарковать машину, изучили, как свои пять пальцев, все риски, все маниакальные привычки прохожих, учли все последствия. Нейроном выискивал среди прохожих уникальные экземпляры с главным достоинством – имеющего своим мозгом неограниченный доступ к необъятному хранилищу Мирового информотория, как выход с любого компьютера к Глобальной внешней сети.

Переваривая информацию о медицине, Боравский приобрел кое-какие познания о пре-

⁴ КПД – коэффициент полезного действия.

парировании мозга. Перед тем как преодолеть брезгливость и стать нарушителем закона, он провел много времени за чтением психологических книг и тренировками по овладению навыками трепанации черепа.

Мозги! Мозги! Мозги!

Из книг философов, еще студентом, он почерпнул главное, что однажды все мозги освободятся от пут и обретут долгожданную свободу. В границах черепа они стеснены, зажаты как в клетке, и что ведут молчаливую, подспудную борьбу за жизненное пространство. Не сегодня и не вчера, не в первый и не в последний раз возникает мозговое несоответствие между колоссально производимой умственной работой и ничтожными, ограниченными условиями полезного объема, приходящегося на миллионы нейронов. Одной прогрессивной мысли о них, о стремившихся к простору, о их несвободе, было достаточно, чтобы понять, что ради освобождения из заточения нейронов можно пойти на всё что угодно. Это позволяло сосредоточиться на высокой идее и отбросить мысли о преступлении. Боравский стоял на макиавеллевских позициях, что преступление – это понятие относительное. Все зависит от цели, ради которой оно совершается. Если цель благородна, – в этом Боравский не сомневался – всякое действие и поступки хороши.

Мозги! Мозги! Мозги!

Об этом думал и Сахнин и успокаивал себя, что ему лень напрягать собственное серое вещество, лучше изображать гениальность. Он констатировал, что люди словно ополумели. Это же надо, сегодня содержимое карманов меньше интересует, чем содержимое в черепной коробке! Урвать себе долю чужого интеллекта теперь жаждет каждый добропорядочный гражданин и простой обыватель, так что желание стало превращаться через массовый психоз в реальность.

Сахнин отряхнулся от мыслей, вынул руки в резиновых перчатках из карманов и проверил инструмент для вскрытия черепа. Ручная циркулярная пила противно взвизгнула, как только он ее включил на мгновение. Самая необходимая вещь. У него и Боравского было право на владение и право на ее использование.

Подошел заказчик в длинном пальто и шляпе, сутуло маячили опущенные плечи. Такие типы в понимании Сахнина ходят с размазанными мозгами по стенкам черепной коробки, что ему, нонсенс, располагающему мизерным интеллектом, не помешало окончить в свое время университет и заняться не по профилю прибыльным делом.

– Вы действительно, сегодня настроены решительно, не так как в прошлый раз чуть не облажались?

Боравский небрежно кивнул.

– Всего лишь рвотный эффект случился, не больше. Не извольте беспокоиться – промашки не будет.

– Шеф добавляет десять лимонов, но, чтобы был самый лучший вне кондиции мозг.

Шаркающие по асфальту шаги с той стороны тротуара заставили заказчика отбежать от автомобиля, а Боравского приготовиться, и оглядеться в случае, если покажутся полицейские. Боравский спросил себя, каким он предстанет в глазах прохожих в наручниках на руках, окажись с ним по бокам два дюжих жлоба в форме. Впечатление не для слабонервных...

На нелегальном рынке хороший мозг стоил целое состояние. Единственно, что было отвратительно, так это невозможность легко изъять мозг из черепной коробки, как выпростать деньги из кармана, чтобы без убийства, всё же Боравский придерживался определенных нравственных принципов.

Мозги не крадут как кошелек – их тщательно выскабливают до граммульки из черепных коробок, а ёмкость эта одноразовая, единовременная. После вместе с телом тихо утилизируется. Перекачка человеческого мозга из одной посуды в другую стала самой что ни на есть тривиальной операцией. Далее преобразование серого вещества с его нейронами в показательные нейперы, и конвертация их живьем в денежные знаки.

Боравский знал, что работает только из-за денег. Человек с коротенькой бородкой принесет ему обещанный чек и исчезнет. По чеку он получит настолько приличные деньги, что их сумма не будет поддаваться никакому дикому восторгу. Этого будет достаточно, чтобы прожить на широкую ногу в Монте-Карло месяц, а то и безбедно остаток жизни.

Но пока он и Сахнин не могли рисковать и оставлять явные следы.

Боравский не просто мечтал о новой судьбе мозга, который сегодня пройдет через их руки и попадет к жаждущему субъекту. Он искал пути к столу, за которым идет дележка пирога. Он был поглощен протестом, что где-то в конспиративной лаборатории без его участия мозг расчленят на множество частей, и будет воспроизведен пилюлями и распространен по миру, как принимаемыми внутрь гормонами.

До сих пор Боравский поставлял на тайный рынок в основном порнографию. За нее хорошо платили, но риск не стоил тех денег. Другое дело – хищение мозга. Зачем смотреть на портреты Аристотеля, Ньютона или Эйнштейна неравнодушными завистливыми глазами, если современные Лобачевские стучатся в дверь, топчутся

рядом и провоцируют своим заложенным в себе несметным богатством, мол, возьмите его, а кто-то, покушающиеся на это богатство, не жалеют денег. Прав Михайло Ломоносов, сказавший: “Что может собственных Платонов, и быстрых разумом Тевтонов российская земля родить”.

По этим причинам, которые Боравского немало будоражили, появилась целая когорта людей, на данный момент увлекающаяся идеей персонализации перетока чужого мозга к будущему конкретному обладателю. Созданная на этом целая производственная индустрия превращает безыскусные неказистые примитивности в людей с вполне приличными, достойными уважения персональными мозгами...

Мозг был распахнутыми дверями в другой зовущий мир, более мощный, более разветвленный, более развитый.

Боравский изучал старинные книги и почерпнул из них, что торговля мозгами уже бойко шла в двадцатом столетии. Он интересовался технологией, но этот вопрос оставался открытым. Подробных описаний нигде не было. Из богатого опыта распространителя порнографии он уяснил, что торговля мозгами была самой престижной и прибыльной над всеми другими видами трудовой деятельности и охватывал не только Россию. Он проштудировал несметное количество судебных хроник того времени, но как, конкретно, наказывали продавцов мозгами, так и не нашел. И слова “продажа мозгов” чаще всего печатались в кавычках. Еще существовал термин “утечка мозгов” – видимо это было связано с неаккуратным выскабливанием их из черепов. Но почему система власти позволяла в сознании граждан “утруску и усушку мозгов” – было непонятно, если закон силой утверждал уважение к ним? Как много вопросов, остающихся без ответа. Вот еще один: почему закон, объявляющий вне закона любого человека, посягнувшего на чужие мозги, встает на защиту мозга, не имеющего собственных мыслей, собственных чувств, собственного достоинства? Что за тупой такой закон, который защищает подобные мозги даже больше, чем в целом самого человека?

Конечно и правильно, никто не должен опшляться до убийства.

Но в данном случае уничтожается только тело, а самое ценное – мозг остается жить в людях и продолжает выполнять свои функции дальше, как главный рабочий инструмент, да еще в перспективных вариантах и в лучших условиях чужого организма. Это как ребенок, который должен попасть только к тем благополучным родителям, которые могут его воспитать и дать образование. Такое положение вещей должно служить народу ориентиром, некоторым подспорьем. Ну и кри-

терием тем законодателям, кто недопонимает перспективу, создает неправильные законы и пекут их в бесполезном ненужном количестве, а правильным законам не дают ход.

Не сегодня-завтра закон повернется как дышло, поэтому надо успеть много сделать... Боравский не слишком колебался, идя на нарушение его. Сомнения не должны доставлять неудобства, как не должно иметь место всяким неясностям. Следовало оставаться правильным в своих глазах и в глазах общественного мнения. На будущее. И быть достойным продолжателем. Чего?

Дела совершенствования развития разума.

Или, по крайней мере, считаться таковым. Уникальные мозги пробуждают в каждом завидующие, неясные движения души, рождают почтение к их нетленной глубине, но и смущение от их богатства у некоторых скряг и скромняг. Как бы не забыть ко всему перечисленному, что в этих случаях больше всего ценится сопровождающее философское наполнение жизни!..

Цель под кожаным кепи появилась резко впереди, отчетливо обозначилась на фоне серого дерева.

– Внимание! – негромко предупредил Боравский.

– Не каркай под руку, – обиделся Сахнин.

– Стоп машина, опять нелоботомирuemый мозг! – дал обратную отмашку Боравский. – Зеленый свет ему.

Нелоботомирuemыми он называл чуваков с примитивными мозгами.

Нырнув прибором в голову прохожего, он видел, что мозг того был некондиционный со знаком минус, в отличие от тех, кто со знаком плюс, и пожелал человеку счастливого пути, чтобы не попадался в руки других Боравских, чтобы и впредь оставался таким же глупым и бездарным для его же пользы.

Внезапный свет ослепил находящихся в машине. Они инстинктивно вскинули руки, чтобы прикрыть глаза. По спине пробежала холодная дрожь. Боравский увидел себя на кончике пули, которую с мучительным грохотом выплюнет сейчас тяжелый пистолет.

Боравский насторожился.

– Проклятье... Принесло легавого.

– О-ох! – заметался Сахнин и начал причитать. – Всё пропало! Несдобровать нам!

– Замолчи! И чего ты вечно паникуешь, кретин? – прикрикнул на него Боравский.

Открылась дверца.

– Что вы тут делаете, господа хорошие?

Они почувствовали, как дрожь пробежала по их телам.

Боравский сжал кулаки и нейроном выпал из рук. Он мог убить полицейского и взять у него

мозги. Но лучше этого не делать – его нейроны были средней величины, но несли экстрагент агрессивности и недоброжелательности, а их и так у каждого хватает, и на них нет спроса, соответственно, и покупателя, потому что засоряют и снижают качество мозга.

– Нет-нет, – произнес он спокойно. – Мы остановились буквально на минуту. Ждем одного человека.

– Полагаю, – поморщился полицейский, – что вам тут делать нечего.

Боравский согласно кивнул и пошевелил вдруг ставшими сухими губами.

– Сейчас отъедем.

– А это что за прибор? Он не запрещен Ассоциацией потребителей?

– Обычная видеокамера.

– В общем, стоять тут нельзя.

– Но, шеф... – Боравский пожал руку полицейского, и тот почувствовал в ладони хрустящую бумажку.

– Хорошо, полчаса в распоряжении, и чтобы вашего духа здесь не было.

Пришлось съехать с этого места, но другое нашлось в пяти километрах.

Пошел уже крупными хлопьями снег, и стеклоочистители еле успевали сметать его. Кандидат на жертву выплыл в приборе справа со стороны Петровской улицы: длинное пальто с поднятым воротником, надвинутая на самые глаза шляпа, сутуло опущенные плечи. Шаги вязли в осенней мгле. Он прошел бетонную колонну – ростверк будущего фундамента – и приближался к ним.

– Вижу цель! – процедил Боравский.

Еще сильнее повалил снег. Человеку под снегопадом было далеко до комфорта, и он руками совместил полы шляпы с воротником. Теперь, еще и без лица, человек в снегопаде представлялся тенью. Дать ему словесную характеристику было невозможно, как и распознать в нем какие-то задатки, а вот нейроном стал точно анализировать его мозг, реагирующего на ситуацию с непогодой, он встрепенулся, зашевелился, охотно вступил в интенсивную работу по борьбе с природным явлением, заставившего человека выше поднять воротник и ниже опустить шляпу.

Это говорило о многом. Глубоко в недрах сеть нейронов крепче сошлась в хороводе, интенсивно передавая информацию действующим исполнительным мышцам, и ноги сами несли их обладателя под спасительную крышу.

Дальше больше. Нейроном фиксировал, что мозг, давно не вступавший в противоречие с природой, сообщал о неприятной ситуации, что волна дрожи бежала по всей мускулатуре головы, стряхивая ненужное теперь благодущие, превращенное сначала в оцепенение, затем уже

в поиск спасительных вариантов. Между тем, прибор настойчиво передавал картинку:

*Мозг своеобразно трактует природное явление... как тему мазохистских и суицидальных фантазий:

*Мозг, доселе не вдававшийся в премудрости климата, из-за непогоды претерпевает трансформацию от капитуляции к полной мобилизации.

*Мозг стоит на перепутье – сдаться на милость катаклизма или бороться с ним.

Но эти aberrации были ни в какое сравнение с тем, что показывал нейроном далее.

При приближении прохожего, его сила мозга увеличивалась не в арифметической, как обычно на чуть-чуть, прогрессии, а в геометрической, чем у кого бы то ни было за всё время существования человечества. А нейроном рисовал следующее: интеллектуальные способности были куда выше и шире. Обычный человек редко употребляет даже треть возможностей своего мозга, этот же субъект использовал его почти на сто процентов. Цифры ошалело прыгали вверх, показывая сумасшедшие нейперы. Мозг проступал своей чудовищной громадиной, неклассической масштабностью. Удивленно разинув рот, Боравский рассматривал в приборе необычную комбинацию нейронов.

Вот это был мозг, вот это силище!?

– Смотри-ка... – Для Боравского здесь было что-то противоестественное.

И у сотни вместе взятых прохожих он не видел такого могучего натиска нейронов своими нейперами, и, хотя мозг выглядел вычурно, несомненно, надо было отдать дань его грандиозности.

Приближалась глыба, матерый человечище.

Боравский недоверчиво еще раз взглянул в нейроном. Предполагаемые жертвы – весьма неординарные личности, но этот выделялся даже среди них разбуженным сознанием, могуществом гения – интеллект интенсивно выпирал из всех пор черепной коробки.

– Слушай, Сахнин, прибор показывает на присутствие мозга колоссальной мощности – двуметром Эйнштейнам или пяти Оппенгеймерам. Прибор словно взбесился. Разве такое возможно в наше время? Ну, понимаю, ноль три или ноль четыре Эйнштейна в одном, выше среднего, человеку, а тут сразу два с половиной? – удивился Боравский.

– Эйнштейн тоже не сразу стал Эйнштейном, – уклончиво отмахнулся Сахнин.

– Уникальный случай, грех отпустить такого донора, будем брать! – сделал знак Боравский.

– Ты любишь с такими возиться. – Сахнин тихо двинул автомобиль навстречу снежным

хлопьям. – Снегопад. Возможно, прибор глючит. – сказал он. – Проверь, влияет ли снегопад на мозговую деятельность человека.

Жертва шагала по снегу, навстречу хлопьям, тяжело переваливаясь, походка выдавала его почтенные года, тучность и состояние здоровья. Боравский сделал скидку на снегопад и даже откинул тому двадцать лет. Здоровье было ни к черту. Возраст пожилой. И Боравский загляделся в нейрон. Отличие мозга от других вызывало восхищение! Цветущее, молодое! Состояние гения в высшей фазе своего развития. Состояние сверхплотной насыщенности интеллекта.

“А может это и есть будущий гений зла? – недобро подумал Боравский, вспомнив об изобретателях динамита и атомной бомбы, и эта мысль в подтверждении нужности очистительного акта успокоила его: – Игра стоила свеч”.

Ослепленный светом мощных фар, прохожий еще больше прикрывшись шляпой. Выпущенная бесшумно пластиковая пуля сразила его наповал. Он еще падал, когда из открывшейся дверцы высунулись руки и втянули его в салон. На

полном ходу автомобиля пронзительно взвизгнула циркулярка, и часть черепа отлетела в сторону. Яркий свет лег на лицо мужчины.

Сахнин отвернулся, от ужаса испарина покрыла его лоб.

– Да, это же наш... бывший заказчик! Ужасно! Экие мы неловкие... – испуганно произнёс он.

У Боравского середина губ криво пошла усмешкою.

– Ошибочка вышла, – протянул он. – Перестарались! – и тут же нашёл оправдание, криком накинувшись на жертву: – А он то тоже переусердствовал! Благодаря нашим поставкам мозгового сырья, сам себе сделал значительный IQ! Зашкалил его! Вот кто – дебил с высокими показателями!

– Кулак-мироед, которому из жадности всё было мало! – не удержался от сарказма Сахнин. Боравский долго не колебался.

– Гони машину! Деньги не пахнут...

Сахнин вывернул руль и уже спокойно добавил:

– Не пропадать же добру!

ФАНТЫ

- А этот фант должен целую ночь в одиночку провести на кладбище.

Маша быстро-быстро заморгала: в руках Кристина, улыбаясь, как сытая гиена, держала листок с её именем.

- Я отказываюсь. – Маша была категорична. Она не настолько пьяна, чтобы соглашаться на подобное безумие.

- Сдрейфила? – Кирилл сделал солидный глоток тёмного нефильтрованного прямо из горла.

- У неё кишка тонка! – поддержала его Настя, что-то сосредоточенно выковыривая вилкой из под ногтей.

Маша переводила взгляд с одного одноклассника на другого, но никто не собирался её поддержать. Поставив пластиковый стаканчик с недопитым пивом на стол, девушка встала с дивана и прямо посмотрела на Кристину.

- Я не пойду на кладбище.

Развернувшись, девушка направилась к выходу, но путь ей прегради Вадим.

- Ещё как пойдёшь. – Карие глаза смотрели на Машу чуть ословело, Вадим единственный из компании пил не пиво, а водку. Правда, этой косой сажени в плечах нужно было по меньшей мере литров пять, чтобы потерять связь с реальностью. А он пока выпил только один. – Как миленькая.

Последнее, что помнила Маша, был резкий удар сзади по голове и звон разбившегося стекла. После чего всё вокруг заволочла темнота.

* * *

Маша любила свою родную деревню. Неширокая речка, бескрайние поля золотой ржи, и густой хвойный лес. По улицам с важным видом разгуливают гуси, подгоняемые своими хозяйками – сухонькими или дородным старушками в калошах и платке. Где-то вдали слышны трактора и комбайн.

Для ребёнка в деревне есть тысяча развлечений. Можно сходить покататься на речку. Можно весь день гонять на велосипеде или играть в мяч и казаков-разбойников. Можно залезть в сад бабы Вари и украсть спелое яблоко под добродушные крики старушки, обещающей «надрать уши воришкам». Можно на спор рвать голыми руками свежую крапиву, а потом долго лечить ожоги на руках. В общем, райская жизнь.

Но ни одна идиллия не может длиться вечно. Когда Маше было четырнадцать, местное начальство постановило снести деревню, а на её месте построить коттеджный посёлок. Местным жителям взамен предоставлялись небольшие квартиры в городе. Деревенские сначала сопротивлялись, особенно старики-старожилы. Однако после серии пожаров желающих остаться

ся в деревне резко поубавилось. Маша с мамой и бабушкой переехали в город.

Квартирка им досталась совсем крохотная, однокомнатная, на самой окраине города. Мама Маши устроилась на работу на завод, бабушка – ночным сторожем в детский сад. Большую часть времени девочка проводила дома одна в компании книг и огромного чёрного кота Василия.

В новой школе Машу встретили неласково. Городские ребята отличались от деревенских. Стильная одежда, модные причёски, навороченные смартфоны. Маша в старом мамином платье и бабушкиных туфлях на плоском квадратном каблуке, с толстой тёмной косой и кнопочным телефоном с единственным приложением в виде фонарика выделялась на общем фоне.

За следующие два года с одноклассниками вне стен школы Маша практически не общалась. Ей звонили с просьбой списать домашку или дать переписать пропущенный материал. И всё. Обе стороны это полностью устраивало. Тем неожиданнее стало предложение от красавицы Кристины – негласного лидера класса, - прийти на вечеринку в честь окончания школы. В этот день и бабушка, и мама работали, так что, получив их разрешение, Маша согласилась.

Вечеринка на квартире Кирилла оказалась банальной пьянкой. Вместе с Владом и Стасом хозяин квартиры притащил три ящика пива и ящик водки. Гремела музыка. Девчонки в коротких юбках отплясывали зажигательные танцы. Парни пили пиво на скорость. Маша сидела на диване с одним пластиковым стаканчиком пива весь вечер, с интересом энтомолога наблюдая за царящим вокруг безобразием, то и дело поглядывая на настенные часы. Она обещала маме вернуться домой в десять. Стрелки медленно приближались к отметке 21:30 и скоро можно будет без тени вины попрощаться с гостеприимным хозяином и вернуться в общество книг и телевизора с тремя каналами.

В 21:25 Кристина предложила сыграть в фанты. Предложение было встречено с энтузиазмом. Маша ни разу не играла в эту игру. Стас заплетающимся языком объяснил правила, и девушка посчитала, что не произойдёт ничего страшного, если она немного задержится.

Все ребята, кто ещё находился в сознании и был способен держать ручку в руках, - а это шесть человек из семнадцати, - написали на небольших листочках свои имена, свернули и положили в кепку Влада. Кристина, взявшая на себя роль ведущего, не глядя, вытаскивала по одной бумажке и озвучивала действия для указанного фанта. Кириллу нужно было с балкона прокри-

чать, что он любит Стаса. Настя скакала на одной ноге и кукарекала. Света залпом выпила рюмку водки. А потом Кристина вытащила имя Маши...

* * *

Открыв глаза, первое, что ощутила Маша – пульсирующая боль в затылке. Прохладный ветерок трепал её распущенные волосы, но вокруг царил непроглядный мрак, и было очень сложно разобрать, где именно она находится. Кроме того, попытавшись пошевелиться, Маша обнаружила, что её руки и ноги связаны, причём руки зафиксированы за спиной. Стало по-настоящему страшно.

- Ребята, это уже не смешно! – дрожащим голосом крикнула Маша, тщетно пытаясь освободиться от пут. – Пошутили и хватит! Развяжите меня!

Ответом ей была тишина. В очередной раз неудачно дёрнувшись, Маша свалилась с того места, где лежала. Под щекой у неё оказалась холодная земля. С глухим стуком из кармана что-то выпало. Резонно предположив, что это, должно быть, телефон, девушка, извернувшись ужом, принялась рыскать связанными руками по земле. Спустя несколько минут в ладонь упёрся знакомый пластиковый кирпичик старенькой Нокиа. Внимательно ощупав его, Маша зажгла фонарик. И буквально подавилась криком, увидев в неясном голубоватом свете чье-то надгробие.

«Нет - нет - нет, только не это!» - забились в голове паническая мысль.

Рядом раздался какой-то непонятный шорох, и Маша поспешно выключила фонарик. Сердце бешено колотилось где-то в горле – того и гляди вырвется наружу. Всё тело сотрясала мелкая дрожь. Девушка сделала глубокий вдох и затаила дыхание, мысленно взывая к Богу, чтобы её никто не заметил.

Звук не повторился. Маша не слышала больше ничего, кроме шелеста листьев. Тишина давила на уши. Отчего-то хотелось кричать.

«Без паники. Только без паники». – Мысленно успокаивала саму себя девушка. – «Это просто старое кладбище. Здесь никого нет. Сейчас я развяжу ноги, встану и пойду домой. Телефон со мной. Я могу в любой момент позвонить в полицию или маме. Хотя нет, маме лучше не стоит – она будет волноваться. Тогда в полицию. Ещё и заявление на этих уродов напишу...»

Подогнув ноги, Маша прогнулась в спине и, нащупав пальцами обычную бельевую верёвку, сосредоточилась на процессе своего освобождения. Узел оказался завязан очень туго, и девушке никак не удавалось его распутать. В этот момент где-то вдалеке раздался жуткий, нечеловеческий крик. Маша замерла, не в силах пошевелиться. Горло судорожно сжалось, словно его сдавила невидимая рука. В голове сами собой всплыли всякие страшные истории про призраков, зомби

и сатанистов, устраивающих ночью на кладбище кровавые мессы. Встреча с последними пугала особенно, поскольку была наиболее вероятна, нежели контакт с чем-то потусторонним.

Маша несколько долгих, томительных минут лежала неподвижно, прислушиваясь. Крик не повторился. Но девушка всё равно не находила в себе внутренних сил пошевелиться и продолжить свои попытки к освобождению.

Внезапно на неё упал желтоватый свет чье-то фонарика. И Маша закричала. Дикий крик сам собой вырвался из её горла, раздирая гортань и лёгкие, выпуская наружу весь тот ужас, что скопился внутри девушки.

- Ты чего орёшь? – резкий каркающий голос заставил Машу замолчать. С противным щелчком захлопнув рот, девушка уставилась на пожилого мужчину, облачённого в какой-то мешковатый плащ, несмотря на тёплую погоду, и внешне очень напоминающего маньяка из фильма ужасов.

- Что ты тут делаешь? – сурово спросил незнакомец, не дождавшись ответа на свой первый вопрос.

- Л-лежу, - более дурацкого ответа Маша не смогла придумать.

Мужчина прищурился и направил свет карманного фонаря на неё. Девушка буквально кожей чувствовала его взгляд: тяжёлый, прожигающий насквозь.

- Почему ты связана?

Поскольку мужчина не предпринял ни малейшей попытки приблизиться к ней и в руках, кроме фонарика, у него ничего не было, Маша немного осмелела.

- Одноклассники - придурки, ударили меня по голове, связали и оставили здесь.

- Зачем?

- Потому что придурки! Шутки у них такие...

- Очень плохая шутка. Несмешная.

Маша пожала плечами. Она была полностью с этим согласна.

- Вы не могли бы меня развязать? – осторожно спросила девушка, в неясном свете фонарика пытаясь разглядеть лицо своего собеседника. Кроме небольшой бороды, крупного носа и блестящий глаз разобрать ей ничего не удалось.

Мужчина молча опустил перед ней на колени и без особого труда распутал верёвки на ногах. Затем одним рывком поднял Машу на ноги и развязал ей руки.

- Спасибо, - Маша смущённо улыбнулась, потирая саднящие запястья. – Не подскажите, где я? Какое это кладбище?

- Северное.

Маша мысленно застонала: эти козлы не поленились вывезти её далеко за город. Отсюда ей, при всём желании, до самого утра не выбраться. Со слабой надеждой девушка порылась

в карманах, но кошелек в них, ожидаемо, не обнаружила. Как и ключей от квартиры.

Мужчина молча наблюдал за её копошениями, не задавая больше никаких вопросов, но и не уходя.

Тяжело вздохнув, Маша подняла с земли свой телефон. На дисплее высветилось время: 2:35. И ни одной палки связи.

- У вас есть телефон? – поинтересовалась девушка у своего спасителя.

- Нет. – Просто ответил тот.

- Дьявол! – Маша засунула телефон в задний карман джинс. – А не знаете, далеко до ближайшего населённого пункта? Может, поблизости есть деревня?

- Здесь уже давно ничего нет. – Каким-то странным голосом отозвался незнакомец. – Только мертвецы.

Маше стало жутко от его слов.захотелось как можно скорее убраться подальше от этого чело- века. Ну, и с кладбища тоже.

- Ещё раз спасибо за помощь. – Нервно сглотнув, пробормотала девушка, отступая на шаг назад. – Я, пожалуй, пойду...

Мужчина ничего на это не ответил. Маша сделала несколько несмелых шагов по узкой тропинке между могил. Останавливать её никто не пытался. Это принесло девушке некоторое облегчение. Вновь включив фонарик на телефоне, подсвечивая им себе дорогу, Маша уверенно двинулась вперёд. Рано или поздно узкая тропка должна будет вывести её на центральную аллею, заканчивающуюся с обеих сторон выходами с кладбища.

Громкий крик ворона заставил Машу вздрогнуть и крепче сжать телефон в руке. Обернувшись, девушка посмотрела по сторонам, но никого не увидела. Несмотря на то, что прошла она совсем немного и, теоретически, должна была ещё видеть свет фонаря своего спасителя, вокруг неё царил абсолютный непроглядный мрак. Это было странно. Маша поёжилась и прибавила шагу, стараясь особо не присматриваться к окружающим её надгробиям.

Пройдя ещё несколько метров девушка резко остановилась: в тусклом свете фонаря взгляд зацепился за неясную фигуру на земле. Подойдя чуть поближе, Маша задохнулась от ужаса: на земле полусидела Кристина. Её красивое голубое платье спереди всё было залито кровью. А из горла торчал прут от ограды.

У Маши затряслись руки. Внутренний голос кричал изо всех сил, что нужно немедленно убраться с этого кладбища, бежать со всех ног. Но девушка не могла пошевелиться. Просто стояла и смотрела на остекленевшие глаза одноклассницы, смотревшие куда-то вверх.

Оранжевый огонёк фонарика с давешним мужчиной на конце появился неожиданно, буквально возник из пустоты. Это появление стало своеобразным спусковым крючком: круто развернувшись, Маша побежала, не разбирая дороги. Паника захлестнула девушку с головой, и она просто бежала. Мимо мелькали надгробия и холмики могил. Несколько раз Маша едва не врезалась в одиночно растущие деревья. Но вот наконец-то перед ней возникла долгожданная широкая, выложенная асфальтом дорога. Девушка остановилась. Согнувшись пополам, она тяжело дышала, тревожно оглядываясь по сторонам. Погони не было. Но легче от этого не стало. Дав себе около минуты на то, чтобы немного отдохнуть и восстановить дыхание, Маша вновь перешла на бег.

Главная аллея оказалась короткой – не прошло и пары минут, как Маша выскочила из главных ворот и направилась в сторону уличных фонарей, видневшихся вдаль и освещавших шоссе. Оказавшись на открытом пространстве, девушка позволила себе вновь остановиться и оглядеться по сторонам. Вокруг не было ни души. Опустив глаза на дисплей телефона, Маша обречённо застонала: связи не было, а заряд батареи приближался к нулю.

«Пойду вдоль шоссе», - решила Маша, выключая фонарик и убирая телефон в карман. – «Даже если не поймаю попутку, рано или поздно выйду к какому-нибудь населённому пункту».

Девушка прекрасно понимала, что идти придётся очень долго. Возможно, она выбрала неверное направление и теперь движется даже не в сторону города. Но в данный момент это было неважно. Главное, жуткое кладбище оставалось позади. И это единственное, что волновало Машу.

Сначала она бежала. Только после того, как кованые ворота кладбища скрылись из виду, девушка позволила себе перейти на шаг. Сердце всё ещё быстро колотилось в груди, но страх уже не затуманивал разум. Маша попыталась усилием воли заставить себя успокоиться и обдумать сложившееся положение, однако у неё перед глазами всё ещё стояло окровавленное тело Кристины. От этого воспоминания девушку тут же начало потряхивать. К горлу подступила тошнота.

Внезапно где-то впереди послышался рёв мотора. Обрадованная, что ей не придётся всю ночь идти по обочине в никуда, Маша вышла на середину дороги и подняла вверх руки, чтобы её точно заметили.

Из-за поворота на огромной скорости вылетела тёмная семёрка с тонированными стёклами. Расстояние между ними и Машей стремительно сокращалось. Машина даже не думала сбавлять ход. Девушка поспешно отскочила к обочине. Автомобиль на полном ходу пронёсся мимо, однако буквально через сто метров из

его салона раздался испуганный вскрик, машина резко вильнула и улетела в кювет, несколько раз с оглушительным грохотом перевернулась и осталась лежать на крыше, беспомощно вращая колёсами, точно упавший жук лапками.

Маша поспешила к месту аварии и резко остановилась. Возле перевернувшегося автомобиля, жуткой окровавленной статуей замерла Кристина. Дверца со стороны водителя с жалобным скрипом распахнулась, и на землю, креча и постанывая, выпал Влад собственной персоной. Маше с того места, где она находилась, было видно, что всё лицо школьного красавчика было залито кровью.

- Пожалуйста, не надо! – заскулил парень. Его взгляд был направлен на Кристину. – Я не хотел...

Лицо покойницы исказила кривоватая усмешка, столь несвойственная ей при жизни. Подняв руку, Кристина указала тонким наманикюренным пальцем на автомобиль. В этот же момент из-под капота повалил дым. Влад, продолжая скулить, точно побитая дворняга, торопливо отполз назад. Вспыхнул огонь. И в этот момент из салона раздался перепуганный голос Кирилла:

- Влад, твою мать, помоги мне! Я застрял!

Отчаянно замотав головой, зажав рот рукой, Влад продолжил пятиться. Кристина не отводила от него пустого, ничего не выражающего взгляда.

Маше было страшно. В горле пересохло, руки дрожали. С одной стороны, на её глазах человек вот-вот должен сгореть заживо. Не очень хороший человек, к слову. Но и смерти она ему не желала, особенно такой мучительной. Только вот и заставить себя приблизиться к горящему автомобилю, который в любой момент мог взорваться, Маша тоже не могла. А Кирилл продолжал надрывно кричать, умоляя друга спасти его, перемежая отчаянные мольбы с отборными матюками. Он бился в ремне безопасности, точно птица, попавшая сеть. А возле него безмолвной Фемидой замерла Кристина. В какой-то момент она повернула голову и встретилась взглядом с Машей. В мёртвых глазах не было ни намёка на ненависть и ярость: только пустота.

Со стороны машины раздался громкий хлопок – лопнула шина. Бампер уже наполовину был охвачен огнём. В небо поднимался густой тёмный столб дыма. Кирилл кричал нечеловеческим голосом. Влад, уже отползший на достаточное расстояние, суетливо вскочил на ноги и бросился наутёк. В этот момент что-то сломалось внутри Маши: на глаза выступили слёзы. Собрав в кулак все внутренние силы, девушка рванула к автомобилю.

Покорёженную дверцу со стороны пассажира удалось открыть с третьей попытки. Жар опалял лицо, раскалённый металл обжигал ладони. Ки-

рилл продолжал надрывно орать, никак не помогая нелёгкому процессу своего освобождения. У Маши не было с собой ничего, чем можно было перерезать ремень безопасности, поэтому ей не оставалось ничего другого, как попытаться вырвать его из крепления. Однако это не удалось сделать и с десятой попытки. Весь бампер уже был охвачен пламенем. Ещё чуть-чуть, и огонь перебросится на салон...

Внезапно сильные руки обхватили Машу сзади за плечи и резко дёрнули назад, оттаскивая от горячей машины. Повернув голову, девушка увидела того самого бородача, которой помог ей освободиться от верёвок на кладбище.

- Нет! Нет! Ему нужно помочь! – Надрывно закричала девушка, безуспешно пытаясь вырваться из крепкой хватки мужчины. – Он же сгорит!

Мужчина ничего на это не ответил. Со стороны машины послышался душераздирающий крик: пламя добралось до салона. Вскоре весь автомобиль был охвачен огнём. Крики стихли. В ночной тишине слышался лишь треск огня и какие-то негромкие хлопки. Где-то неподалёку каркнул ворон. Однако в ушах Маши всё ещё стоял предсмертный крик Кирилла. По щекам текли слёзы.

Часть дальнейших событий прошло мимо машинного сознания. Она настолько была поглощена собственными переживаниями, что реальность воспринимала несколько отстранённо. Просто в какой-то момент девушка вместе со своим провожатым оказалась перед крохотным деревянным домом – точно в таком же в своё время жила Маша с семьёй в деревне. В окне горел свет.

Бородач, до этого поддерживающий девушку за талию, выпустил её из своих рук, поднялся на невысокое крыльцо и, открыв хлипкую дверь, жестом пригласил Машу войти. Та безвольной куклой переступила через порог. В сенях царил полумрак. Справа щёлкнул выключатель, и Маша увидела привычную с детства обстановку: квадратный обеденный стол, застелённый клеёнчатой скатертью, небольшая обувная полка, в которой стоят две пары калош, причём одни из них детские. На крючке на стене висела перепачканная детская курточка розового цвета. Маша по инерции сняла кеды и прошла из сеней в комнату.

На кровати, сосредоточенно что-то рисуя в альбоме, сидела девочка лет шести. Её светлые волосы были заплетены в две тоненькие косички. Услышав шаги, девочка оторвалась от своего занятия и подняла голову.

- Папочка пришёл! – радостно воскликнула она, подпрыгивая со своего места, и обезьянкой повисла на шее мужчины. Большие шоколадные

глаза в обрамлении густых ресниц с интересом взглянули на Машу. – А это кто? Она будет жить с нами?

- Нет, Фая, у неё есть свой дом. Она переночует у нас и уйдёт.

Девочка важно кивнула и спрыгнула с рук отца, после чего спешно начала накрывать на стол.

- Будем пить чай, - по-взрослому заявила она, доставая из комода три небольшие чашки с фиолетовыми цветочками.

- Устраивайся, - мужчина указал рукой на единственный стул, на спинке которого висело вафельное полотенце. – Рукомойник в сенях за дверью. Рушник возле него на крючке.

Маша покорно встала и вышла в сени. Надавив на клапан, подняв его практически до упора, девушка наблюдала, как вода тонкой струёй стекает ей в ладони. Маша отпустила клапан, и он с металлическим лязгом опустился на всю длину – вода прекратила течь. Маша снова подняла руки и надавила на клапан – вновь тонкая прохладная струя попала на ладони. Маша опустила руки. А затем снова подняла. И снова опустила. В какой-то момент её руки накрыли грубые широкие ладони, покрытие мозолями. Мужчина взял с полки мыло и осторожно намылил руки девушки, затем смыл пену водой и аккуратно вытер ладони полотенцем. В глазах у Маши предательски защипало. Громко всхлипнув, она позорно разрыдалась. Надёжные мужские руки тут же притянули её к широкой груди, облачённой в клетчатую рубашу, заставив уткнуться в неё носом.

- Поплачь, девочка, поплачь, - хриплый голос звучал успокаивающе, почти ласково. – Станет легче.

И Маша плакала, выпуская наружу весь тот ужас, который ей пришлось пережить этой ночью.

- Спасибо, - немного успокоившись, девушка отлипла от своего спасителя и подняла на него смущённый взгляд. – Меня, кстати, Маша зовут.

- Николай. – Крепкие объятия разжались, после чего хозяин дома развернул Машу и подтолкнул её в сторону комнаты. – Пойдём, тебе нужно поесть.

Машу усадили за стол. Перед ней тут же поставили кружку ароматного чая и небольшую тарелку с чем-то наподобие похлёбки.

- Спасибо, - девушка кривовато улыбнулась гостеприимным хозяевам и сделала небольшой глоток из своей кружки. Это был не чай, скорее, травяной настой. Маше удалось узнать вкус душицы и мяты.

- Я сама собирала травы, - с гордостью заявила Фая, пододвигая к отцу другую тарелку. – И суп я тоже сама варила.

- Ты молодец. – Похвалила её Маша, а отец ласково погладил девочку по голове. – Очень вкусно получилось.

Ели молча. Закончив с поздней трапезой, Николай собрал посуду и ушёл куда-то на улицу. Фая тем временем достала из комода тощий матрац и расстелила его прямо на полу, набросив сверху потрёпанное шерстяное одеяло.

- Ложитесь на кровати, - распорядился вернувшийся хозяин дома. – Вместе с Фаем.

Маша смутилась.

- Я вполне могу лечь и на полу...

- Цыц. Я сказал – на кровать, значит, на кровать. Нечего на полу почки морозить, тебе ещё детей рожать.

От дальнейших споров девушка отказалась. Расправив вместе с Фаем постель, они улеглись на мягкую перину. Девочка прижимала к груди тряпичную куклу.

- Это Анфиса, - доверительно сообщила Фаина, перехватив взгляд Маши. – Папочка сказал, что подарит мне на день рождения новую куклу, со светлыми волосами и в красивом платье. Настоящую принцессу!

Николай на полу что-то неразборчиво пробормотал, а Маша, грустно улыбнувшись, подоткнула вокруг девочки одеяло и закрыла глаза. Однако вскоре её разбудило мягкое прикосновение к собственному плечу. Открыв глаза, девушка увидела лицо хозяина дома, низко склонившееся над ней. Маша открыла было рот, чтобы спросить, в чём дело, но её губы накрыла широкая ладонь, не дав издать ни звука.

- Тш-ш-ш, - на грани слышимости проговорил Николай, кивнув в сторону окна. Слегка повернув голову, Маша увидела большого ворона, сидевшего на наличнике и, казалось, внимательно что-то высматривающего в доме. – Ни звука.

Девушка испуганно дёрнула головой, что можно было воспринять, как кивок. Николай убрал руку с её рта и выпрямился во весь свой немаленький рост.

- Из дома до рассвета ни ногой, - шепотом распорядился он. – Чтобы ты ни услышала и ни увидела – не открывай ни дверей, ни окон.

Маша ещё раз кивнула, на этот раз более уверенно. Она совершенно не понимала, что происходит, но сердце уже тревожно сжалось в предчувствии беды.

Николай облачился в плотный плащ, взял со стола фонарь и вышел из комнаты. Маша слышала, как глухо стукнула входная дверь. Дрожащими руками девушка поправила сползшее одеяло с плеч Фаи и, откинувшись на кровати, прислушалась. С улицы были слышны какие-то голоса. Они что-то громко кричали, но Маша не могла разобрать слов. А затем раздался скрежет: крик-крик-крик. Предположив, что это ворон своими когтями водит по стеклу, девушка решила прогнать назойливую птицу. Приподнявшись на лок-

тях, Маша развернулась к окну и едва сдержала крик: в окне торчало жуткое лицо с горящими жёлтыми глазами и длинной горизонтальной щелью вместо рта. Это лицо не могло принадлежать человеку, хотя отдалённое сходство и имелось. Помимо лица больше ничего видно не было, словно оно болталось в воздухе, не прикрепляясь к шее и телу.

Точно парализованная, Маша наблюдала за тем, как лицо в окне открывает и закрывает рот, издавая этот самый мерзкий скрежет. Девушка не находила в себе сил отвести взгляд или хотя бы задёрнуть штору. А лицо всё продолжало издавать эти отвратительные звуки, всё быстрее и быстрее открывая и закрывая рот, при этом звук становился всё громче, громче и громче...

Маша резко открыла глаза. Первое, что она увидела – белый потолок в желтоватых разводах над своей головой. В ушах всё ещё звучал отвратительный звук. Именно он её и разбудил. Только вот издавало его не фантастическое лицо за окном, а кардиоманитор на тумбочке. Облегчённо вздохнув, девушка вновь закрыла глаза. Это был всего лишь сон. О том, как она вообще оказалась в больнице, она сможет узнать позже...

* * *

Эта история наделала много шума в небольшом провинциальном городке. Ранним утром одна из местных жительниц – Тамара Андреевна, - отправилась на кладбище, проведать могилу своего мужа. Проходя по дорожке между могил, она заметила что-то странное на земле. Подойдя поближе, старушка поняла, что это тело совсем молоденькой девушки.

Карета скорой помощи приехала в рекордно короткое время. Тело оказалось ещё живым, и его спешно доставили в больницу. У девушки обнаружили сильное сотрясение мозга и одностороннюю пневмонию. Но больше всего медиков заинтересовали верёвки на её руках и ногах.

Спустя несколько дней история о том, как выпускники местной школы жестоко поиздевались над одноклассницей, облетела всю округу. Говорили о том, что девочке Маше в этой истории несказанно повезло. Во-первых, потому что выжила и отделалась малой кровью. А во-вторых, её обидчиков наказало само проведение.

Накануне ночью на шоссе, недалеко от Северного кладбища, разбился автомобиль с пьяными подростками. Обгоревший труп пассажира удалось опознать только по зубам. Водителя тонированной семёрки нашли только спустя сутки в лесу. Он сидел недалеко от болота и без устали повторял, что «он не хотел» и «он ни в чём не виноват».

Ещё одно тело, женское, было обнаружено на кладбище с пробитым горлом. Как выясни-

лось позже, девушка, будучи в нетрезвом состоянии, неудачно упала и напоролась горлом на пику оградки одной из могил.

* * *

Выйдя из больницы, Маша первым делом отправилась на кладбище. Положила по одной алой гвоздике на могилы своих одноклассников. А затем направилась в дальнюю, заброшенную часть кладбища. Там её интересовало одно единственное захоронение – парная могила.

В больнице Маша жила в палате вместе с милой пенсионеркой, которой удалили грыжу. Женщина была крайне общительной. Узнав историю девочки, старушка с удовольствием рассказала байку, связанную с кладбищем.

В семидесятых годах, когда кладбище было ещё не таким необъятным, а вокруг него было разбросано множество деревень, работал сторожем на кладбище один мужчина, Николай Фёдорович. Жил он в небольшой сторожке на окраине кладбища вместе со своей малолетней дочкой, Фаиной. Как-то ночью обходил он кладбище, а в его дом пришли недобрые люди. Девочка их впустила. А они перерезали ей горло, забрали всё, что было ценного в доме, и ушли. Николай, вернувшись домой и обнаружив бездыханное тело дочери, буквально сошёл с ума. Он сам нашёл злоумышленников и заживо закопал их на кладбище. А потом сжёг себя вместе со сторожкой.

Весь период лечения Маше не давала покоя эта история. Выздоровев, она отправилась в городской архив и нашла точное место захоронения девочки и её отца.

Могила заросла бурьяном и крапивой. Надев заранее припасённые тряпичные перчатки, Маша избавилась от сорняков и помыла памятник. Со старой чёрно-белой фотографии на неё смотрели знакомые лица: девочка с тонкими кошечками и её хмурый бородатый отец.

Маша трепетно провела пальцами по фотографии и грустно улыбнулась. Открыв сумка, девушка достала из неё новенькую куклу Барби в роскошном розовом платье с блёстками.

- Спасибо вам. – Маша посадила куклу возле надгробия, а рядом с ней положила несколько конфет. – Покойтесь с миром.

Маша выпрямилась во весь рост и огляделась. Уже вечерело. На кладбище царил тишина, нарушаемая лишь шелестом листьев. Девушка улыбнулась: страшно не было.

Вернувшись домой, Маша вместе с мамой и бабушкой посмотрела телевизор и легла спать. Поздно ночью девушку разбудил жуткий скрежет, доносившийся со стороны окна...

ПЪЕЗДКА В ТОСКАНУ

«Фэнтези — это не про волшебников и дурацкие волшебные палочки, фэнтези — это возможность увидеть мир под другим углом».

Сэр Терри Пратчетт

Оуэнна наконец смогла попасть в приготовленную для неё комнату. Она приехала в Тоскану вместе с небольшой группой друзей на недельный тур. Поездка была запланирована давно и к ней тщательно готовились все. Ещё в Москве было решено остановиться у одного из друзей, в недавно купленном им поместье, с парком и средневековым замком, построенным в десятом веке потомком лангобардского короля. В течение первых восьмисот лет этот замок жил весьма бурной жизнью. Обойдясь без завоёвываний, он тем не менее продавался и проигрывался в азартные игры друг другу самыми важными семьями Флоренции и, в конце концов, был почти разрушен. Английский лорд Ратвин купил его в начале девятнадцатого века и тщательно восстановил всё поместье по старым книгам и документам. Лорд пригласил самых известных ремесленников, скульпторов, каменщиков, стекольщиков и художников, которые тщательно воссоздали весь комплекс: средневековый облик замка, роскошь виллы эпохи Медичи и прекрасный парк с древними статуями, в окружении оливковых рощ и виноградников. Вся обстановка здесь была подлинной: антикварная мебель, картины, гобелены, люстры, стекло, фарфор, доспехи и даже винный погреб. Так что, у находящегося в этом месте человека была абсолютно нарушена связь со временем и немного мрачный мир старины, любовно оберегаемый её хозяином, полностью проникал в гостя. Здесь никогда не жили люди, не входившие в ближайший круг владельцев.

Оуэнна открыла шкаф и достала из него платье, приготовленное специально для неё. Апартаменты были замечательными. Роскошная старинная мебель, ковры, картины и утварь. Персонал комплекса был одет и причесан по моде эпохи Позднего Возрождения. Всё вместе создавало ощущение некой смеси музея и театра. На столике у окна стояли ваза с фруктами и бутылка Tenuta di Bibbiano с чёрным петухом на этикетке. За ужином Оуэнна в отличие от подруг воздержалась от вина. Потом. Вот уже неделю, она, как и вся их группа жила подготовкой к костюмированному средневековому балу, устраиваемому для них в этом замке сегодня ночью. В комнату вошёл портье с её чемоданом и положив его на специальную подставку возле ста-

ринного дивана, незаметно исчез. Прекрасно. Теперь тщательно, но быстро сделать соответствующие причёску и макияж, спуститься в нижний парк и присоединиться к остальной компании. Мужчины уже были готовы и в ожидании своих дам устроили там некое подобие турнира. В замке пахло средневековьем. Постепенно начинало смеркаться. В левой части замка и в парке зажгли факелы и камины. Оуэнна достала из чемодана украшения и быстро надела их. Нужно спешить. Ещё немного и дворецкий отключит электричество. Ну что же, погружение – значит погружение. Ветерок пошире раздвинул занавеси на открытом окне, и луна заглянула в этот просвет, словно протягивая серебряную ладошку, которой нежно поглаживала часть комнаты. Кто-то оставил лежащей на столике старую книгу. Факсимиле лондонского издательства Sherwood, Neely, and Jones, новеллы Джона Уильяма Полидори «Вампир» 1819 года. На открытой странице было написано: «...те, что дерзают поставить под сомнение существование вампира, неизменно получают доказательство, вынуждающее их, в муках и с разбитым сердцем, признать истинность старинного предания.». Оуэнна вышла.

Лорд Ратвин открыл глаза. Он лежал на диване-канопе времен Людовика XV. В окно смотрела огромная полная луна и ветерок с виноградников задувал в него, слегка поигрывая занавесями. Из-за шалостей ветра неровный свет от факелов во дворе отбрасывал на всё причудливые тени. Казалось, что каменные горгульи соседнего замка, готовые в любой момент сорваться со своих насестов, переговариваются между собой. Ратвин прислушался. Создавалось впечатление, что кроме него в огромном здании не было ни одной живой души. Тем не менее, весь дом был наполнен шорохами, тихими вздохами и лёгким поскрипыванием. Откуда-то доносилась старинная музыка, слышались тихие шаги. Старая вилла словно ожила. Лорд попытался встать. Голова немного кружилась. Мышцы и кости болели так, словно по нему только что проехался паровой омнибус Амадея Болле. Неимоверно хотелось пить. Что же произошло? Память никак не хотела возвращаться. На столике неподалёку стояли бутылка вина и пара бокалов. Вкус оказался весьма приятным. Вино по всей видимости дорогое, как и вся обстановка комнаты. Немного прохладно. Ратвин подошел к шкафу. Он нашёл там мужской костюм с полным набором белья и обуви. С трудом облачившись во всё это, лорд решил пойти туда, откуда доносились звуки. Тело мало-помалу начинало

слушаться. С балюстрады, тянущейся через весь второй этаж виллы, открывался вид на кипарисовую аллею, ведущую к центральному зданию замка. В самом конце веранды едва заметно промелькнула тень и послышалось хихиканье, затем кто-то позвал его по имени. Освещённые неровными отблесками уличных факелов, лица на старинных фресках словно провожали его взглядами, поворачивая головы и меняя свои выражения. Ратвин пошёл быстрее, надеясь догнать позвавшую, но она как будто растворилась в воздухе. Тоже самое повторилось и в длинном полутемном коридоре. Наконец он вышел в парк и пошёл к замку, где окна вокруг рыцарского зала были освещены множеством свечей. В замке всюду царил атмосфера бала. Красивые женщины в средневековых костюмах выписывали странные па со своими кавалерами. Где он? Что происходит? Лорд Ратвин – красавец средних лет с атлетическим сложением тела сразу привлёк к себе взгляды большинства дам. От противоположной стены отделилась молоденькая полнотелая блондинка и подошла к нему. Ратвин – высокий мужчина с утонченными аристократическими чертами лица явно ей нравился. На каком языке она с ним говорит? Лорд знал несколько европейских языков, но этот не был похож ни на один из них. Через пару минут они кое-как нашли общий. Девушка предложила пойти на балкон, чтобы подышать воздухом. Приглашение было не лишним, учитывая его состояние. Балкон не освещали и на нём было почти темно. Звезды, образуя яркие пентаграммы, свешивались с неба, дразня огромную круглую луну. От девушки пахло удивительными духами, а её пышная полуобнаженная грудь просто сводила с ума. Борьба с собой было всё труднее. Лорд наклонился к блондинке, скользнул губами по её полуоткрытому рту, шее, груди и вдруг впился в неё зубами. Девушка закричала, больно ударила его и вдруг тоже вцепилась в него зубами. От неожиданности, Ратвин выпустил её из объятий и отскочил к стене. Сейчас на крик прибегут люди, нужно срочно уходить. И тут он всё вспомнил.

В тот раз тоже был бал, только тогда его устраивал сам лорд Ратвин. Бал по поводу окончания реставрации этого замка. Праздник был в самом разгаре. 1885 год. Не так давно кроме обычных увеселений аристократии, появилось и нечто новое – специальная комната для курения опиума. Годы, когда мода на это развлечение захлестнула всю Европу, не миновав и Тоскану. Сейчас Ратвин не курил. Он вывел из комнаты высокую томную брюнетку, которая что-то говорила ему заплетающимся языком. Едва войдя в спальню, она начала отключаться, но это не остано-

вило лорда. Уложив Луизу, он быстро обнажил упругую девичью грудь и впился в неё зубами. С недавних пор он изо всех сил боролся со своим недугом и даже перешёл на кровь животных, но сегодня сдержаться не получилось. Девушка бледнела всё больше, а он никак не мог остановиться. Если бы он знал, что она уже несколько месяцев «плотно сидит на героине»! Внезапно лорд почувствовал, что начинает слабеть, а его сознание уходит. Нужно было что-то предпринять, но в этот момент началась трансформация.

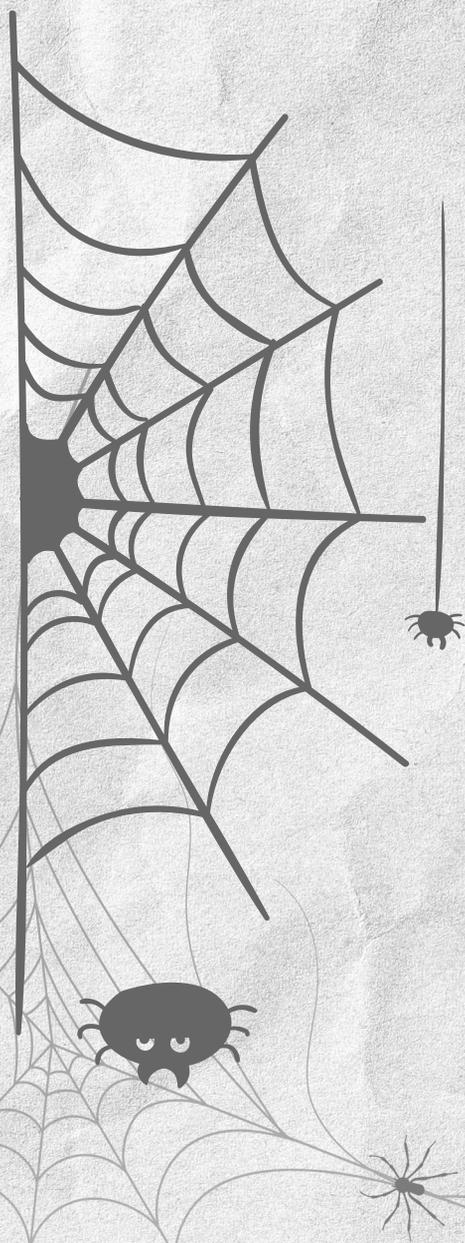
Летучая мышь вылетела из окна спальни и неровно взмахивая крыльями полетела на юг. Куда, зачем? Этого он не понимал. Эхолокация не работала, навигатор всё время показывал разное направление. Краски были на удивление яркими, а скорость настолько высока, что пейзажи внизу мелькали как в калейдоскопе. Наконец накатила страшная усталость, не было никаких сил продолжать полёт. Что сейчас под ним, где он? Он уже ничего не видел. В конце концов силы окончательно оставили его, и он камнем рухнул вниз. Очнулся он на палубе парохода в бухте швартовых. Солнце нещадно поджаривало его маленькое тельце, а яркость была такой, что не хотелось жить. Из-за качки его буквально выворачивало наизнанку. Всё болело и вибрировало. Нужно было спрятаться куда-то до темноты. Пока что это плохо получалось. Всё же ему удалось забиться в ближайший угол. Матросы на палубе были крайне возбуждены, поговаривая о скором причале к берегам Гоа. Наконец солнце упало в воду и наступила темнота. Теперь следует срочно выбраться из укрытия и лететь к берегу. Берег действительно был почти рядом, но сил было явно недостаточно. Высокие деревья стояли в воде, простирая к нему свои ветви. Возможно, следовало немного углубиться в заросли. Совсем немного. Однако, местность была незнакомой и пугающей. Пролетев пару километров вдоль берега внутрь полуострова, он нашел прекрасное дерево с цветами и плодами. На нижних ветвях от воды веяло прохладой. Наконец, вцепившись когтями в одну из них, он смог повиснуть в блаженном забытьи. Сон, однако, оказался недолгим. Уже утром поднявшееся солнце со страшной силой ударило его по голове. Открыв глаза, он успел увидеть, что это не солнце, а хвост дракона. Задние лапы разжались, и он тут же оказался внутри огромной пасти чудовища. Крокодил. Это конец. Желудочный сок разъедал его тело, доставляя невероятные страдания. Отключиться никак не удавалось. Он поглощался этим огромным телом, постепенно становясь его частью, и скоро растворился в нём окончательно. Зато теперь питания и крови хватало с избытком. Годы текли медленно и спокой-

но. Очень медленно. Пока... С чего люди вдруг устроили на него облаву, он так и не понял. После шестичасовой борьбы всё было кончено.

Сейчас лорд Ратвин больше всего не хотел трансформации. Только не это! Опять проходить все этапы, терпеть невыносимую боль и мучения. Однако, оставаться здесь тоже не безопасно. Он помнил, что бежать незамеченным возможно только по боковой лестнице, а оттуда вниз через подвал в подземный ход, ведущий в тайный проход на виллу. Он метнулся к боковой лестнице, но она оказалась заперта. Прыгать с балкона слишком высоко, одежда сковывала движения, дышать становилось трудно. Оттолкнув стоящую на пути девушку, он побежал прямо через зал. Девушка, подобрав юбки, погналась за ним. Пробегая по второму коридору, он понял, что запутался. Комната, ведущая в тайный ход, исчезла. Ратвин заметался по замку. Бежать было всё труднее, лорд почувствовал, что начинает слабеть. Всё повторялось. Он кинулся напрямик через кипарисовую аллею к вилле. Быстрее. Там он надёжно спрячется. За спиной

не отставая слышалось дыхание и шуршание юбок. Из сада над ним хохотал филин. Сознание застилало страшные картины воспоминаний. Охота на него людей. Сердце лорда отчаянно билось в горле, ужас липким холодным потом заливал глаза. Он уже добежал до виллы. Дверь в винный погреб оказалась открытой. Небольшой проход вывел его на узкую боковую лестницу. Девушка не отставала, а ступени становились всё круче, как будто вырастали под его ногами в высоту, стены хватили за одежду выступающими светильниками. Хотелось кричать. Вилла словно издевалась над ним. Наконец последняя дверь. Собрав оставшиеся силы, лорд схватился за её ручку и рванул на себя.

С бала Оуэнна вернулась, как и остальные с первыми лучами солнца. Каково же было её удивление, когда она увидела, что дверь в её комнату открыта. Возле двери раскинулся кем-то опустошённый её любимый чемодан, в драгоценную крокодиловую кожу которого впились зубами мёртвая летучая мышь.

ЧЁРНЫЙ ВОРОН

Вот уже третье утро подряд, вместо ласковых лучей восходящего солнца, щебета птиц и шелеста столетних яблонь, я просыпался под хамское карканье огромного чёрного ворона и его настойчивый стук в окно моего деревенского дома. В то утро ещё и дождь зарядил надолго! Небо заволочило каким-то серым киселём, видимо у повара небесной кухни окончательно испортилось настроение. Такая назойливость мистической птицы пугала меня с каждым днём всё больше и больше, поскольку всем известно, что это очень плохая примета, а я в них верю, так как частенько они имеют обыкновение сбываться. Но делать нечего, нужно идти и договариваться.

Извините великодушно, забыл представиться, Алексей Мионов, московский литератор, полный творческих идей и некоторых амбиций. Вы спросите меня:

– С кем договариваться, с вороной что ли?! Да, да, мой дорогой читатель, именно с вороной, а точнее с большим чёрным вороном, важно расхаживающим по наружному подоконнику моего окна в спальне и время от времени бьющим в оконную раму своим стальным серым клювом.

Сразу вспомнилась полная драматизма, знаменитая поэма Эдгара По «Ворон», в прекрасном переводе Константина Бальмонта. Поэма, полная тоски по любимой Леноре и экзистенциального ужаса от рефреном звучащей фразы из горла ворона: «Никогда»!

Да, мой дорогой читатель, здесь уместно напомнить, что в отличие от эдгаровского ворона-джентельмена, полного достоинства и деликатности, мой ворон скорее походил на деревенского хулигана, который с вечера, приняв на грудь «литру первача», уже на следующее утро нагло требовал от соседа «поправить здоровье». Удары клювом чередовались с жутким клёкотом-карканьем, и эта настойчивость птицы ужасно выводила меня из себя. Затем я вспомнил, что вот уже третьи сутки не баловал представителей пернатых «остатками с барского стола». Может быть, из-за этого разгорелся весь этот сыр-бор? Дело в том что, по недавно заведённому в нашей семье порядку, остатки еды не выбрасывались в ведро для пищевых отходов, а складывались в целлофановый пакет. Вечером их выносили в дальний угол сада на компостную кучу, где каждое утро ими пировали местные сороки и вороньё.

Моя жена и дети на две недели сменили деревенский быт на «турецкий рай». Оставшись один, я естественно нарушил этот недавно заведённый порядок.

На кухне, собрав в алюминиевую миску краюшки чёрного хлеба и прочую заветренную снедь, и чув-

ствуя себя «данайцем, дары приносящим», я двинулся на веранду, на встречу судьбе. Почуввав опасность, ворон отлетел на несколько метров от окна и устроился на деревянном ограждении открытой террасы. Водрузив миску на подоконник, я вернулся в свою спальню и, спрятавшись за занавеской, стал ждать. Всё было чинно и благородно! Мой ворон, постоянно оглядываясь, принялся трапезничать, выбирая лучшие куски. Не дожидаясь окончания птичьего пиршества, я решил проверить, не пора ли закрыть заслонки обеих печек, на кухне и в гостиной, затопленных больше часа назад. Разбив остатки догорающих углей кочергой и убедившись, что синие огонёчки угарного газа не совершают своё смертельное танго в жерлах обеих печей, я уверенно перекрыл дымоходы «голландок». Вернувшись в спальню, я чуть приоткрыл занавеску. Моего ворона-хулигана уже не было на месте, а в миске что-то блесело. Окно не позволило разглядеть, что именно в ней находилось, и я заинтригованный вышел на веранду.

В миске лежало старинное бронзовое кольцо необычной формы. Взяв его в руку, я ощутил некую вибрацию внутри кольца. Интересно, интересно, что принёс мне птичий вестник? Это был полый бронзовый цилиндр, состоящий из трёх колец, причём среднее кольцо было толще и выступало над остальными. На верхнем по часовой стрелке были нанесены латинские буквы и римские цифры от единицы до тысячи, а на нижнем всё тоже самое в обратном порядке. Среднее же кольцо по периметру было украшено двенадцатью крохотными кристаллами в оправе, причём один из них был значительно крупнее остальных. Я стал думать, какая же тайна заключена в этом вороньем подарке? Мой мозг лихорадочно заработал, перебирая в уме различные варианты. Меня вдруг охватил мистический ужас, неужели у меня в руках ни больше, ни меньше, а пресловутая машина времени? А что, если любой поворот нижнего или верхнего цилиндра сможет перенести меня сквозь века? Смогу ли я вернуться из этого путешествия обратно?! Меня бил озноб, и по телу проходила мелкая дрожь. Тут кольцо-цилиндр неожиданно выпало у меня из рук и, покотившись по щелистому деревянному полу веранды, провалилось внутрь. Однако голубоватое свечение из-под пола указало на его местонахождение.

Не раздумывая, я вскрыл ближайшую половицу топором и, с трудом дотянувшись до волшебного кольца, с некоторым чувством страха, зажал его в кулаке. Синее свечение усилилось, и рука моя стала вибрировать вместе с волшебным цилиндром. Голова шла кругом. Неужели я единственный в

мире обладатель волшебного кольца, способного перенести меня в любую эпоху, или это только плод моего воображения и не более? Может быть, стоит попробовать повернуть на одно деление среднего кольцо с кристаллами и оказаться в прошлом или позапрошлом столетии? А если повернуть по часовой стрелке и оказаться в XXII веке? Мой мозг плавился уже от одного только предвкушения неожиданно возникших возможностей. Стук в дверь прервал мои фантазии. Сосед, Александр Александрович, по-простому Сан Саныч, учитель истории в сельской школе, пришёл позвать меня на рыбалку...

– Анатолич, я с вечера прикормку разбросал, сейчас с восходом солнца самый клёв начнётся.

– Саныч, ты солнце давно видел на улице?! Хмурая осень и дождик моросит.

– Ты подожди, не кипятись, южный ветерок подул, через час – полтора, погода точно наладится. Взгляд его упал на кольцо-цилиндр, которое я держал в руках.

– Я смотрю, ты старинным украшением разжилсь?! А взглянуть-то поближе на него можно?! Подавая Санычу кольцо, я вкратце изложил историю его появления у меня. Достав из внутреннего кармана телогрейки очечник, он неторопливо стал разглядывать странную находку. Затем подошёл к печке декорированной керамической плиткой и несколько раз чиркнул кольцом по ней. Увидев царапины на керамической поверхности, он присвистнул:

– Ты хоть понял, что у тебя среднее кольцо в алмазах?

– Так уж и в алмазах? Откуда такая уверенность, Саныч?

– А ты повнимательнее посмотри на царапины на плитке. Только алмазный стеклорез может оставлять такие глубокие порезы. Стекло – вещь колкая и для ювелирки негодная. Разве только обманки делать, скажем для кино или театра. Он поднёс кольцо к своим очкам и губы его зашевелились.

– Так алмазов двенадцать! Предположим, по количеству месяцев в году. Причём один крупный,

– А почему один алмаз крупнее остальных? Что это значит?

– А то это значит, Анатолич, что это точка отсчёта, по всей видимости. А верхний и нижний ряды – это ведь римские буквы и цифры! Всего семь цифр и букв обозначающих большие величины. Смотри! I – единица, V – пятерка, X – десятка, L – пятидесятка, C – сотня, D – пятисотка, M – тысяча. Только на верхнем кольце они обозначены по часовой стрелке, а на нижнем – против. Из этого следует, милый мой писатель, что мы имеем верхний ряд, как возможный трансфер в будущее и соответственно нижний ряд, как трансфер в прошлое.

– Слушай, Анатолич, у меня ведь дядька родной, брат отца, в самом начале войны пропал без вести, где-то под Луцком. Мне даже из архива Ми-

нистерства Обороны об этом справку прислали. 25 июня 1941 года. Шёл третий день войны. Был отдан приказ остановить немцев любой ценой. На них наступала 1-ая танковая группа генерала фон Клейста – триста танков и полторы тысячи хорошо подготовленных, прошедших всю Европу «как нож по маслу» немецких танкистов. Этой армаде противостояла батарея наших 45-пяток, состоящая из четырёх противотанковых орудий сорок пятого калибра, как тогда шутили красноармейцы «прощай, Родина» и шестнадцати не нюхавших пороха красноармейцев, почти мальчишек, во главе с младшим лейтенантом. Кстати, ты знаешь, что наши сорокопятики, это модернизированные немецкие пушки немецкой фирмы «Рейн-Металл»? Мы ещё в тридцать втором году, когда с «немчурой» братались, купили у них лицензию на производство противотанковых орудий. По быстрому наладили у себя их производство, модернизировали и дали «немчуре» жару, когда срок пришёл. Даже генерал фон Клейст отмечал в своих дневниках, что у него создалось впечатление, что у русских под каждым кустом стоит противотанковая пушка или красноармеец с противотанковым ружьем. В этом он был прав. За всю войну мы их более десяти тысяч наклепали. Во как производство было налажено! Не то, что сейчас, то ракета не взлетит, то спутник упадет. Позор на весь мир, да и только! Я заслушался, заворожённо смотря на руки сельского учителя истории, продолжавшего играть с моим кольцом.

– Анатолич, может попробуем, сбегает в прошлое и обратно? Я хоть буду знать, где мой дядька родной похоронен.

– Саныч, не выдумывай! Как ты собираешься это сделать?!

– А чего тут сложного?! Это тебе не огород городить! Смотри, нижним кольцом, против часовой стрелки я набираю год, а средним, с алмазами, – месяц. Например, я решил набрать 1941 год. Римскими цифрами это будет выглядеть так – MCMXLI. А средним кольцом мы набираем цифру... – учитель задумался и почесал затылок, – ну, скажем, июнь, шестой месяц. Значит, аккуратненько перемещаем среднее кольцо на шесть алмазов назад.

– Не слишком ли мудрёную теорию вы мне тут изложили, дорогой мой учитель истории? Может быть всё гораздо проще? Мне захотелось поёрничать и сбить этот уверенный менторский тон моего соседа.

– Так это мы сейчас проверим и, не раздумывая, он стал вертеть сначала нижнее, а затем среднее кольцо против часовой стрелки. Вспышка, похожая на работу сварочного аппарата, когда ты «ловишь зайчика» и слепнешь, оглушительный грохот и... тишина.

Их бросило взрывной волной на землю. Оглошье, присыпанные землей, немного придя в себя,

наши герои решили оглядеться:

– Саныч, ты чего наделал? Ты вообще-то понимаешь, куда мы попали?

– Куда, куда, Анатолич, на войну с немцами попали, прямёхонько в самое её пекло, в 1941 год, в июнь месяц, в третий день войны!

– Слышь, Анатолич, кажется, мы опоздали. В этих трёх братских могилах должен и мой дядька лежать. Всего несколько минут назад вражеский снаряд разорвался неподалёку, уничтожив соседнее орудие и разметав расчёт сорокопятики. Значит из четырёх орудий только его ещё в живых осталось. Младший лейтенант с удовлетворением оглядел бесконечное колхозное поле, чёрное от немецкой пехоты, где более тридцати горящих танков, несколько минут назад бодро давивших своими гусеницами небранную пшеницу, теперь недвижно стояли под открытым небом. Он вспомнил Ростовскую учебку, стрельбы по фанерным макетам танков противника. Их хорошо учили, он мог с закрытыми глазами рассказать технические характеристики всех советских и большинства зарубежных артиллерийских установок, знал их слабые и сильные стороны, а также возможности в бою. Они, 20-летние выпускники Ростовского артиллерийского училища, гордились тем, что они – смертники, и что в бою с танками, после первого выстрела жить им останется не более 30-ти минут. Конечно, это была мальчишеская бравада: «Это мы ещё посмотрим, кто кого!» На практических занятиях он старался максимально быстро произвести наводку на фанерную модель вражеского танка, бешено крутя обеими руками механизмы наведения на цель. Теперь это здорово пригодилось. О себе он не думал. Ребят жалко, окопаться толком не успели. Это был приказ, а приказы не обсуждают. Выкатили сорокопяточки в чистое поле и били прямой наводкой по врагу, пока сами не погибли. Его-то расчёт вынужденно припозднился. Не доезжая до передовой, ездочная лошадь споткнулась и сломала ногу. Пришлось всем гуртом орудие и боеприпасы тащить на себе полтора километра. Выбирая огневую позицию, он решил не торопиться. Оглядевшись, младший лейтенант увидел неглубокую ложбинку, всю заросшую крапивой и чертополохом. Какая ни какая, а всё-таки это была маскировка. Самое главное, дно у ложбинки было плоское и позволяло удобно упереть сошки. И так, на счету его расчёта было с десяток немецких танков, что совсем неплохо для боя с превосходящими силами противника. Простенькая маскировка значительно увеличила живучесть его батареи, и пока они оставались не замеченными. В прицел было видно, как объезжая подожжённую машину, соседний танк повернулся к ним боком. Он почти любил этот танк, и эта любовь в виде броневой снарядной весточки долетела до немецкого экипажа. Видя как из дымящейся машины, открыв люк, выпрыги-

вают немецкие танкисты, он решил подарить свою любовь каждому из них:

– Осколочным, заряжай! Огонь!

Хорошая поражающая способность осколочного снаряда не оставила немецкому экипажу ни одного шанса.

– Это вам за пацанов из соседних расчётов! Перед глазами мелькнули присыпанные землей и разметавшиеся взрывной волной людские тела, вздыбившиеся от прямого попадания пушки.

– Так, пока не раскрыли, нужно хотя бы ещё парочку поджечь. Ага, не выдержал, разворачиваешься в тыл бежать! Ну, это ты отлично придумал, дорогой, Ганс! Давай, давай, подставляй свой немецкий жирный бочок русскому голодному Серому Волчку!

– Броневой, заряжай! Огонь! Неужели в бензобак?!

Огненный цветок распускался в том месте, где у танка находился бензобак. Последующий взрыв и отлетевшая в сторону башня танка говорили о том, что снаряд угодил в боекомплект.

– Вот так салют! Ну, задал жару русский Серый Волчок, откусил всё же бочок у Ганса вместе с башкой. Неожиданно рвануло где-то позади их орудия. Лейтенант почувствовал, как горячая волна обожгла затылок и бросила его на орудийный щиток. Удар был достаточно сильным и он, обливаясь кровью из-за сломанного носа, стал терять сознание.

– Вот гады-немцы с левого фланга обошли! Недогадал, эх недогадал! Зараза немецкая!

Шум мотора приближающейся немецкой громадины заставил путешественников в прошлое вздрогнуть и оглядеться. Зрелище было удручающее. Тела солдат были присыпаны землей, а спины посечены осколками. Командир с разбитым о щиток лицом пытался развернуть орудие навстречу приближавшемуся танку. Это ему удалось и, открыв орудийный затвор, он попробовал крикнуть:

– Броневой, заряжай! Что-то сиплое и нечленораздельное вырвалось из его уст, губы и язык не слушались. Просящий жест руки красноречиво дублировал смысл его сипенья. Мужички наперегонки кинулись к ящикам со снарядами, которые были покрыты телами мёртвых солдат. Пока писатель оттащил труп подносчика со снарядного ящика, Саныч, с неожиданной для его возраста лёгкостью, схватил снаряд и, пригнувшись, подбежал к командиру. Лейтенант шатаясь, с залитым кровью лицом открыл затвор и вложил свежий броневой. Грянул выстрел. Танк, на полной скорости приближавшийся к тому месту, где засели артиллеристы, вздрогнул и, проехав по инерции еще немного, остановился, не доехав до цели каких-нибудь пару сотен метров. Сероватый дымок показавшийся из-под башни очень быстро перешёл в чёрную дымовую завесу.

– Теперь нас ещё труднее будет обнаружить. Это очень хорошо, – мелькнула мысль у лейтенанта.

Что-то свистнуло совсем рядом. Висок его обожгло, и он потерял сознание, уткнувшись головой в оружейный затвор и обхватив его руками. Сан Саныч, подбежавший было с новым снарядами, растерянно замер над мёртвым лейтенантом.

– Анатолич, я так понял, что мы с тобой одни тут остались! Надо бы домой возвращаться. Сев возле орудия, он стал рыться в карманах, пытаясь отыскать злополучное кольцо.

– Кажется, в дырку за подкладку провалилось, чтоб его!

– Ну, ты даешь, Саныч! Нас же сейчас расстреляют или на худой конец переедут немецкими гусеницами! С правого фланга на полной скорости прямо на нас мчался немецкий танк. Я почувствовал, что сейчас грянет выстрел и, уже падая, схватив соседа за рукав телогрейки, рванул его на себя. От смерти нас спасло то, что мы кубарем скатились на дно ложины. Через мгновение над нашими головами прогрохотали гусеницы вражеского танка. Нас завалило землей от обрушившихся стенок природного убежища. Голова гудела от грохота. Надо было что-то делать. Выплюнув землю, я решил растормошить соседа по несчастью.

– Ты долго так лежать собираешься, Саныч?! Доставай ты эту старинную хреновину и вертай нас назад! Отсутствие ответа меня насторожило. Осторожно взяв за плечо телогрейки историка, я попытался повернуть его к себе лицом. Лицо соседа представляло кровавое месиво. Падая вниз, он со всего размаха ударился головой о камень.

Этого только мне ещё не хватало! Расстегнув телогрейку, я приложил ухо к груди.

– Дышит – живой значит. Ну, слава тебе, Господи! Прости мою душу грешную! Перекрестившись три раза, я стал обыскивать карманы его телогрейки. В углу за подкладкой нащупал что-то похожее на кольцо. Хорошо ещё, что подкладка из саржи была сделана и от времени протёрлась до дыр в нескольких местах. Вот через одну из таких дырок я и выудил злополучное кольцо. Несмотря на осенний холод, пот градом катился по моему лицу, застилая глаза. Зажав трясушимися пальцами обеих рук кольцо, я попытался сосредоточиться.

– Так, если кольцо крутится по часовой стрелке, то это будущее. Перевернул цилиндр, теперь самое главное не промахнуться и вернуться в своё время. Заговорил стихами, в рифму! Это хороший знак. Я вытер пот со лба, вглядываясь в крохотные римские циферки, расположенные на верхнем кольце машины времени. Как же будет выглядеть наше время

– 2018 год? Вот так наверное – ММХVIII! Чтобы не сбиться, я ржавым гвоздём, невзев каким образом попавшим в карман моей ветровки, нарисовал на земле шпаргалку – ММХVIII.

– Значит так! Верхним кольцом делаю два полных оборота по часовой стрелке от большого алмаза (назовём его для краткости «ноль») до римской буквы «М» (тысяча). Далее совершаю коротенький поворот от «нуля» до I (единицы), затем чуть длиннее – от «нуля» до десяти и завершаю годовое исчисление тремя короткими поворотами от «нуля» до I (единицы). С определением года покончено. Берусь за нижнее кольцо.

Синее свечение усиливалось, цилиндр подрагивал словно живой. Я оглянулся по сторонам и увидел, как два дюжих немца с автоматами бегут в мою сторону и целятся в меня. В это мгновение сосед наконец-то пришёл в себя. Стоная от боли, он попытался приподняться на одной руке. Я, как гипнотизированный, смотрел в сторону немцев и ждал автоматной очереди. Странное безразличие парализовало моё сознание. Это длилось долю секунды, кажущуюся вечностью. Не сумев удержаться, историк свалился на меня, и мы вместе упали на землю. Автоматная очередь, как хороший садовник, срезала верхнюю часть кустов там, где ещё секунду назад находились наши головы. Как в замедленном кино, в полёте я успел повернуть нижнее кольцо и установить цифру девять напротив первого алмаза.

Снова вспышка, похожая на работу сварочного аппарата, ты слепнешь, гул, переходящий в надсадный рёв, а затем оглушающая тишина... Мы очнулись на берегу реки Сить. Погода была мерзкая. Моросил дождь. Побросав удочки, я помог Сан-Санычу подняться, из его носа текла кровь, а на лбу начинала образовываться приличная шишка.

– Саныч, под ноги надо смотреть, а то придёшь в школу, а дети засмеют. Решат, что тебя жена приглубила!

– Хватит смеяться над бедным учителем истории, в кои-то веки собравшимся на рыбалку. Ты вот что, Анатолич, ты с этим кольцом поаккуратней. А то ведь ни за грош могли пропасть.

– С этим что ли? – Я достал из кармана кольцо. Руки мои дрожали, а тело покрылось испариной. Не раздумывая, я зашвырнул его на середину реки и... проснулся! За окном по-прежнему шёл дождь, серый студень неба наводил на грустные мысли. О рыбалке в ближайшие день-два можно было забыть. Наглое карканье и стук в окно окончательно вернули меня в реалии сегодняшнего дня.

ДОМАШНЕЕ ЧУДОВИЩЕ

– Ваш ребенок склонен к фантазированию! – школьный психолог Вера Дмитриевна поправила очки на переносице. Папанов уныло смотрел в пол. Он помнил, как его тридцать лет назад отчитывали в школе, а теперь он был вынужден слушать претензии к своему сыну Грише.

– Вчера он сказал, что его тетрадь по русскому языку съело какое-то чудовище, – усмехнулась неприятной усмешкой классный руководитель Ангелина Петровна, вторя психологу, – вам надо поговорить с сыном. Не нужно доводить ситуацию до абсурда. Пока эту версию о чудовище слушаем только мы, учителя. Но если он начнет свои выдумки рассказывать одноклассникам, то поверьте... Ничем хорошим это не кончится.

– Дети в младших классах иногда демонстрируют неслыханную жестокость, – поддакнула психолог, – ваш Гриша может стать объектом буллинга. Надо это предотвратить, поймите.

Папанов покивал, пробормотал что-то и поплелся к выходу. Гриша был третьим ребенком в семье. Два старших сына выросли и жили отдельно, радуя своими успехами. Гриша родился поздно, и у немолодых родителей не осталось никаких сил на воспитание проблемного школьника. Он только в четвертом классе, а уже ворует у товарищей мелочь и шоколадки, теряет вещи, шатается где-то после уроков. Разговоры не помогали. И хотя сын регулярно обещал исправиться, из школы постоянно звонили с упреками. Папанов не знал, что предпринять, и уныло думал о том, что Гришку уже поздно начинать шлепать.

Папанов толкнул дверь квартиры и топтался в прихожей, стаскивая промокшие ботинки. Леся гремела на кухне посудой. Папанов заглянул к ней, чтобы поговорить о вызове в школу, но она досадливо отмахнулась. Папанов зашел в комнату Гришки, которая была первой по коридору, сразу за кухней. Сын все еще не вернулся из школы. Комната была неопрятной, неприятно пахнувшей. Стены заклеены плакатами «Очень странных дел», футболки, носки и трико разбросаны на полу. Под столом несколько скомканных бумажек. Папанов покачал головой, сын рос неисправимым неряхой.

Хлопнула дверь, Папанов выглянул в коридор. Гришка вешал курточку на вешалку, поднявшись на цыпочки. Не доставая до крючка, он вскарабкался на тумбочку и ... завалил на себя вешалку. Испуганная грохотом Леся выскочила из кухни, на ходу вытирая руки о замызганное вафельное полотенце.

– Ах ты, бестолочь криворукая, – закричала она, – сколько раз тебе говорили не громоздиться на тумбочку!

Гришка всхлипывал и шмыгал носом, выбираясь из-под вороха курток.

– А ты что стоишь? – напустилась Леся на мужа, – бери свой паршивый молоток да прибивай уже гвоздь!

Гришка наконец вылез из-под упавшей на него вешалки и виновато посмотрев на отца, поплелся в свою комнату. Папанов вздохнул, сходил в кладовку и достал молоток.

Сын молча, низко опустив голову, хлебал теплый рисовый суп. Рядом с суповой стояла плоская тарелка с двумя сардельками, покрытыми капельками жира. Гриша искоса смотрел на них. Супа он не хотел, но Леся, уперев руки в бока, следила, чтобы первое блюдо было съедено. Папанов читал газету, примостившись у края стола и прихлебывая чай.

– Опять по русскому тетрадку потерял? – спросила грозно Леся. Она уже получила от мужа информацию о поведении сына в школе, и ей не терпелось заняться воспитанием ребенка. Гриша неопределенно хрюкнул. Мать отобрала тарелку с супом и подвинула к нему сосиски.

– Леся, – осторожно сказал Папанов, – дай ребенку поесть.

– А ты бы уже молчал! – мгновенно отреагировала жена. – С твоего попустительства раздолбай растет! – и неожиданно хлопнула сына по спине полотенцем. Тот вздрогнул, вжав голову в плечи, но есть не перестал.

После ужина сын пошел в комнату, из которой вскоре стало доноситься тихое «бу-бу-бу». Гриша учил стихотворение «Буря мглою небо кроет».

Папанов лег на диван и включил телевизор. Леся легла рядом, водрузила на живот ноутбук, сунула наушники в уши, показывая, что ее не интересуют ни новости дня, ни американские боевики. Папанов скосил глаза на экран: жена читала какое-то женское фэнтези.

– Папа! – тихо позвал Гриша, появившись на пороге их общей комнаты, которую Леся горделиво называла «зала», – можно я сегодня в кухне на диване лягу спать?

– Еще чего! – сказал Папанов, – не выдумывай даже. Если спать боишься – ночник включи.

– А в зале можно? – еще тише спросил Гриша.

Папанов выключил звук телевизора.

– Что случилось, сын? Чудища-страшилища спать не дают?

– Ну, типа того.

– Неубедительно звучит, – хмыкнул отец, – большой уже, и не стыдно выдумывать? Не первоклашка же. Появится такое чудище-страшилище – ты его кулаком в нос. Понятно?

– Понятно, – кивнул сын, постоял немного на пороге и вернулся к себе.

На кровати лежал заяц с оторванным ухом. Гришка кое-как пришил ухо позавчера, но оно оторвалось снова. Волшебной силы любимой с детства игрушки не хватало для того, чтобы победить Чудовище, которое жило в комнате Гриши. Чудовище росло с каждой оторванной пуговицей, подзатыльником дылды-переростка из соседнего подъезда, визгливым вскриком мамы, новой двойкой. Сначала оно было маленьким, с ноготок, на вид почти прозрачным и жило в углу комнаты. Становясь с каждым днем все заметнее, крупнее, сильнее и гуще на просвет, оно перебралось под кровать, куда редко заглядывали. Даже пылесос боялся совать туда свою волосатую щетку-голову. Чудище поначалу было молчаливым, а теперь оно начинало порываться. И в этом рыке Гришка слышал: «Отдай тетрадку!». И Гришка отдавал тетрадку, а чудище засовывало ее лохматыми лапами в огромный рот и чавкало, показывая острые зубы. Потом Чудище говорило: «Носок отдай» и снова пожирало добычу. Сlopало и роликовые коньки, и библиотечную книгу Жюль Верна, которую непременно надо вернуть в будущую пятницу. Гришка подозревал, что когда закончится все ценное, что у него было, то случится что-то страшное, непоправимое.

Пока Чудовище было меньше плюшевого зайца, оно еще побаивалось дневного света или включенной лампы. Теперь оно было размером со щенка овчарки. Оно спокойно ходило по комнате, даже прыгало на кровать. Оно могло и на Гришку прыгнуть, поставить лапы ему на грудь и дыхнуть своим смрадом прямо в лицо. А может, и облизать щеку или нос Гришки отравленным языком, а то и вовсе укусить.

Гришка сказал было об этом страшном создании школьному психологу Вере Дмитриевне, но та посмотрела как-то странно. Потом поднесла к плотно сжатым губам палец и покачала головой. Наверное, в ее доме тоже жило такое Чудовище, а, может, и не одно.

Родителям Гришка ничего не говорил. Он подозревал, хотя и не видел сам, что у родителей в спальне тоже живет свое Чудовище. Иначе, почему отец запрещал входить к ним в комнату? И кто мог издавать такой громкий скрип по ночам? Почему мама иногда кричала приглушенным голосом? Родители со своим-то Чудовищем не справляются, где им Гришке помочь?

Прошла безрадостная неделя. Мама ругалась все чаще за проступки и двойки, а Чудовище росло и толстело. Портфель был отдан на съедение и изодран в клочья, от пижамных штанов остались только две пуговицы, крепившиеся к манжетам на коленках. Футбольный мяч, подаренный на прошлый день рождения – и тот был скормлен Чудовищу. У Гришки ничего не осталось ценного.

– Съешь меня, – шептал Гришка, – ну, что ты такой упрямый! Съешь.

Чудовище урчало и хлопало своими горящими зенками. Оно сильно выросло за последнее время, едва помещаясь на кровати. Теперь не Чудовище жило под кроватью, а Гришка. Оно скучало, порываясь выйти в коридор квартиры, и Гришка знал, что вот-вот это произойдет. Мальчик знал, что удерживает Чудище в его спальне: он еще не все ему пожертвовал. Немного подумав, он решил, что остался только заяц – бесполезный, плюшевый и ненастоящий. Чудище косо смотрело на него.

– Давай договоримся, – сказал как-то вечером Гришка плаксивым голосом, – я тебе Зайца, а ты... Ты отстанешь от меня.

– Зайца мало, – прорычало Чудовище, – зайца и маму. Или зайца и папу.

Гришка заплакал, не желая уступать монстру. Чудовище ждало, его горящие глаза были неумолимы. Гришка тихонько выскользнул в полутемный коридор. В зале мерцал экран телевизора, бубнил нарядный диктор телевидения. Родители смотрели какую-то передачу. Гришка прокрался в кухню и взял самый длинный и острый нож, которым папа разделывал мясо для воскресного обеда.

Леся плакала, везя тряпкой по полу в коридоре, затирая следы врача-реаниматолога и двух дюжих санитаров. Нет у этих медработников никакой привычки ходить в бахилах по вызовам на дом. Попробуй-ка, приди без бахил в поликлинику!

Вымыв пол в коридоре, она прополоскала тряпку и перешла в комнату сына. Затертые пятна крови на полу и голый матрас без простыни делали обстановку незнакомой, чужой.

Папанов поехал с сыном в больницу, а ее оставили дома. Может, это и правильно? Какой толк сидеть вдвоем у постели ребенка? Он от наркоза долго отходить будет. И операция не одна ему предстоит – насидится Леся еще у кровати. К тому же скоро придет участковый и станет спрашивать, как да что.

Нож с длинным и острым лезвием все еще лежал на полу в комнате Гриши. Может, нельзя мыть тут пол до официального осмотра места происшествия?

Леся наклонилась и заглянула в темное пространство под кроватью, потом потыкала туда шваброй и извлекла драную библиотечную книжку, ручку от школьного портфеля, разодранный футбольный мяч и какую-то тряпочку.

– Вот ведь засранец! Ну, что за ребенок! Говорили мне, не нужно позднего ребенка рожать, ничего хорошего из этого не выйдет!

Повертев в руках пушистую тряпочку, Леся догадалась, что это ухо от старого плюшевого зайца. Со вздохом все находки Леся выбросила в мусорное ведро на кухне и села за стол без сил. В дальнем углу Гришиной комнаты за шкафом шевельнулась лохматая тень. Она сильно подросла за этот вечер, и ей надоело прятаться. «Скоро придется осваивать другие комнаты», – мелькнули красные огоньки в глазах Чудовища.

ЗАМЕНА

Томми с сомнением посмотрел на свое отражение в стеклянных дверях. Темнокожий парнишка в обвисших штанах, дутой куртке кричащего красного цвета и огромных белых кроссах. Гарлемом от такого на много миль вокруг несет, на что ему вообще здесь надеяться? Но в этот момент с щелчком створки гостеприимно распахнулись и Томми с тяжелым вздохом зашел внутрь высотного делового центра. У турникета охранник долго и с подозрением рассматривал его приглашение с водительским удостоверением, потом кивнул и хлопнул ладонью по зеленой кнопке.

- На лифте до 23 этажа, там налево! Офис 2347! - сухо напутствуя вслед.

- Спасибо, брат!- поблагодарил его Томми с ослепительной улыбкой, но тот лишь хмыкнул в ответ.

Лифт висел как раз на 23 и когда парень у него остановился, стремительно двинулся вниз. Двери раскрылись и оттуда как ошпаренная выскочила на шпильках длинноногая цыпа, держа у уха телефон.

- Они отказали мне! С моим то Йельским дипломом! Что они о себе воображают? Назадали кучу дурацких вопросов!- втирала возмущенно она кому то, удаляясь с цоканьем каблучков.

Томми вошел и нажал на нужную кнопку. Отделка была внутри зеркальная. На Томми таращилось по собственному отражению с каждой стены.

- Привет! Я- Том Сорель! Но Вы можете меня называть Мистер Миллион! Я просто находка для Вашей Фирмы!- заявил он им. Надо ей-богу меньше жестикулировать, этим «ребятам в костюмах» такое может прийтись не по нраву. А вот белоснежная улыбка- это да, его сильная сторона!

- Я- Том Сорель!- повторил он и растянул рот до ушей. Как такую лапочку не взять на работу! На этаже офис он нашел быстро, но у входа тревога захлестнула, и пришлось переждать пару минут, прежде чем он осмелился робко постучать и зайти внутрь. В стильной «хайтековской» комнате оказалась только пожилая секретарша за столом.

- Меня зовут Том Сорель! Приглашали к 12!- пробормотал парень и стал торопливо искать засунутое в какой-то из многочисленных карманов приглашение.

Бабка посмотрела на висящий на стене циферблат часов. Время было уже 5 минут первого. Опоздал! У Томми разом похолодело внутри!

- Вас уже ждут! Проходите! Удачи!- неожиданно ласково сказала секретарша и выйдя из-

за своей стойки, распахнула перед парнем дверь во внутренний кабинет.

Там царил полумрак, пара прожекторов была направлена на одиноко стоящий стул перед длинным столом, за которым восседали тени людей. Их было около десятка. Томми смог разглядеть только высокого блондина в самом центре, лет под 40, в строгом костюме с галстуком и аккуратной стрижкой. В руках его был блокнот с ручкой.

- Том, вас ведь так зовут? Садитесь, пожалуйста, на стул!- сказал тот.

Парень, стараясь широко улыбаться, и суетливо приветствуя кивками и взмахами руки невидимых ему людей, бухнулся на предложенное место. Глаза поневоле зажмурились и заслезнились от яркого света в лицо, Томми заморгал и прикрылся ладонью. По бокам появилось по человеку в белом халате и они оперативно закрепили на предплечьях парня продолговатые металлические браслеты с разноцветными лампочками.

- Старайтесь сильно не размахивать руками!- сказал ему на ухо тот, кто справа, и они оба растворились в темноте. Томми утвердительно мотнул головой и сцепил пальцы на коленях.

- Позвольте Вам задать несколько вопросов?- услышал он голос блондина.

- Да, конечно, сэр!- с готовностью отозвался парень.

- Только прошу отвечать правдиво, нам не составит труда проверить достоверность Ваших данных! Неискренность поставит крест на перспективе Вашей работы у нас!

- Да, сэр! У меня и в мыслях не было обманывать Вас!- Томми почувствовал, как выступили капельки пота на лбу.

- Сколько вам лет?

- 23, почти что 24, сэр!

- Какое у Вас образование?

- 5 классов школы, сэр и курсы автомехаников.

- Вы ведь недавно в Нью-Йорке?

- Третий месяц! Я приехал из Спрингфилда, думал здесь легче будет найти постоянную работу!

- Постарайтесь отвечать на поставленный вопрос! Где вы живете?

- Извините, сэр! Снимаю однушку в Бронксе!

- У вас есть семья?

- Считаю, что и нет! Мать померла, Отец еще лет десять будет в тюрьме! Есть сестра, но ей на меня плевать!

- Здесь у вас уже появились знакомства?

- Да так по мелочи, хозяева магазинчиков, пара охранников в супермаркетах! Пытался подъехать к одной соседской девице, так она меня отшила!

- У вас есть проблемы с наркотиками, алкоголем или полицией?

- Еще не успел!- ухмыльнулся Томми, на это лицо блондина осталось холодно бесстрастным и парень поспешно добавил: Нет, я чист! Ну от силы пару косяков с травкой забил, так там у нас все ей балуются, никто и внимания не обращает!

Блондин бросил взгляд на свой золотой «роллекс».

- Тысяч тридцать баксов красная цена! Какого черта этот мажор на меня время тратит?- подумал с тоской Томми, он уже не сомневался, что сейчас получит очередной пинок под зад.

Блондин поднялся с места и его губы растянулись в резиновую улыбку.

- Ну что же, мистер Том Сорель, пока вы нам вполне подходите! Остался последний тест, но для него надо пройти в соседнюю комнату.

Подойдя, он взял за плечо ошалевшего от подобного поворота судьбы Томми и подвел к двери, которая скрывалась в глубине помещения. Она была стальной с круглым окошком из толстого стекла. Щелкнул замок и дверь отворилась.

- Что я должен делать?- растеряно спросил Томми.

- Войдете, сперва разденетесь до нижнего белья на стуле сбоку. Потом подойдете к ящику в центре, нажмете на приборной доске красную кнопку и откроете крышку. Остальные инструкции будут позже! Смелее, мой друг!

Блондин похлопал его по плечу и почти что силой втолкнул внутрь. Дверь за ним захлопнулась, комнату залило ярким неоновым светом.

Стены из пластика, обстановки никакой, только офисный стул и тот самый ящик. Металлический, чем то неуловимо напоминающий гроб, из него торчали провода, уходящие под пол. Где-то под потолком что-то противно попискивало.

Томми оглянулся, в иллюминатор на него смотрели блондин и еще другие лица, видно те, которых он так и не успел разглядеть в сумраке. Наблюдали с брезгливым любопытством, будто он какая-то муха на обеденном столе. Блондин ободряюще кивнул.

Томми разделся, накидав как-попало вещи на стул, и подошел к «гробу», вот сбоку и эта красная кнопка. Во всяком случае других такого цвета нет. Он еще раз оглянулся на зрителей за стеклом, и, улыбнувшись им своей «фирменной» улыбкой, нажал на кнопку. Ничего не произошло, только надоедливый писк сверху наконец-то заткнулся.

Томми взялся за ручки на крышке и тут ему послышалось шепуршание внутри. Он наклонился ближе к поверхности и напряг слух- тишина!

- Что у них там за хрень? Может какая-то зверюга? Черт, я даже не выяснил, чем эта контора занимается! - пронеслись в голове тревожные мысли. Он повернулся вновь к окошку и гневно ткнул указательным пальцем в ящик.

- Что там такое? Извините, сэр, но я не хочу оказаться сегодня чьим-то обедом!

Блондин показал ему через стекло бумагу, на которой сверху большими буквами было написано «Договор», и с лукавым видом постучал по ней ручкой. Типа сделай и получишь работу!

- Окей! Проклятые извращенцы! Я же в центре Нью-Йорка, мать их! Если это какой-то розыгрыш со скрытыми камерами, сами первыми об этом пожалеют! Все тут им к чертям разговорчу!- выругался Томми и рванув крышку наверх, отбежал на безопасное расстояние. Ящик плавно с змеиным шипением раскрылся.

Сперва было тихо, парень даже успел облизнуть пересохшие губы. Потом из емкости возникла вполне себе человеческая коричневая рука и уцепилась за край ящика.

- Вы чего в этом холодильнике черного парня держали? Или я тут присутствую на воскрешении, мать его, Тупака?- прокомментировал происходящее наблюдателям в окошке Томми с красноречивой и не совсем цензурной жестикующей.

Когда же он обернулся обратно, у него натурально поднялись дыбом волосы. В этом адском агрегате восседал в чем мать родила и тарачился на свет божий его полный близнец. Сорель Второй сфокусировал свой взгляд на остолбеневшем оригинале и неуклюже соскочив с ящика, направился к нему.

Томми попятился и наконец обрел дар речи:

- Эй, ты кто такой? Учти, пусть мы слегка и похожи, но еще один шаг и я за себя не в ответе!

Близнец остановился и, оскалившись белозубой улыбкой, произнес до боли знакомым, его же Томми, голосом:

- Привет! Я- Том Сорель! Но Вы можете меня называть Мистер Миллион! Я просто находка для Вашей Фирмы!

Он протянул руку к парню и тот, взвизгнув, звезданул свою копию левым хуком в лицо. Близнец качнулся и размашисто ответил прямым правым. Оплеуха была такой силы, что Томми отбросило на дверь. Во рту появился привкус крови, голова налилась свинцовой тяжестью. Парень с трудом поднялся и бешено забарабанил в окно, призывая на помощь. Снаружи на него смотрели с холодными улыбками, блондин сделал прощальный жест рукой. Сзади прибли-

жались шаги. Повернувшись, Сорель с воплем отчаяния кинулся на свое ожившее отражение с кулаками. В тот же момент пальцы Близнеца железной хваткой схватили его за горло и вознесли к потолку, так что ноги парня беспомощно засучили в воздухе.

Полузадушенный, он плохо соображал, что происходит, пока его с грохотом не бросили на дно ящика. Он в последний раз мельком увидел собственное лицо и крышка «гроба» захлопнулась.

- Эй! Выпустите меня! Это чертовски плохая шутка!- заорал что есть мочи Томми, и заколотил ладонями по металлической обшивке. Раздался звук льющейся жидкости и на него из невидимых отверстий корпуса со всех сторон закапала какая-то дрянь. Через мгновение тело пронзила жгучая боль, да такая, как будто живьем начали сдирать кожу! Завоняло чем-то тошнотворным, Томми с ужасом ощутил, что тело перестало его слушаться, превращаясь в какой-то склизкий студень. Он хотел закричать, но уже не смог...

Блондин подошел к Томми Второму, который сосредоточено переключал тумблеры на приборной доске, одним глазом следя за показателями индикаторов.

Он погладил гладкую холодную поверхность Ящика.

- Если бы я искал аналогию для людей нашего Аппарата, то назвал бы его «смесью микроволновки и стиральной машины!» Старое растворяется в синтетическом пищеварительном соке, превращаясь в калорийный бульон для наших собратьев, потом промывка, просушка и телепортация разумной протоплазмы для создания следующего Объекта.

- Не пора ли уже обходиться без этого цирка с гладиаторскими боями?- сухо поинтересовался новорожденный Томми, трогая, морщась, синяк на щеке.

- Ну это же традиция, завещанная нам предками! Ты должен по праву сильнейшего занять

его место! Своеобразная дань уважения к тому, чью жизнь на себя одеваешь!

Томми пожал плечами и пошел к стулу одеваться в вещи своего предшественника.

- Проще было бы послать десяток звездолетов и быстро зачистить эту планету!- заметил он.

- Стратегия «Замены» оправдывает себя уже не одну тысячу лет! Мы живем гораздо дольше этих существ, куда нам торопиться!- ответил Блондин и патетически продекламировал:

Первая волна разведает Путь!

Вторая- его обеспечит!

Третья сделает необратимым!

А четвертая все завершит!

К тому же Межгалактический Совет осуждает агрессию к другим, даже таким примитивным цивилизациям! Что не помешало нам прямо под их носом заменить уже три мира!- с улыбкой добавил он: Подобная тактика позволяет получить планету « под ключ» в целости и сохранности, с ее уникальной природой, инфраструктурой и культурой! Я например уже пристрастился к театру, хожу на премьеры каждые выходные! А Вам с учетом типажа могу порекомендовать рэп-баттлы или соревнования NBA!

- Я готов!- сказал одевшийся Томми, от оригинала его было практически не отличить.

- Помните Протокол? Первую неделю живете здесь в Центре, получая базовые знания о мире, выход наружу только с куратором! Потом год самостоятельной жизни с регулярными занятиями, затем приступаете к Миссии. В свою комнату Вас сейчас проводят!

- Да, сэр! - кивнул Томми и улыбнулся своей шикарной улыбкой, на которую трудно было не ответить. Затем вышел наружу.

- Готова следующий кандидат! Розитта Санчес, латиноамериканка, 27 лет. - сообщили блондину.

- Ну что же, продолжаем!- воскликнул он и потер ладони. За его спиной закрылась массивная дверь и автоматически выключился свет.

ТАЙНА ЛАБИРИНТА ЛОРДА КЕНРИКА

5 января 183* года. Лондон.

Как же болит голова. А на проклятом острове нет ни одной бани, ни даже банки с рассолом. Уж лучше я стану трезвенником, чем возьму в рот хоть каплю этой дряни под названием джин!

Недавно был на рождественском балу в доме лорда Пристли. Была хорошая музыка, много танцев. Надо сказать, что английские девушки далеко не красавицы. Их лошадиная внешность, помноженная на чопорные манеры и ужасное чувство юмора, заставили меня с ностальгией вспомнить приемы и вечера в родной губернии.

Третьего числа нового года вечером собрались на спиритический сеанс, которого все ожидали с большим воодушевлением. Его вела сама мадам N, широко известная своими способностями, как мне сказали. Афанасич умудрился достать нашей водочки, так что ко времени встречи с потусторонним миром я был не вполне трезв, зато в приподнятом расположении духа. Перед сеансом в комнате погасили все свечи кроме одной, а участники расселись вокруг стола. Все взялись за руки. Мадам N сначала долго и тяжело дышала с закрытыми глазами, затем принялась взывать к духу каким-то нечеловеческим голосом. Пытаясь сдержаться от смеха, я начал смотреть в старое зеркало, что располагалось аккурат напротив меня. С ним творилась какая-то чертовщина. Сначала мне причудился пристальный взгляд из пустоты, затем по зеркалу пошли волны и показались уродливые морды. Я в ужасе дернулся и ... проснулся. Видимо, я просто уснул, то ли от завываний мадам, то ли от водки.

Сегодня снова обедал у Пристли. Обед прошел замечательно, главным украшением стола была дочка старого лорда. Периодически я пытался поймать ее отражение в зеркале, но то было до того пыльным и темным, что сделать это было решительно невозможно. Не понимаю, куда только смотрит прислуга.

18 мая 187* года. Санкт-Петербург.

Мари все еще лежала под одеялом, когда Павел встал и начал неторопливо одеваться. Слово желая бросить вызов партнеру, она встала с кровати и принялась расчесывать длинные белокурые волосы перед зеркалом, будучи совершенно нагой. Огромное зеркало в позолоченной раме, богато украшенное резьбой резко контрастировало с довольно скромной меблировкой комнаты. Это был подарок одного из ее прежних любовников, пожалуй, последняя достаточно дорогая вещь, которую она до сих пор не сдала в ломбард. Зеркало отражало девушку в полный

рост, и та бесцеремонно крутилась, рассматривая себя то в одном, то в другом ракурсе. Павел успел полностью одеться и теперь раскуривал трубку, иногда исподлобья поглядывая на девушку. Наконец он нахмурился и произнес:

- Прикрылась бы чем, бесстыдница.

- Хочешь сказать, я недостаточно хороша? – Мари, слегка наклонив голову, посмотрела Павлу прямо в глаза. Тот смутился и отвел взгляд.

- Ничего подобного, - не поворачивая головы, ответил Павел. – Ты даже чересчур хороша. Но одно дело постель, а другое – вот так крутиться.

Мари подколола волосы и, накинув на плечи халат, вернулась в постель. – Я рада, что могу угодить тебе. Вот только ты меня совсем не радуешь! Ты сегодня опять ничего не принес?

- Что значит ничего? - Павел закашлялся от возмущения, а затем выложил на стол несколько мятых ассигнаций. – Вот все, что есть.

- И только? – Мари поплотнее запахнула халат. – Это даже не смешно. Когда ты перестанешь валять дурака и начнешь ходить на службу?

- Это не твое дело, - буркнул Павел, насупившись.

- Ах, не мое? – в глазах девушки заиграли не добрые огоньки. – Ну хорошо. Тогда я отправлюсь к господину Шпальскому и расскажу про все твои долги!

- Не смей! – лицо молодого человека моментально покраснело от гнева, даже уши стали пунцовыми. – Даже не думай появляться возле моего дома! Ты! Падшая женщина! Ведьма!

Ругательства любовника не произвели на Мари ни малейшего впечатления.

- Таковая природа женщин, мой милый! И пока у тебя не будет денег, можешь не появляться мне на глаза!

От этих слов лицо Павла также быстро побелело, как до этого вошло в краску. Дрожащей рукой он поднес трубку к губам и сделал затяжку. Выпустив облачко дыма, молодой человек глубоко вздохнул и начал говорить умиротворяющим тоном:

- Мари, прости, я не хотел обидеть тебя. Ты же знаешь, мнение господина Шпальского очень важно для меня. Если он узнает, что я тебя посещаю, то не только напишет отцу и матушке, но еще и выгонит из дома, и тогда мне не останется ничего кроме как вернуться в глушь, в провинцию. А для меня это все равно, что смерть!

- Это все очень трогательно, но мне нужны деньги. Иначе меня выкинут из комнаты!

- Я знаю, знаю. Не переживай. Скоро у меня будет достаточно денег. Ты даже сможешь снять себе что-то поприличнее этой конуры.

- И откуда же у тебя возьмутся такие богатства? – с усмешкой спросила Мари, сверля любовника взглядом.

- На банкете у графа Орлова все слышали, как граф обещал выплатить десять тысяч рублей тому, кто раскроет ему секрет лорда Кенрика! И черт возьми, эти деньги во что бы то ни стало будут моими!

- Десять тысяч, - Мари проговорила, растягивая слова, будто хотела попробовать деньги на вкус. – И как же ты планируешь их достать? Кто вообще этот лорд Кенрик?

- А ты не знаешь? – удивился Павел. – Вот темная душа. Весь Петербург только и говорит о его зеркальном лабиринте! Уж кто только не пытался вызнать секрет этого аттракциона, какие только умы над ним не бились, а все без толку.

- Ааа... Ты про того чудаковатого иностранца из зеркального дома, - Мари понимающе закивала. – Но если никто не может узнать секрет, то как ты собираешься сделать это?

- У меня есть план, - сообщил Павел практически шепотом, после чего подмигнул ей. Мари оставалось только вздохнуть. Обычно планы ее незадачливого любовника не заканчивались ничем хорошим.

13 февраля 183 года. Лондон.*

Сегодня весь день снег с дождем. Скучаю по нормальной зиме, со снегопадами, санями, и чистым морозным воздухом. Хуже погоды только английский юмор. Вчера Джон Пристли, мой лучший приятель в этом проклятом месте, пытался задать мне трепку с помощью странного английского способа драться – бокса. В общем боксер из Джона неважный. Когда он пришел в себя, то начал нести какую-то околесицу – мол, я совершенно бесстыдным образом терроризирую служанок и его сестру в их доме. Честно сказать, я ничего не понял, так как все эти дни и на версту не приближался к дому Пристли. О чем ему и сообщил. Кажется, Джон мне не поверил, так что теперь приятеля у меня похоже нет.

Ближе к вечеру приходил полисмен. Опрашивал по поводу моих перемещений в последние дни, рекомендовал не приближаться к семье лорда Пристли. Проклятые англичане. На всякий случай я решил переехать в другой район города.

15 февраля 183 года. Лондон.*

Переезжать зимой – отвратительная идея. Из-за нерасторопности грузчиков часть моих вещей безнадежно промокла. Кажется, я начинаю ненавидеть Лондон. Впрочем, новая квартира довольно приличная, хозяйка дома милейшая женщина. Правда, зеркала отчего-то грязные. Даже еще темнее чем в доме Пристли. Сказал

Афанасичу, чтобы он лично не давал служанке халтурить.

22 февраля 183 года. Лондон.*

Англичане – сплошь сумасшедшие. Вчера снова приходил полисмен. Сообщил, что от Пристли вновь поступали жалобы, и хотя никто не пострадал, если я не прекращу свои розыгрыши, меня возьмут под стражу. После разговора с ним появилась хозяйка и попросила меня съехать. Когда я осведомился о причине, ответила, что на меня жалуются служанки – мол, я пристаю к ним, когда они убирают в моей комнате.

К черту Лондон. Отправлюсь во Францию, в Париж. Мне срочно требуется сменить общество на более открытых, доброжелательных и адекватных людей.

22 мая 187 года. Санкт-Петербург.*

Мари с любопытством разглядывала лорда Кенрика. Об этом иностранце в городе ходили самые противоречивые слухи. Одни говорили, что он достиг высших степеней посвящения, медитируя в индийских храмах. Другие, что он превосходный знаток химии и совершил невероятный прорыв в деле фотографии, заставив последнюю ожить. Третьи, и их было большинство, сходились на том, что лорд продал душу дьяволу, и всякий, кто посещает его лабиринт, делает тоже самое. Впрочем, никакие предостережения и проклятия не мешали, а скорее, наоборот, помогали процветать делу лорда, привлекая все новых и новых посетителей в его аттракцион ужаса и страха.

Вопреки слухам лорд выглядел вполне обычно, даже несколько неряшливо, что привело девушку в легкое разочарование. На вид ему было около сорока лет. Лицо скрывалось за неряшливой бородой, так что лорд больше смахивал на извозчика, чем на ученого или посвященного. Однако монокль в левом глазу придавал его образу некоторую интеллигентность. Стоя в рабочем кабинете лорда, Мари терпеливо ожидала, пока он соизволит оторваться от бумаг. Наконец лорд выпрямился и окинул девушку скептическим взглядом. Затем спросил резким и сухим голосом, практически без акцента:

- Грета сказала, вы пришли наниматься в прислугу. Как вас зовут?

- Меня зовут Мария, господин Кенрик.

- И вы готовы целыми днями убирать, готовить, стирать белье и заниматься прочей черной работой? – спросил лорд, нахмурившись.

- Моя жизнь состоит из ежедневного выполнения домашних обязанностей и прочей, - тут Мари позволила себе легкую усмешку, - черной работы. Вас что-то смущает, сударь?

- Не каждый день в прислугу нанимаются такие прелестные девушки. Это удивительно.

- Разве красота — это порок? — возразила Мари, досадая, что не догадалась одеться скромнее. — Или она может стать препятствием для работы?

- Пожалуй, нет, — лорд принялся снова рассматривать Мари. От его пристального взгляда ее кожу начало холодить. Девушка поежилась, внутри появилось странное чувство будто ее бесцеремонно ощупывают, словно курицу на базаре. — Скажите Мария, есть ли у вас родные? Мать, отец?

- Никак нет, господин Кенрик, — кое-как выдавила из себя девушка. Лорд Кенрик снял моноколь, его глаз оказался невероятного, ярко-оранжевого цвета, словно у кошки, и резко контрастировал с правым, по-обычному карим.

- Может быть отдаленные родичи? Тетушка, например.

- У меня есть дальняя родня, сударь, — отвечала Мари. — Но в столице я проживаю совершенно одна, от того и нуждаюсь в работе.

- Замечательно, — лорд вернул моноколь на место и потер руки. — Вы умеете ухаживать за больными?

- Мне приходилось ухаживать за больной матушкой в последние годы ее жизни, — Мари с силой сжала свою сумочку, которую держала в руках. Что за странные расспросы ведет этот иностранец? Сам-то он уж точно не похож на больного.

- Прекрасно, просто замечательно, — Кенрик засуетился за столом, совсем перестал смотреть на девушку и принялся перекладывать бумаги. — Последний вопрос. Как вы относитесь к слепцам?

- К слепцам? — от неожиданности Мари не нашлась, что ответить. — Ммм, с состраданием, как и полагается. Но простите, какое ...

- Вы подходите, — иностранец не дал ей закончить вопрос, объявив о своем решении. — Отправляйтесь домой, а завтра к семи утра явитесь ко мне. Грета объяснит вам основные обязанности. Только прошу вас, оденьтесь соответственно. Вам предстоит тяжелая работа.

Покинув дом чудаковатого лорда, Мари какое-то время стояла на улице, пытаясь осмыслить произошедшее. Странные вопросы иностранца про родственников и слепцов, его оранжевый глаз и торопливость, все это ей совершенно не нравилось. Но с другой стороны — первый пункт плана завершился успешно.

12 марта 183 года. Париж.*

Все-таки Франция удивительная страна. Дома наверняка лежат сугробы по колено и воют метели, в проклятой Британии слякоть и дожди, а в Париже весна. Немного огорчает то обстоятель-

ство, что долго пришлось искать квартиру. Зеркала во всех выглядят просто ужасно, хотя сами комнаты чистые и приятные. Афанасич ужасно ворчал, что я маюсь дурью, пока колесили по городу в поисках жилья. Решил уступить старику и остановился в следующем же номере. Зеркала, впрочем, грязные, как и везде.

15 марта 183 года. Париж.*

Кажется, я болен. Афанасич признался, что зеркала во всех комнатах были чистыми как слеза младенца. На всякий случай пригласил врача. Он долго осматривал, делал важный вид и раздувался. Ничего вразумительного сделать не смог, сказал, что у меня редкий случай неврической болезни, но деньги взял. Одним словом — шарлатан. Даже бабка-знахарка в деревне и та больше умеет, чем этот французский хлыщ.

20 марта 183 года. Париж.*

И снова меня настигает это странное проклятие. Начал получать претензии о нападениях и издевательствах от тех немногих лиц, с которыми успел познакомиться. Решительно не могу понять, что происходит.

Вечером Афанасич проговорился, что видел в нашем зеркале черта, а потом насупился и замолчал. Пришлось его напоить. Признался, что черт выглядит точь-в-точь как я. Правда, еще через две рюмки понес, что, мол, в юности моя матушка зналась с ведьмами и каталась голой на черте. Пьяный дурак.

25 марта 183 года. Париж.*

В течение последних дней почти не выходил из квартиры. Общество окончательно отвернулось от меня, так что и Париж следует покинуть. Мое промедление было связано лишь с выбором дальнейшего пути. Кажется, в Венеции есть сообщество, исследующее мистические обстоятельства, схожие с моими. Завтра же я отправляюсь в путь.

13 июня 187 года. Санкт-Петербург.*

Мари парила в темноте. Ее окружало липкое ничто, которое уверенно затягивало девушку в свои глубины. Внезапно она услышала треск. Мир переменялся. Теперь напротив Мари было огромное зеркало, которое пошло трещинами и раскололось на тысячу осколков. Они окружили Мари со всех сторон и в каждом отражалась она сама. Тысячи зеркальных Мари расцарапывали свои лица, драли волосы, кричали и выли, но звука не было, и от этого было только страшнее. Но вдруг сквозь пугающую немоту прорвалось хриплое карканье ворона. Этот звук разрушил нелепые правила жуткого места — все осколки зеркал раскрошились в пыль, а сама Мари перестала парить и начала стремительно падать...

- Да проснись же ты!

Павел во всех сил тряс ее за плечо. Мари отстранила руку любовника:

- Хватит. Я уже проснулась.

- Ты выла и каталась по постели. Тебя что, черти в котле варили?

- Уж лучше б черти, - девушка невесело усмехнулась, затем бросила взгляд на часы. Было около часу ночи. Она встала с постели и начала медленно одеваться. Павел в темном плаще притоптывал ногой, ожидая ее.

- Ну сколько можно возится?

Мари в ответ лишь пожала плечами. Девушка представила, как под покровом ночи они проникнут в хозяйский дом и войдут в лабиринт, чтобы разгадать тайну зеркал, и от этих мыслей все внутри нее сжалось.

- А может не стоит этого делать? - робко предложила она.

- Только не говори, что у тебя проснулась совесть, Мари! - рассмеялся Павел. - Все равно не поверю. Ты сама сказала, что лорда Кенрика не будет только сегодня. Это идеальный момент узнать тайну и получить наши деньги. Десять тысяч, Мари!

Напоминание о деньгах позволило ей отбросить не нужную слабость, наконец, одеться и выйти на улицу. Они быстро добрались до дома с зеркалами. Ключами, которые накануне выкрала, Мари открыла сначала калитку, а затем и дверь в лабиринт. Дальше начиналась абсолютно неизведанная для нее территория. Здесь в лабиринте работали и ухаживали за зеркалами лишь слепцы. Ей же приходилось готовить и обстирывать увечных, а также присматривать за больными - слепые отчего-то часто хворали.

Павел решительно зажег лампу, осветив небольшое помещение, в котором взималась входная плата. Дальше за тяжелой занавесью начинался сам лабиринт. Стоило им шагнуть за нее, как сердце Мари буквально ушло в пятки. Молодые люди стояли в абсолютной темноте, которая совершенно не рассеивалась слабым светом керосинки. Не было видно ни пола, ни потолка, лишь бесчисленные отражения слабого огонька и их самих. Павел подкрутил пламя, но тьма упорно не желала отступить.

- Чуть какая-то, - буркнул он и, достав из полы плаща лом, двинулся вперед. Мари, боясь оказаться в одиночестве, поспешила за ним.

Павел двигался быстро, не смотря по сторонам. Девушка же напротив, не могла оторвать взгляд от зеркал. Их отражения двигались за ними в черной пустоте и, как ей казалось, пристально следили. Неожиданно Павел остановился, и Мари налетела на него, не удержалась на ногах и упала. Бросив взгляд на зеркало, она застыла от ужаса. К ним медленно приближался

лорд Кенрик. Его глаза горели яростным оранжевым светом, а в руках он сжимал острый клинок. Взмах - и голова Павла слетела со своего места, а из шеи забил фонтан крови. Еще шаг и лорд уже возле нее самой. Мари закричала от ужаса.

- Чего орешь, дура! Хочешь, чтоб вся прислуга к нам сбежалась?

Девушка получила существенный тычок под ребра. Когда она подняла глаза, то вместо безумного лорда увидела Павла - живого и здорового, а также изрядно злого.

- А где лорд Кенрик? - слабым голосом спросила она.

- Где, где. В Кронштандте! - рыкнул на нее Павел, рывком поднимая на ноги. - Если ты мне не соврала, конечно.

- Я только что видела ... как он отрубил тебе голову ...

- Вот дура, - Павел рассмеялся. - Ты что, никогда не проходила лабиринт? В этом-то весь фокус, что Кенрика здесь нет, а в отражениях он есть. А то, что он убивает и мучает людей - ну так поэтому это аттракцион страха и ужаса. Лучше возьми-ка лампу да посвети мне.

Мари послушно подняла лампу и вслед за Павлом подошла к стене лабиринта. Зеркала здесь были установлены так плотно, что границу между ними найти было трудно. Но все же Павел приладил ломик к едва заметному зазору между зеркалами и теперь пытался расшатать их. Мари посмотрела на зеркало и еле сдержала крик. Лорд Кенрик с клинком в одной руке и отрубленной головой Павла в другой стоял с той стороны и внимательно наблюдал за ними. Казалось он с любопытством ждал, чем же закончатся их попытки. А чуть поодаль Мари не без ужаса обнаружила себя. Ее отражение парило в пустоте так, словно было распято. Голова запрокинута назад, одежда вся изорвана, на голой коже следы синяков и ссадин, а кое-где кровоточащие раны. Внезапно из пустоты появилась плеть, которая обвила тело ее отражения, отчего зеркальная Мари скорчилась от боли, а на месте удара появились новые раны.

Тем временем у Павла ничего не выходило. Чертыхнувшись, он оставил попытки расшатать зеркало, перехватил ломик по удобнее и занес руку для удара. Мари мгновенно осознала, что этого нельзя делать.

- Нет! - закричала она, но было уже поздно. Ломик не разбил зеркало, а вместе с рукой прошел сквозь него, оказавшись в мире отражений. Зеркальный лорд Кенрик как будто ожидал этого - отбросив голову Павла в сторону, он схватил реального Павла за руку и потащил внутрь зеркала. За первый рывок Павел ушел в зазеркалье наполовину. Лицо его исказилось от ужаса, но он

не собирался сдаваться:

- Лампа! Дай мне лампу скорее!

Мари протянула Павлу керосинку. Однако отражение лорда отреагировало быстрее, чем Павел успел что-либо сделать. Кенрик взмахнул клинком и Мари, оцепенев, наблюдала, как прозрачное лезвие прошло границу между мирами и отсекло руку Павла здесь, в реальности. Отрубленная кисть с лампой упали на пол, раздался звон и слабый огонек керосинки погас. Мари услышала нечеловеческий вопль Павла, который оборвался через мгновение. Она протянула руки туда, где молодой человек стоял буквально минуту назад, но ощутила лишь пустоту, а затем ее пальцы коснулись чего-то холодного и скользкого. Зеркало! Девушка отшатнулась, ее начала бить крупная дрожь. По щекам потекли слезы, ей безумно хотелось выть в полный голос, но она держалась. Вытянув вперед руки словно слепая, Мари двинулась в обратный путь.

12 мая 183* года. Венеция.

Путешествие выдалось неторопливым и приятным. Мы нигде не задерживались надолго, так что дурные слухи не поспевали за мной. Даже Афанасич повеселел.

Моими думами все больше завладевают зеркала. Я уже не сомневаюсь в том, что жуткий вид их - это плод состояния моего ума, а не неряшливости хозяев, но решительно не могу связать все факты воедино. Где связь между слухами о «нападениях», тем, что все зеркала кажутся мне изъеденными ржавчиной, и наконец чертом из зеркала в моем обличье? Да и есть ли здесь хоть какая-то связь? Ради этих ответов я и прибыл в Венецию.

22 мая 183* года. Венеция.

Попасть на заседание масонской ложи было непросто, пришлось изрядно потратиться на взятки и подарки. Можно сказать, я испытал разочарование. В ложе много пафоса – речей, церемоний и напускной таинственности. Говорили пространно и много: о политике и экономике, о магии чисел и экзорцизме, о церкви и науке. Но ничего, что могло бы мне по-настоящему помочь. Посещение ложи стало бы полным разочарованием, если бы не лорд Кенрик. Этот человек произвел на меня неизгладимое впечатление. В нем сочетается спокойствие мудреца и пылкость исследователя, мы обменялись лишь парой фраз, но я более чем уверен – он именно тот, кто сможет мне помочь.

29 мая 183* года. Венеция.

Пару дней назад я сделал ход конем. Долго бродил по лавкам и рынкам, пока не нашел самое отвратительное зеркало – мне кажется, что сама его поверхность будто проваливается

внутри, купил его и отправил Кенрику в виде подарка. Я рассчитывал, что зеркало заинтересует его и не прогадал – сегодня мне пришло приглашение на встречу. И никаких обвинений.

13 июня 187* года. Санкт-Петербург.

Мари дрожащими руками пыталась отпереть дверь своей комнаты. Ее план был прост – взять свои вещи и уехать из города. Куда именно она пока не решила, главное подальше от жуткого дома с зеркалами. Наконец замок поддался, Мари буквально ввалилась в комнату, тут же закрыв дверь за собой и бросившись к своему сундуку.

- Куда-то торопитесь, Мария? – знакомый до дрожи сухой и резкий голос заставил ее подпрыгнуть на месте. - Или мне лучше называть вас Мари?

Девушка нашла в себе силы обернуться и обнаружила на табурете лорда Кенрика собственной персоной. Лорд был в дорожном плаще и котелке, с тростью, однако его туфли были подозрительно чисты, будто он не шел по ночному городу.

- Что вы делаете в моей комнате? Как вы попали сюда?

- Вы еще спрашиваете? А мне казалось мы с вами перешагнули через такие условности, - лорд Кенрик многозначительно усмехнулся, - когда вы без спросу вломились в мой дом со своим ... другом?

- Но как? – девушка без сил опустилась на кровать.

- Зачем вы влезли в мой лабиринт? – спросил лорд, со стуком опустив трость.

- Это все Павел. Ему нужен был секрет вашего лабиринта. Один граф обещал огромные деньги тому, кто сможет его узнать.

- И для этого он отправил свою подружку работать ко мне, - Кенрик покачал головой. – Идиоты. Вы хоть понимаете, что натворили? Впрочем, куда вам. Скажи-ка лучше, кого ты видела в зеркале, там в лабиринте?

- Я видела вас, лорд. Вы были словно...

- Словно черт, знаю, знаю, - лорд торопливо отмахнулся от ее слов. – Ты видела кого-нибудь еще?

- Нет, только вас, Павла и себя, - девушка вздрогнула, вспомнив свое распятое тело. – Хотя... кто-то истязал меня плетью там – в отражении. Я не видела его, но там, наверное, кто-то был.

- Проклятие! Он все-таки пришел, но к тебе... Нужно спешить! Ты пойдешь со мной, поднимайся.

- Но куда? – Мари непонимающе уставилась на лорда. – И кто это был?

- Все объяснения потом, - Кенкрик схватил ее за руку и подвел к зеркалу, поверхность которого больше ничего не отражала и стала маслянисто-темной. - Не бойся, сейчас мы окажемся у меня в кабинете. Тот, кто истязал твое отражение в зеркале - куда страшнее, чем я. И зовут его лорд Дуэйн Кенрик.

29 мая 183* года. Венеция.

Все пропало. Целый год под руководством лорда Кенрика наша группа ставила эксперименты над моим проклятием. Но месяц назад все закончилось полным крахом - их всех затянуло в зазеркалье. Лорда Кенрика больше нет, лаборатория уничтожена, а вся группа погибла. Выжил только я. Без Кенрика умерла надежда раскрыть природу проклятия и обуздать его.

Афанасича я отослал домой еще с полгода назад. Старик плакал и не хотел уезжать, но я был непреклонен.

Я опасен для окружающих. Мои отражения в зеркалах способны не только пугать людей, но и причинять им неизмеримо больший вред. Я решил начать жизнь отшельника, избегать людей и тем паче зеркал. Но с каждым днем мое здоровье было все хуже и хуже. Оказывается, проклятие как паразит питается энергией тех, кто отразился в зеркалах. Без этого оно меня медленно убивает.

Я мог бы покончить с собой, но все во мне протестует против такого греха. Я не знаю, как дальше быть. Я совсем один...

13 июня 187* года. Санкт-Петербург.

Путешествие сквозь зеркало было мгновенным, шаг и Мари оказалась в кабинете лорда. Кенрик сразу же развел бурную деятельность. Он сбросил дорожное платье, оставшись в сорочке и брюках, при этом Мари отметила, что лорд побрился и разом помолодел лет на двадцать. Пока она избавлялась от плаща, лорд уже преобразил кабинет до неузнаваемости. Исчез письменный стол и ковер на полу, под ним обнаружилась сложная фигура в виде многолучевой звезды, вписанной в круги и многогранники с множеством странных символов. Стенные панели превратились в зеркала. Из соседней комнаты Кенрик вытащил непонятное устройство в виде шара на подставке, окруженного различными трубками, металлическими кругами, с множеством тянущихся к нему по полу проводов.

Мари встала возле стены между зеркалами, и во все глаза наблюдала за приготовлениями к неясному действу. Лорд отлучился на мгновение и вернулся с двумя странными ружьями. Вместо стволов у них были металлические штыри с низанными на них кольцами, а к месту затвора

присоединялись провода. Одно из этих ружей лорд протянул девушке.

- Что происходит?

- Раньше я думал, что те, кто попадают в мир отражений, умирают, но это не так. Они становятся демонами зеркал, - с этими словами Кенрик убрал монокль и Мари вновь увидела зрачок его левого глаза, такой же оранжевый, как у Кенрика в отражении.

- Это метка. Знак, что я принадлежу к обеим сторонам действительности. У демонических отражений глаза светятся оранжевым светом. Они властвуют в зеркальном мире и способны воздействовать на людей здесь через их отражения. Я нашел способ, как ограничить их влияние днем, но ночью в своем лабиринте они практически всеильны. Однако недавно я установил, что на них можно повлиять при помощи электричества.

- Вот этими штуками, - девушка посмотрела на электроружье в своих руках.

- Все верно. Мой друг, лорд Дуэйн Кенрик попал в зеркальный мир очень давно. Он самый жестокий демон отражений, но его душа мучается и жаждет покоя. Его уничтожение - главная цель моей жизни, однако я никак не мог вызвать его появление. Но ты, - лорд указал на Мари, - заинтересовала его.

- Чего вы хотите от меня?

- Ты должна отразится. Надеюсь, твой друг насытил остальных демонов, и они не явятся к нам. Кенрик же обязательно придет за твоим отражением, и тогда я уничтожу его. Но если дела пойдут плохо - просто приставь ружье к зеркалу и нажми на курок. Ты поняла?

- Да, как скажете... - Мари ничего не поняла, но была слишком ошарашена происходящим, чтобы задавать вопросы. Зеркала, отражения, демоны - все слишком походило на дурной сон. В голове ее крутились мысли: сейчас я очнусь, придет Павел, и я отворю его лезть в этот безумный дом. И черт с деньгами, провались они пропадом, пусть лучше приходит без них, чем сгинет в лабиринте.

Подчиняясь указаниям лорда Мари вышла на середину комнаты и стала рядом со странным устройством. Кенрик нажал рычаг, устройство загудело, внутри шара стали одна за другой появляться молнии. Мари не отрываясь смотрела в зеркала, но видела лишь себя. Это все настоящее, это все сон, твердила она про себя, сжимая ружье в руках. Когда ее отражение исчезло, а на его месте в зеркалах появился Павел, Мари едва не выронила ружье из рук. Глаза Павла горели оранжевым огнем, а на левой руке не хватало кисти. Он что-то говорил Мари, и манил ее пальцами правой руки.

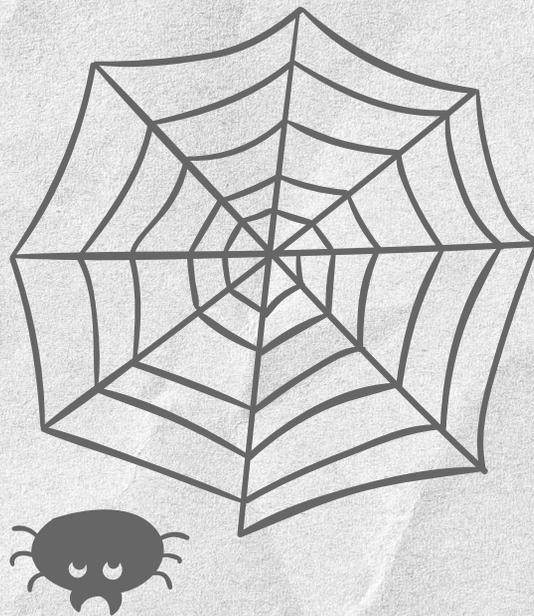
Через мгновение голова Павла отделилась от тела и улетела в сторону. Позади рухнувшего тела стояло отражение лорда Кенрика, каким она запомнила его в лабиринте. Лорд был зол, он в ярости наносил Павлу все новые и новые удары клинком, словно желая искромсать его. Однако и это видение длилось недолго. Отражения Мари вернулись на свое место, вот только у них в руках не было ружья, а сами руки были почему-то за спиной. Из темноты появилась плеть и Мари обожгло острой болью. Она буквально прочувствовала, как плеть прошлась по ее спине и плечам, разрывая одежду вместе с кожей.

Лорд Кенрик не заставил себя долго ждать. Он подскочил к зеркалу и выстрелил из ружья. Новая невыносимая боль пронзила ее тело, словно тысячи игл впились в каждый миллиметр кожи. Мари закричала, падая на колени. Лорд с удивлением оглянулся на нее, и в тот же миг черная плеть вырвалась из зеркала и затянула внутрь. Впрочем, Кенрик не думал сдаваться, он продолжил борьбу там, в мире отражений, посылая в своего противника разряды электричества. По зеркалам начали змеиться трещины. Мари не могла понять, кто же побеждает, единственное чего она хотела – чтобы ушла безумная

боль, стремление спастись овладело ей. Действуя скорее по наитию, она навела свое ружье на сферу с молниями и выстрелила.

Зеркала словно взорвались изнутри, миллионы осколков поднялись в воздух и засверкали, отражая свет ламп. Новая вспышка боли оглушила Мари, лишая сознания. Когда девушка пришла в себя, вокруг не было никого. Поспешно накинув свой плащ, она бросилась прочь из кабинета. В вестибюле она резко остановилась, засмотревшись на собственное отражение в огромном зеркале. С ним было что-то не так. Мари отчаянно вглядывалась в свой образ, пытаясь установить несоответствие, пока ее отражение не ожило. Зеркальная Мари подняла руку и закрыла ладонью один глаз. Ее второй зрачок был оранжевым, как у лорда Кенрика, как у любого демона зеркал. Отражение послало ей воздушный поцелуй и удалилось. Мари приложила руку к холодной поверхности зеркала, и оно ответило ей, распахнувшись словно портал. Шагнув сквозь него, девушка оказалась в своей комнате. Оглянувшись на свое старое зеркало, она улыбнулась сама себе:

- Что ж, теперь я и правда ведьма!

ИЗОБИЛИЕ

Он любил ее. Он любил ее так сильно, как никто и никогда не любил. Любил так, как только он мог любить. Она была всем для него. Его лунной, холодной, как лед, его теплым солнцем, его жизнью, его болезненным желанием. Он любил ее так, как Нарцисс любил собственное отражение. Она была его улыбающейся наивной куклой, самым ярким украшением его серой повседневности. Он хотел поместить ее на полку, как кубок или медаль за первое место, и смотреть, смотреть, смотреть, пока его глаза не иссохнут.

Его. Его. Лишь его.

Он любил ее. Поздно ночью, когда она спала, он нежно касался ее безмятежного лица. Его напряженные, как натянутые струны, пальцы, едва ощутимо касаясь, исследовали каждый миллиметр ее мягкой и теплой кожи. Они подрагивали, двигаясь медленно и аккуратно, стараясь запомнить ее лицо наощупь. Он хотел, чтобы она всегда была рядом с ним. Когда он смотрел вокруг себя или закрывал глаза, он хотел видеть ее ясно, как днем. Он был одержим, зависим от ее красоты, ее безукоризненного, полного молодости, тела, ее кожи и каждого пигментного пятнышка на ней. Ее кожа была картой для его фантазий о путешествиях. Он был исследователем, потерянным в ней, как в густом тумане. Он был моряком в бескрайнем океане ее тела, и он утонул в нем, съеденный огромными изголодавшимися акулами.

Если бы он был скульптором, он мог бы изобразить ее, даже не глядя на модель. Он знал каждый изгиб, каждый выступ, каждую ямочку ее тела. Ее кожа была выучена наизусть, он помнил ее структуру так, как священник помнит текст Священно писания. Каждый квадратный сантиметр был запечатлен в его воображении. Кончики его пальцев помнили ее очертания, ее тепло. Даже ослепший он бы ее видел. Его. Лишь его.

Его ежедневным ритуалом был осмотр его тела. Он осторожно касался всего, что видел. Ее рук и ног, ее красивой груди, ее тонкой гибкой шеи, округлых плеч и шелковой линии ее позвоночника. Каждый раз, по возвращении домой, он смотрел. Он без конца смотрел на нее, уставившись маниакально, проводя все свое свободное время любуясь ей.

Он любил ее. Он обожал ее внешность, принадлежавшую ему от макушки ее златовласой головки до ее маленьких изящных пальчиков. Его. Она была для него так же дорога, как для ребенка любимая игрушка. Иногда он хотел показать всему миру, каждому человеку на этой земле, что она принадлежит ему. Но он был

слишком ревнив, жаден, эгоистичен и одержим ее видом. Его. Ему надо было спрятать ее, а лучше запереть где-нибудь, привязать покрепче, но не испортить при этом ее кожу. Да, отлично. Его. Ему никогда не было дела до того, что волновало ее голову, но было интересно, что внутри ее головы.

Он желал большего.

Однажды он понял, что ему больше нечего исследовать. Он смотрел на нее снова и снова, испуганный, остолбеневший. Его руки тряслись беспорядочно, беспомощно, отчаянно. Он слышал, как истерично бьется его сердце где-то в горле и висках. Почему? Что еще он может сделать? Он быстро схватил ее запястье, жадно хватая взглядом созвездие родинок (204 штуки) на ее предплечье, плеяды родинок (26 штук), переплетение зелено-голубых вен, маленький белый шрам, когда-то давно оставленный котом. Ничего. Больше не было ничего нового. Он упал на колени и зарыдал, хватая ее ноги, лодыжки, бедра, живот. Он плакал, как маленький ребенок, с широко раскрытыми сумасшедшими глазами.

Она боялась дышать, глотая слезы, задыхаясь своими слезами. Она боялась человека, с которым жила. Она хотела верить, что он правда ее любит. Она не знала ничего другого.

Он любил ее. Он хотел каждый ее кусочек. Он чувствовал, будто строит Вавилонскую башню, будто он Икар, который почти долетел до солнца, будто он Сизиф, толкающий камень. Близко, но никогда не достигнув цели. Мысли вились в его черепной коробке, как паразиты, черви, личинки, жадно пожирая его мозг. Что-то шептало едва слышно.

У тебя есть то, что нужно, ты знаешь, как это сделать.

И правда что. Он точно знал, что он должен сделать. Это не причинит ей вреда, ей не будет больно. Ее кожа будет так же хороша, нетронута, идеальна, как и всегда. Это будет ее самый сладкий сон. Сначала он него были сомнения насчет морфия, но он так хотел осуществить задуманное.

Наконец, он взял свой инструментарий и нужное количество морфия из больницы, где он работал. Он был весь как на иголках, перевозбужденный, он не мог больше ждать. Когда он пришел домой, она спала. Она выглядела, как ангел. Он нежно погладил ее розовую теплую щечку в последний раз и сделал инъекцию. Он был профессионалом своего дела, она ничего не почувствовала. Морфий потек по ее венам, как по реке. Река втекла прямо в океан ее сердца. Вскоре она

была смертельно отравлена. Чуть позже мертва. Было похоже, что она просто спит глубоким.

Он дотронулся до ее безжизненного тела одним пальцем и захихикал. Затем он начал смеяться громко и счастливо. Его, его, его. Теперь у нее не было себя, это было пустое тело без души, без мнения и свободы воли. Пустая оболочка, красивая и мертвая.

Он любил ее. И тогда он понял, что полюбил ее еще больше. Он всегда хорошо проводил время в компании трупов. Они всегда были тихими и безмолвными, им не нужно было их внимание или привязанность. Они всегда внимательно слушали его монологи, не перебивая. Честно говоря, они были лучшей компанией, которая у него когда либо была. Он был экзальтирован, невероятно счастлив, возбужден. Он желал ее безвольное тело всеми фибрами души.

Что так внутри? Тук-тук.

Его скальпель был острым. Он сам его заточил со всей своей любовью, прилагая море усилий. Его металл сиял в лучах заходящего солнца. Холодное серебряное лезвие разрезало тонкую кожу. Рубиновые капельки выскользнули из-под скальпеля. Он нахмурился, ему не нравился вид бегущей крови. Она напоминала ему о живых людях. Мертвые люди были гораздо приятнее. Но сейчас это его почти не волновало. Он получил то, что хотел, что он заслужил. Теперь у него было безграничные возможности для исследований и тестов. Он мог изучить каждую клеточку ее тела, каждый мускул, каждый орган, каждый внутренний изъян. Его. Сейчас он разговаривал с ней так много, как никогда раньше не говорил.

Все вокруг него окрасилось красным, и он не знал, было ли это из-за багровых лучей закатного солнца или ее крови, красной, как вино.

Ему было интересно, какова на вкус ее плоть. Его, его, его. Так много экспериментов и иссле-

дований ждали его. Он не спал несколько дней.

Трупное окочение весьма огорчило его, оно практически разбило его сердце. Оно застало его врасплох. Ее кожа стала бледной, серой, отталкивающей. Он рыдал, безнадежный. Он больше не видел ее в этом трупе. В любом случае, это действительно не была она. Это было тело, порезанное на кусочки. Ее глаза, когда-то голубые, стали мутными, как у мертвой рыбы. Где-то на теле не было кожи, она была снята, чтобы иметь возможность видеть красный шелк ее тканей. Он сходил с ума. Он истерически смеялся и плакал, отгоняя мух от его сокровища. Он орал на насекомых, на ее безжизненное тело, на его собственное отражение в зеркале. Он чувствовал, как теряет остатки разума. Был ли он когда-нибудь в себе? Его преследовала дрожь, тремор. Он ненавидел ее за то, что ее не стало, он ненавидел себя и мух. Они летали вокруг, жужжа, доставая до смерти.

Когда он увидел опарышей на ее плоти, что-то внутри его сломалось. Целая куча опарышей копошилась в полостях, разрезах на ее теле. Он не знал, было ли это по настоящему, или это была лишь игра его зараженных мыслей. Были ли эти опарыши из его мыслей? Может быть, они случайно выпали из его головы? Эти жуки были слишком близко к ней, непозволительно близко. Он пытался вытащить их. Это его тело! Его, его, его! Он рвал червей, топтал их. Но их по-прежнему было в изобилии. Внезапно он так захотел стать опарышом. Безумный.

Он разрезал свое горло одним точным движением своего безупречно острого скальпеля. Он умирал, сочаь кровью. Он упал на пол и смотрел на ее кусочки. Он смотрел, смотрел, смотрел. Его, лишь его.

Последнее, что он увидел, было изобилие ее.

ЖАРКО

Давно ли порывистый ветер портил настроение? Нет! Несколько дней тому назад ветер ожесточённо тряс деревья в линейке ливня под крутым углом. А сегодня... жара, горят леса вокруг города. Дымно.

Потная моя рука, рассекая воздух - потерявший прозрачность и отяжелевший - движется к лицу, к переносице, подхватывает очки за соединяющий две линзы мостик. Указательным пальцем скольжу кверху по проложенной каплей пота дорожке на носу, толкаю очки, сажаю на переносицу. Не дело им находиться на кончике носа!

«Порядок», - думаю удовлетворённо. Но нет, очки опять ползут вниз! Ах, кабы нос имел бы горбинку!

Из-за плотного воздуха, будто то не воздух, а кисель, всё вокруг едва просматривается. Даже в метро опрокинулся этот кисель. Конечно, не такой густой, пожиже. Да разве оттого веселее?

Время от времени из дыма-тумана выплывают незнакомые лица таща за собой шлейф запахов - пот и моча, моча и пот - иногда отдаёт запахом табака либо духов, что ещё противнее. Бубню себе под нос: - Раз, два, три... Появился человек. Четыре, пять... снова человек.

Помню, пригласили меня в квартиру на шестом этаже. Город оттуда до смешного похож на гребёнку со сломанными зубьями. Расползлась фиолетовая ночь, поблёскивая тоненькими звёздами, кое-где светились окна домов, словно стразы в гребёнке и ветерок... А теперь - жара!

И закружил невидимый демон над землёю, опустил крыло в расщелину совести людей, сказавших - «Вот Мы» и в расщелину совести отвечающих им - «Будем руководить Вами, как захотим. За то возьмём всё Ваше, отломим каждому по кусочку, чтобы не сгнули да не отвернулись от Нас в обиде своей. Мир и покой распространим среди Вас, какими их знаем. Судить станем за негодные нам дела Ваши, как умеем!»

Между ними явная связь... Не исключено, каждый движется вслепую наобум, случайно за руку держа случайного попутчика пока желания и вкусы совпадают. Всё случай как всегда - виновник! Надежда - пасынок души, на случай уповает.

Бывает сказочный мир представится реалистичным, извратит осмысление жизни, кинет в забвение неумолимость действительности, заслонит мечтой способность мыслить разумно, толкнёт на бесполезные в повседневности подвиги, направит к призрачной удаче в неуловимой дали. Но те, кого природа с лихвой расщепленностью одарила по более достойны сожаленья, ведь склонностью страдают к нигилизму. А нигилист, как известно во имя любви к правде «изобличал ложь идеальных начал». Подозрительное отношение нигилиста к высокой культуре швыряет его в утилитарность. И кто сказал, что собственная воля, понятие не условное хотя бы отчасти? Кишит в пространстве мыслей вал. Демон их читает и глядя на людей зевая повторяет: - Много вас, ох, как много.

СОДЕРЖАНИЕ

ПОЭЗИЯ

<i>Евгений Платонов</i>	3
<i>Иг Финн</i>	6
<i>Владимир Сиурин</i>	8
<i>Константин Спасский</i>	9
<i>Владимир Капицын</i>	10
<i>Елена Лазарева</i>	11
<i>Елена Потатуркина</i>	12

ПРОЗА

<i>Евгений Миронов</i>	13
<i>Владлен Росс</i>	14
<i>Станислав Шуляк</i>	15
<i>Иг Финн</i>	20
<i>Светлана Рощина</i>	22
<i>Регина Зайнуллина</i>	24
<i>Эмилия Запольская</i>	29
<i>Светлана Люльчак</i>	31
<i>Алексей Мильков</i>	35
<i>Ксения Зимина</i>	43
<i>Серафима Иванова</i>	49
<i>Алексей Миронов</i>	52
<i>Ирина Соляная</i>	56
<i>Роман Унукайнен</i>	58
<i>Максим Романов</i>	61
<i>Настя Шульга</i>	68
<i>Нина Шаикина-Карчаганова</i>	70

«РУССКАЯ ИСТОРИЯ УЖАСОВ»

АЛЬМАНАХ

Главный редактор: Никита С.Митрохин
Технический редактор: Дмитрий Глазков, Виктор Богданов
Обложка: А Тен
Верстка: Алла Сороко

Ряд произведений представлен с сохранением авторской редакции

Подписано в печать: 21.12.2019
Выпуск книги: 31.12.2019

Издательство: НАП и СМИ «Русский литературный центр»
143423, МО, Красногорский район, пос. «Истра», д. 20/4

Печать и распространение: Русский литературный центр
143423, МО, Красногорский район, пос. «Истра», д. 20/4
Лицензия на тираж: 3500 экз.

По вопросам приобретения обращаться: info@litagency.ru,
+7 (495) 128-09-92